This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

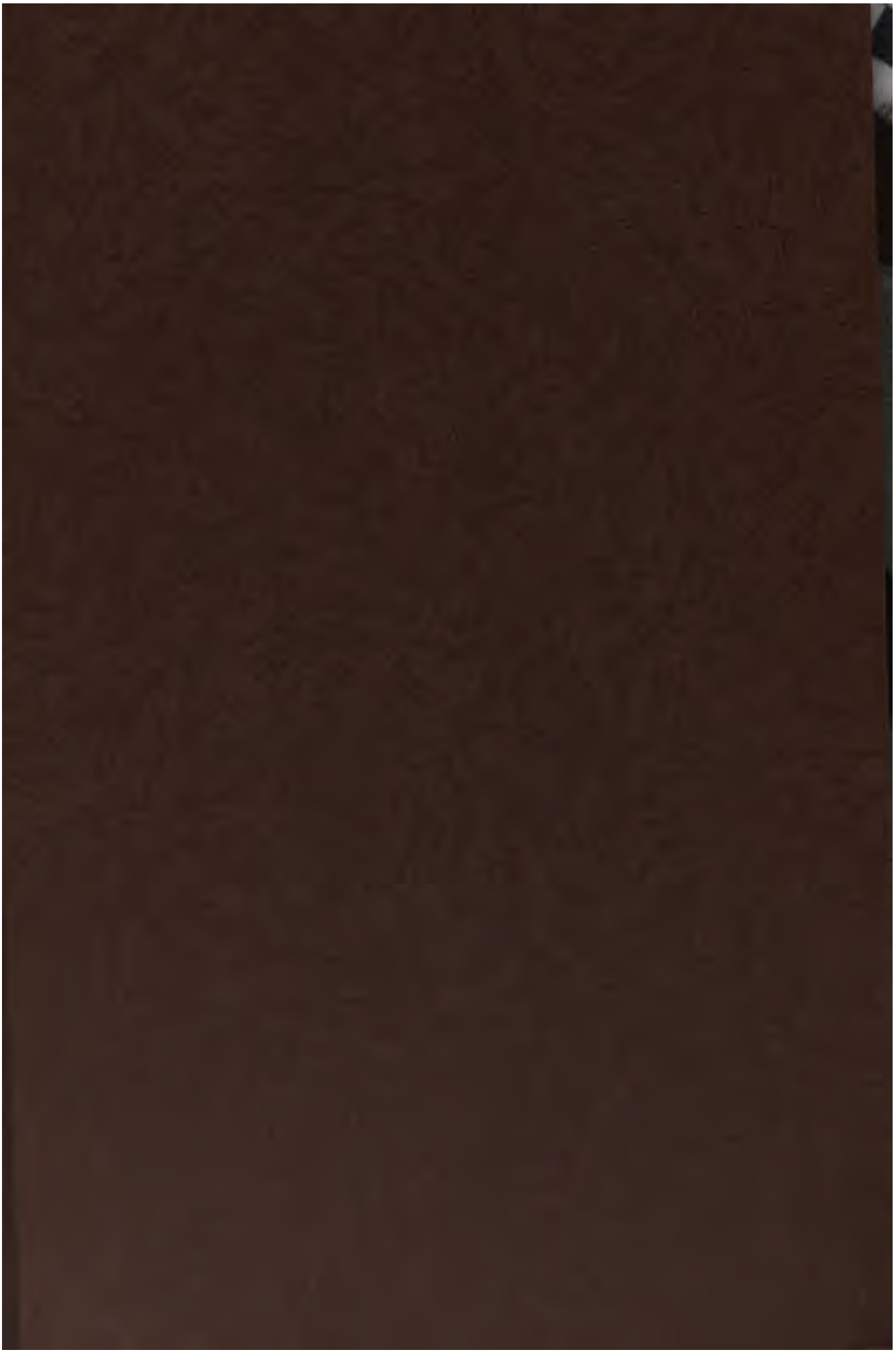
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

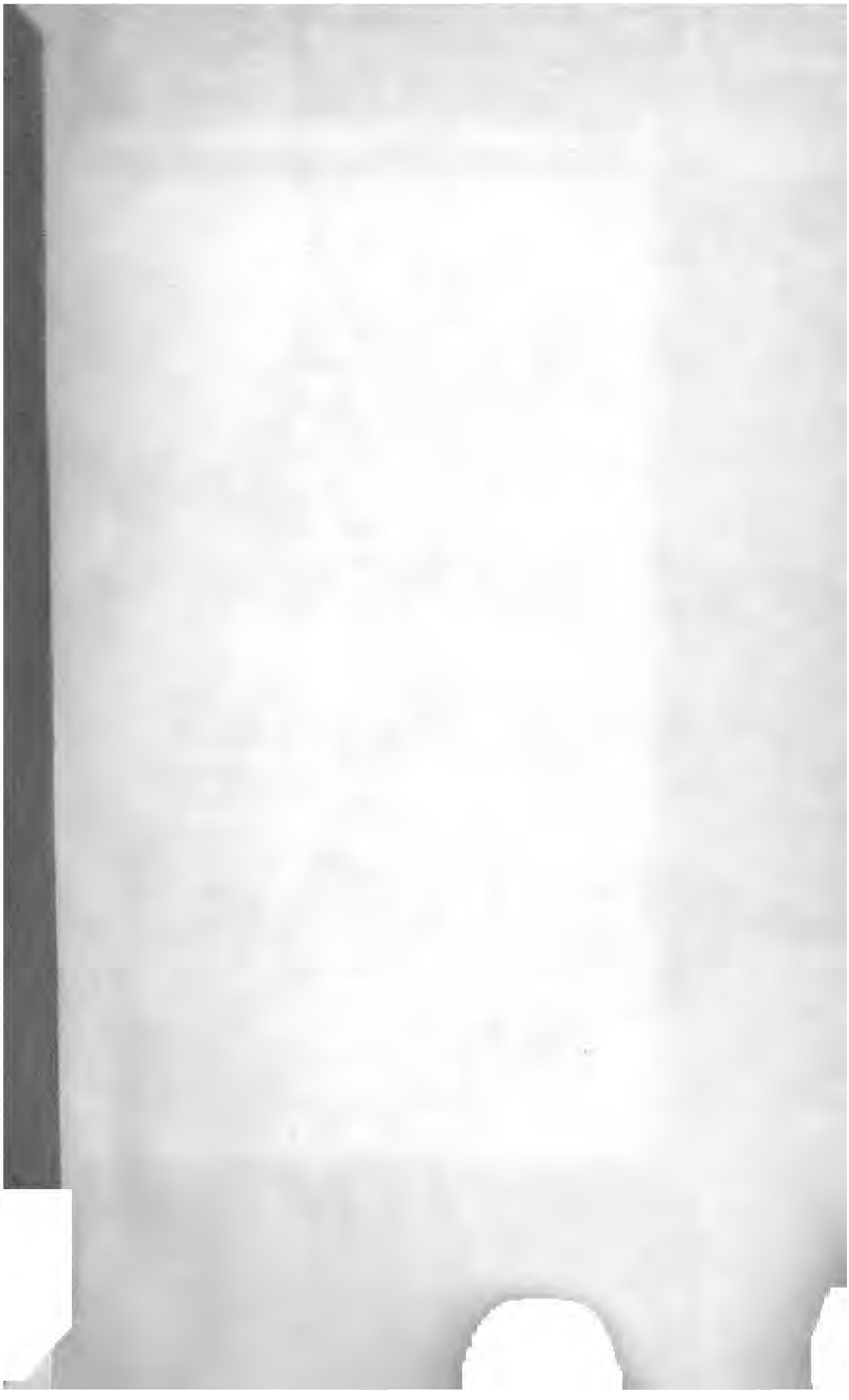
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



1666

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
NOV 8 1972

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцатая.

Выпускъ I.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнингера, Пушкинская, 20.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XX. вып. 1-й.

Отдѣлъ I.

отдѣл.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1905 года по 27-е октября 1906 г., составленный Секретаремъ Общества *А. М. Лободою* 3

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Научно-историческая разработка матеріаловъ по исторіи Великой французской революціи.—*П. Н. Ардашевъ.* 13

Отдѣлъ II.

Плачъ Кіев. лавр. Іереміи XVIII-го в.—*Н. М. Каманина.* 3

Отдѣлъ III.

Путешествіе Франа Гундулича въ 1655—56 г.г.—Сообщилъ *М. П. Петровскій.* 3

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 41

Отдѣлъ V.

О двухъ подложныхъ грамотахъ.—кн. Льва Галицкаго и гетмана Богдана Хмельницкаго.—*Н. М. Каманина.* 3

ЧТЕНІЯ

ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцатая.

КІЕВЪ 1907 г.

ЧТЕНІЯ
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцатая.

Издана подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская. 20.
1907.

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.

Отдѣлъ I.

Лѣтопись дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1905 г. по 27-е октября 1906 г.

Составленъ секретаремъ Общества А. М. Лободой.

27-го сего октября закончился 34-ый годъ существованія и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, и въ настоящемъ засѣданіи Общество имѣетъ честь представить отчетъ за истекшій годъ.

Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его Совѣта и Бюро.

Къ 27 октября 1905 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 158 членовъ: 25 поч., 127 дѣйств. и 6 чл.-корреспондентовъ.

Изъ нихъ Общество лишилось почетнаго члена академика Александра Николаевича Веселовскаго и дѣйствительныхъ членовъ И. В. Помяловскаго и Матвѣя Ивановича Соколова.

Въ лицѣ Александра Николаевича Веселовскаго наука потеряла одного изъ наиболѣе энергичныхъ и разносторонихъ дѣятелей. Свои обширныя познанія въ области запад.-европ. литературы А. Н., по примѣру лучшихъ нашихъ изслѣдователей, примѣнялъ, главнымъ образомъ, для обогащенія и освѣщенія литературы русской. Такъ, изъ занятій А. Н. итальянской литературой родился классическій переводъ „Декамерона“ Боккачьо на русскій языкъ, гдѣ удивительно выдер-

жанъ духъ, характеръ подлинника и блещетъ мастерское умѣнье владѣть роднымъ словомъ. Широко же поставленное сравнительное изученіе литературъ иностранныхъ и русской привело къ созданію у насъ цѣлой школы т. н. „международнаго общенія", родоначальникомъ и вождемъ которой явился А. Н. Проливая истинный свѣтъ на многія черты и сюжеты русской литературы, которые раньше считались продуктомъ самобытнаго національнаго творчества, а въ дѣйствительности оказались только частными звеньями длинной международной цѣпи, сравнительно-историческія разысканія А. Н. разъяснили многое и въ самомъ процессѣ поэтическаго творчества; какъ создатель у насъ научной теоріи словесности, А. Н. раздѣляетъ эту славу только съ Потебней.

Высоко чтя эти заслуги А—а Н—а, Историч. Общество Нестора-лѣтописца намѣтило въ ближайшемъ будущемъ посвятить особое засѣданіе болѣе обстоятельной характеристикѣ его.

И. В. Помяловскій (1845—1906) по самымъ условіямъ своего воспитанія и семейной обстановки былъ какъ бы предназначенъ съ дѣтства къ ученому поприщу. Дѣйствительность оправдала это предназначеніе, и онъ стяжалъ себѣ крупное ученое имя въ рядахъ отечественныхъ классиковъ и византиновѣдовъ. Его отецъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ іереевъ С.-Петербургской епархіи, собралъ огромную библіотеку преимущественно въ области русской литературы. Страсть къ книгамъ была унаслѣдована И. В. отъ отца, и та библіотека, которую онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, является однимъ изъ самыхъ крупныхъ частныхъ книгохранилищъ въ Россіи. И. В. охотно дѣлился своими книжными сокровищами съ нуждавшимися въ его помощи, и къ нему часто шли за книгой, которой не было еще въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Не было такой новинки въ области классической филологіи или византиновѣдѣнія, которая бы немедленно не появлялась въ библіотскѣ И. В. Ученое поприще И. В. началось очень рано: черезъ два года по окончаніи университетскаго курса онъ былъ уже

магистромъ въ избранной имъ научной спеціальности и вступилъ въ ряды университетскихъ преподавателей. Свою ученую подготовку, пріобрѣтенную въ родномъ университетѣ, И. В. упрочилъ въ Германіи и Италіи, гдѣ онъ много поработалъ надъ непосредственнымъ изученіемъ памятниковъ Римской старины. Свои богатыя познанія онъ принесъ на службу родному университету, въ которомъ онъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ и признаніемъ. Духовная обстановка его дѣтства дѣлала ему особенно близкой область агіологіи, и, ревностно участвуя въ трудахъ Палестинскаго Общества, онъ издавалъ въ ученой обработкѣ древнѣйшія путешествія въ Палестину. Съ 1885 по 1900 г. имъ былъ изданъ полный переводъ Палестинскаго Патерика. Свои труды по агіологіи онъ продолжалъ въ изданіяхъ Спб. Университета и Общества Любителей Древней Письменности. Дѣятельно сотрудничалъ И. В. въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, Византійскомъ Временникѣ и другихъ изданіяхъ. Свои археологическіе интересы И. В. засвидѣтельствовалъ въ цѣломъ рядѣ работъ по римскимъ древностямъ, а вызванные къ жизни гр. Уваровымъ Археологическіе съѣзды послужили ему поводомъ искать темы для археологическихъ работъ и на родной почвѣ. Всю свою жизнь И. В. принималъ непосредственное участіе въ трудахъ Имп. Археологическаго Общества и помимо личнаго участія оказалъ ему большія услуги своимъ умѣніемъ привлекать и поддерживать молодыя ученыя силы. Добрый, привѣтливый и доброжелательный, снисходительный къ другимъ и строгій къ себѣ, И. В. остается въ памяти у всѣхъ его знавшихъ, какъ истинный представитель науки, вѣрно ей послужившій до конца своихъ дней.

Имя Матвѣя Ивановича Соколова мало извѣстно въ широкихъ кругахъ общества, но пользуется крупнымъ и вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ среди спеціалистовъ. Смѣнивъ Тихонравова въ Московскомъ университетѣ, онъ съ честью продолжалъ дѣло своего предшественника и даже расширилъ его въ сторону бо́льшаго привлеченія къ изу-

ченію русской литературы памятниковъ южно-славянскихъ; подобно же Тихонравову, онъ вскорѣ сталъ центромъ и вдохновителемъ цѣлаго кружка молодыхъ ученыхъ. Въ печати извѣстно не много трудовъ Матвѣя Ивановича, но, быть можетъ, именно потому только, что онъ такъ много вниманія обращалъ на тщательную обработку изслѣдуемаго матеріала; его работы не велики, но за то разработаны со всей тщательностью и красотой художественной миніатюры.

Затѣмъ, 6 членовъ Общества признаны Совѣтомъ, на основаніи § 18 Устава, сложившими съ себя званіе членовъ Общества.

Новыхъ членовъ избрано 3: проф. А. И. Покровскій, докторъ слав. филологіи Вѣнскаго университета Ю. А. Яворскій и профессорскій стипендіатъ по каѳедрѣ славяновѣдѣнія А. М. Лукьяненко.

Д. членъ Ю. А. Кулаковскій, по случаю 30-лѣтія его дѣятельности, былъ возведенъ въ поч. члены Общества, какъ одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ его членовъ, несшій одно время также обязанности его предсѣдателя.

Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго года Историч. Общество Нестора-лѣтописца насчитываетъ въ своемъ составѣ 152 члена: 25 почетныхъ, 121 дѣйствительнаго и 6 чл.-корресп. Изъ нихъ 83, а именно: 7 почетныхъ, 73 дѣйствительныхъ и 3 члена-корреспондента значатся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Въ октябрѣ 1905 г. истекъ срокъ полномочій членамъ *Бюро* Общества, и потому въ началѣ отчетнаго года произведены были новые выборы ихъ, давшіе слѣдующіе результаты: предсѣдателемъ былъ избранъ поч. чл. Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ предсѣдателя—д. чл. А. А. Дмитріевскій, секретаремъ—д. чл. А. М. Лобода, казначеемъ—д. чл. Г. Г. Павлуцкій, библіотекаремъ и помощникомъ секретаря—д. чл. И. М. Каманинъ.

Изъ состава членовъ Совѣта, согласно § 24 Устава, выбыло 4 члена: Г. Е. Аѳанасьевъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ; вмѣсто нихъ общимъ собра-

ніемъ избраны: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, А. В. Стороженко, М. Н. Ясинскій, и такимъ образомъ въ настоящее время составъ Совѣта слѣдующій: 1) члены Совѣта по должности—предсѣдатель Н. П. Дашкевичъ, товарищъ его А. А. Дмитріевскій, секретарь А. М. Лобода, казначей Г. Г. Павлуцкій; 2) члены-учредители: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Н. И. Петровъ; 3) 8 членовъ по избранію: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, С. Т. Голубевъ, В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, Ю. А. Кулаковскій, А. В. Стороженко, Т. Д. Флоринскій, М. Н. Ясинскій.

Изъ нихъ членами Редакціоннаго Комитета являются 4 члена Совѣта по должности и 3 по избранію: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 4; засѣданій Редакціоннаго Комитета—1.

Свѣдѣнія о состояніи Библіотеки и денежныхъ суммъ Общества.

I. Библіотека Общества.

Въ Библіотекѣ Общества Нестора-лѣтописца

1) въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ къ 27 октября 1905 года имѣлось 2776 названій въ 6217 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило 104 названія въ 193 томахъ и брошюрахъ, и такимъ образомъ къ 27 октября 1906 г. состоитъ на лицо 2880 названій въ 6410 томахъ и брошюрахъ.

Изъ числа поступившихъ книгъ заслуживаетъ вниманія книга, страницы которой, каждая въ отдѣльности, вырѣзывались на деревѣ; шрифтъ церковно-славянскій уставный, 1771 г. Содержаніе книги—описаніе Іерусалимскихъ храмовъ; къ описанію прилагается и изображеніе ихъ.

2) Въ отдѣлѣ рукописей къ 27 октября 1905 г. было:

а, древнихъ рукописныхъ книгъ до конца XVIII в. 15

б, рукописныхъ книгъ XIX в. 7

в, фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей 2

г, отдѣльныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ до конца XVIII в.. . . . . 2 связки

и д, небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованная сестрой поэта, почет. членомъ нашего Общества О. В. Головней.

Въ теченіе отчетнаго года новыхъ поступленій не было, и на лицо состоитъ прежнее количество рукописей.

3) Небольшой музей Общества, до сихъ поръ не выходящій изъ зачаточнаго состоянія, новыхъ поступленій также не имѣлъ.

II. Суммы Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году находились въ слѣдующемъ движеніи.

ОСТАТОКЪ КЪ 27-МУ ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА:

1) Билетъ въ 1000 руб.	
2) Билетъ въ 1538 руб.	
3) Наличными (на текущемъ счету) . . .	384 р. 88 к.
Всего . . .	2922 р. 88 к.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОСТУПИЛО ВЪ ПРИХОДЪ:

1) Членскіе взносы (29)	145 р. — к.
2) Пособіе отъ казны	800 р. — к.
3) Единовременное пособіе отъ казны . .	500 р. — к.
4) Доходъ съ % бумагъ и % по текущему счету	135 р. 32 к.
	1580 р. 32 к.

Всего, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года,--**4503 р. 20 к.**

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ИЗРАСХОДОВАНО:

1) на изданіе 1 вып. XIX кн. „Чтеній“ . .	217 р. 52 к.
2) На устройство засѣданій	51 р. 90 к.
3) Прислугѣ	61 р. 50 к.
4) Канцелярскіе и мелочные расходы . .	53 р. 13 к.
Итого . .	**384 р. 5 к.**

Остатокъ къ 27-му октября 1906 года:

1) Билетъ въ 1000 руб.
2) Билетъ въ 2150 руб.
(Сумма этого билета образовалась изъ суммы прежняго билета въ 1538 руб. съ присоединеніемъ къ ней по постановленію Совѣта 10% взловаго дохода и 500 р. единовременнаго пособія).
3) Наличными деньгами . . . . . 969 р. 15 к.

Всего . . . **4119 р. 15 к.**

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Историч. Общества Нестора-лѣтописца выражалась, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, прежде всего въ устройствѣ засѣданій, на которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

Въ отчетномъ году всѣхъ засѣданій Общества было 13 (противъ 10 за прошлый годъ), при чемъ одно изъ нихъ было посвящено заключенію предыдущаго отчетнаго года, такъ какъ въ октябрѣ прошлаго 1905 г. обычное годичное собраніе не состоялось, по не зависящимъ отъ Общества обстоятельствамъ; изъ остальныхъ 1—административное, для выбора должностныхъ лицъ, 1 нынѣшнее годичное и 10 очередныхъ. Въ нихъ доложены были сообщенія слѣдующихъ 16 членовъ Общества (противъ 15 прошлаго года): А. С. Грушевскаго, Н. П. Дашкевича, А. И. Соболевскаго, А. В. Стороженка (по 2 сообщенія), П. Н. Ардашева, Г. М. Бараца, П. В. Голубовскаго, А. А. Дмитріевскаго, И. М. Каманина, Ю. А. Кулаковскаго, А. М. Лободы, Н. Н. Оглоблина, Г. Г. Павлуцкаго, И. А. Сикорскаго, А. И. Сонни, Ю. А. Яворскаго (по 1 сообщенію).

Всего сообщеній, такимъ образомъ, было сдѣлано 20 (какъ и за прошлый годъ).

Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній носили характеръ юбилейныхъ поминокъ; таковы: „Нѣсколько вводныхъ словъ

о Ѳ. М. Достоевскомъ и Н. И. Костомаровѣ" Н. П. Дашкевича; сообщеніе А. С. Грушевскаго, давшаго общую характеристику научной дѣятельности Н. И. Костомарова (къ 20-лѣтію со дня его смерти); сообщеніе И. А. Сикорскаго, обрисовавшаго „Душевныя черты Ѳ. М. Достоевскаго, какъ человѣка и писателя", и сообщеніе А. М. Лободы, указавшаго на связь „Горькой судьбины" Писемскаго съ „Ульяной" Крашевскаго.

Изъ остальныхъ докладовъ большинство приходится на долю южно-русской старины и народности.

Г. Г. Павлуцкій, продолжая свою серію разысканій въ области стараго зодчества на Украинѣ, охарактеризовалъ памятники каменной церковной архитектуры стиля „empire" въ Полт. г.; И. М. Каманинъ отмѣтилъ крестъ въ с. Молчанахъ и, выясняя обстоятельства, при которыхъ онъ сооруженъ, вскрылъ одинъ изъ характерныхъ кровавыхъ эпизодовъ временъ уніи; А. В. Стороженко далъ общій критическій обзоръ памятниковъ древности въ г. Люблинѣ.

Юридическимъ древностямъ края были посвящены доклады Г. М. Бараца, пытавшагося установить наличность въ Русской Правдѣ древне-еврейскаго вліянія, и А. И. Соболевскаго, подвергшаго пересмотру доводы А. Л. Петрова относительно подложности грамоты кн. Ѳеодора Коріатовича 1360 г. и признавшаго ихъ мало обоснованными.

Любопытныя данныя для характеристики монастырской жизни XVII—XVIII вв. извлекъ Н. Н. Оглоблинъ изъ „Приходо-расходной книги Азовскаго Предтечева монастыря 1699—1701 гг.", а А. В. Стороженко познакомилъ Общество съ открытымъ имъ документомъ, вносящимъ новыя подробности въ біографію Запорожскаго гетмана Яна Орышовскаго.

Южно-русской библіографіи касались доклады: А. С. Грушевскаго—о литературной судьбѣ „Исторіи Руссовъ" псевдо-Конисскаго, А. И. Соболевскаго—объ обстоятельствахъ, положившихъ конецъ старымъ Кіевскимъ календарямъ XVIII вѣка, и П. В. Голубовскаго—о Черниговскомъ историко-археологическомъ календарѣ на 1906 г.

Одного изъ загадочныхъ и понынѣ не разрѣшенныхъ вопросовъ начальной исторіи всей вообще Руси касался докладъ Ю. А. Кулаковскаго: „Новая теорія о происхожденіи имени Русь"; докладчикъ изложилъ взглядъ Марквардта и сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу его.

Въ области фольклора А. И. Сонни подвергъ критической провѣркѣ извѣстныя доселѣ объясненія нашихъ народно-поэтическихъ представленій о долѣ и горѣ и съ своей стороны обратилъ вниманіе на связь ихъ съ нѣкоторыми представленіями и вѣрованіями древне-римскими; Ю. А. Яворскій далъ обстоятельный сводъ народно-поэтическихъ источниковъ разсказа Л. Н. Толстого: „Три старца".

Византино-русской церковной исторіи касался докладъ А. А. Дмитріевскаго, познакомившаго общество съ новооткрытой имъ службой въ честь Византійскаго императора Никифора Фоки.

„Смѣна вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Руси" была въ послѣдовательномъ своемъ развитіи обрисована Н. П. Дашкевичемъ.

Наконецъ, одному изъ крупнѣйшихъ событій міровой исторіи посвящается нынѣшняя годичная рѣчь П. Н. Ардашева.

Доклады, прочитанные въ засѣданіяхъ Общества, а равно и матеріалы, представляемые членами Общества, полностью или въ сокращеніи, печатаются въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ", по 4 вып. ежегодно.

Въ отчетномъ году вышелъ 1-ый выпускъ XIX-ой книги и печатается 2 ой.

Сверхъ того, Общество принимаетъ участіе въ работахъ по подготовкѣ XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ, въ 1908 г., и одно изъ засѣданій Общества, въ присутствіи и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, было посвящено организаціи такихъ работъ въ районѣ дѣятельности Общества.

Наконецъ, Общество организовало въ 1905/6 отчетномъ году публичныя лекціи по исторіи и литературѣ, и запись

на нѣкоторые изъ объявленныхъ курсовъ далеко превысила норму, при которой было признано возможнымъ начать чтеніе лекцій. Къ сожалѣнію, организація послѣднихъ, по не зависѣвшимъ отъ Общества обстоятельствамъ, закончилась такъ поздно, что онѣ въ отчетномъ году не могли состояться.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

I. Засѣданіе 1-го ноября 1906 г.

а, Въ настоящемъ торжественномъ годичномъ засѣданіи г. секретарь Общества **А. М. Лобода** прочелъ составленный имъ „*Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1905 г. по 27-е октября 1906 г.*“ (см. выше).

Опредѣлили: отчетъ утвердить.

б, Д. чл. **Н. П. Ардашевъ** произнесъ рѣчь на тему: „*Научно-историческая разработка матеріаловъ по исторіи Великой Французской революціи*“.

Сущность рѣчи заключается въ слѣдующемъ.

Несмотря на количественное богатство исторической литературы, имѣющей своимъ предметомъ эпоху Великой Французской революціи, эпоха эта, въ дѣйствительности, представляетъ собою одинъ изъ наименѣе разработанныхъ въ научномъ смыслѣ періодовъ въ исторіи Франціи. Трудно указать въ исторіи Франціи другую эпоху, относительно которой существовало бы въ исторической литературѣ столько невыясненнаго, неразрѣшеннаго, спорнаго. Можно сказать, что, въ смыслѣ научно-исторической разработанности, эпоха

Великой Французской революціи значительно уступаетъ нѣкоторымъ изъ гораздо болѣе раннихъ періодовъ французской исторіи,—хотя бы, напримѣръ, какой-нибудь эпохѣ Меровинговъ. Недостаточная, съ научно-исторической точки зрѣнія, разработка революціонной эпохи обусловливается, главнымъ образомъ, именно близостью послѣдней къ нашему времени, которое связано съ ней множествомъ живыхъ, органическихъ нитей. Вѣдь всѣ главнѣйшія политическія и соціальныя проблемы, что волновали французское, да и все европейское общество въ XIX в. и продолжаютъ въ настоящее время волновать,—всѣ онѣ связаны болѣе или менѣе тѣсною историческою преемственностью съ эпохой Великой революціи. Отсюда—недостатокъ *исторической объективности*, т. е. безпристрастнаго отношенія къ изучаемымъ фактамъ и явленіямъ,—недостатокъ, которымъ страдаютъ почти всѣ „Исторіи французской революціи". Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно первыхъ историковъ революціи. Они ее не столько *изучали исторически*, изслѣдовали съ точки зрѣнія самодовлѣющей исторической истины,—сколько *трактовали публицистически*, разсматривая ее черезъ призму современной имъ политической дѣйствительности. И врядъ ли это простая случайность, что въ роли историковъ Великой революціи выступаютъ впервые не кабинетные ученые, а журналисты и общественные дѣятели: таковы—Тьеръ, Минье, Луи-Бланъ. При всей своей внушительности (соч. Тьера—10 томовъ, Луи-Блана—12 т.), связанныя съ этими именами объемистыя „Исторіи революціи" представляютъ собою не столько научно-историческія произведенія, сколько политическіе памфлеты—только въ исторической оболочкѣ. Первымъ историкомъ революціи изъ кабинетныхъ ученыхъ является Мишле. Но Мишле—это въ сущности поэтъ, ошибшійся своимъ призваніемъ и сдѣлавшійся по ошибкѣ кабинетнымъ ученымъ. Это—историкъ по недоразумѣнію. Но Мишле не только *поэтъ*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще и *публицистъ*, который не прочь, подобно своимъ предшественникамъ и современникамъ, профессіональнымъ журнали-

стамъ, смотрѣть на историческое прошлое сквозь призму современной злобы дня. Впрочемъ, недостатокъ исторической объективности продолжаетъ оставаться и позднѣе—вплоть до нашихъ дней—наиболѣе слабымъ мѣстомъ французской исторіографіи революціонной эпохи. Исключенія не составляетъ и Тэнъ, хотя онъ ставитъ своею задачею „изучить происхожденіе современной Франціи съ такою же научной объективностью, съ какою натуралистъ изучаетъ метаморфозы какого-нибудь насѣкомаго". Не вполнѣ удается разрѣшить задачу исторической объективности и новѣйшему историку революціи—проф. Олару. Еще въ бо́льшей степени этимъ недостаткомъ страдаетъ новѣйшій трудъ по исторіи Великой революціи, принадлежащій перу извѣстнаго французскаго журналиста и политическаго дѣятеля Жореса. Впрочемъ, соціалистъ Жоресъ и самъ нисколько не претендуетъ на научную объективность своего сочиненія, которое онъ столько же смѣло, сколько и откровенно озаглавливаетъ „Histoire socialiste" („Соціалистская исторія"). Эпоха великой Французской революціи, долгое время остававшаяся исключительнымъ удѣломъ національной французской исторіографіи, въ послѣднее время все болѣе и болѣе входитъ въ область международной, общеевропейской исторической литературы. Само собою понятно, что ученымъ, стоящимъ внѣ непосредственнаго соприкосновенія съ французскою политическою современностью, столькими живыми нитями связанною съ великой революціей, задача исторической объективности является гораздо менѣе трудно выполнимой, чѣмъ для историковъ-французовъ. Но не-французская (гл. обр. нѣмецкая и русская) исторіографія революціонной эпохи, если оставить въ сторонѣ не имѣющія научнаго значенія популярныя компиляціи, состоитъ почти исключительно изъ различныхъ, часто мелкихъ *монографій* болѣе или менѣе спеціальнаго характера, почему и остается по большей части совершенно неизвѣстною широкимъ кругамъ читающей публики. Впрочемъ, и въ самой Франціи историческая литература о революціонной эпохѣ все болѣе и болѣе принимаетъ *моно-*

графическій характеръ, раздѣляя въ этомъ отношеніи общую тенденцію новѣйшей исторіографіи во всѣхъ ея областяхъ. Исходною точкою прогрессивно растущей въ новѣйшее время монографической исторіографіи революціонной эпохи является сложившееся убѣжденіе частью въ несостоятельности, частью въ недостаточности всѣхъ до сихъ поръ имѣвшихъ мѣсто попытокъ историческаго возсозданія этой эпохи. Несостоятельность и недостаточность послѣднихъ обусловливается, независимо отъ отмѣченнаго уже недостатка исторической объективности, еще тремя обстоятельствами: 1) недостаточностью и неудовлетворительностью привлекавшихся до сихъ поръ къ этому историческому возсозданію источниковъ, 2) недостаточно внимательнымъ отношеніемъ историковъ къ требованіямъ научно-историческаго метода и 3) односторонним интересомъ большинства историковъ революціи къ политической сторонѣ изучаемой эпохи, при чемъ другія стороны послѣдней—соціальная, экономическая, культурная—оставляются въ тѣни. Задачею новѣйшей монографической исторіографіи революціонной эпохи и является, вмѣстѣ съ пересмотромъ политической исторіи послѣдней, также реконструкція мало разработанныхъ сторонъ этой эпохи—соціальной, экономической, культурной. Работа, совершающаяся въ нѣдрахъ монографической литературы, имѣетъ въ общемъ подготовительный характеръ. Собирается историческій матеріалъ, разбирается, очищается отъ негодныхъ примѣсей (къ числу которыхъ относятся различныя, по большей части прочно засѣвшія въ популярныхъ „Исторіяхъ революціи“ *легенды,* однѣ *революціонныя*, другія *противореволюціонныя*), обрабатывается, подгоняется къ отдѣльнымъ частямъ будущаго научно-историческаго зданія. Помимо единичныхъ изслѣдователей, въ послѣднее время возникаютъ различныя организаціи для объединенія единичныхъ усилій въ совмѣстной работѣ изслѣдованія. Важнѣйшими изъ такихъ организацій являются: 1) возникшее около 20 лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ ученое „Общество исторіи французской революціи“, издающее съ тѣхъ поръ ежемѣсячный научно-историческій

журналъ „La Révolution", спеціально посвященный исторической разработкѣ революціонной эпохи, и 2) учрежденная два года тому назадъ, по постановленію французской палаты депутатовъ, „Коммиссія для разысканія и опубликованія документовъ, относящихся къ экономической исторіи французской революціи". Коммиссія эта, въ составъ которой вошло много видныхъ ученыхъ, имѣетъ свои многочисленныя развѣтвленія въ формѣ „департаментскихъ комитетовъ". За непродолжительное свое существованіе „Коммиссія" уже опубликовала цѣлый рядъ важныхъ документовъ по исторіи революціонной эпохи. Все болѣе и болѣе дѣятельное участіе въ разработкѣ этой эпохи принимаютъ въ послѣднее время и различныя ученыя общества во Франціи, какъ столичныя, такъ и провинціальныя. Далѣе, въ послѣднее время и университеты французскіе начинаютъ проявлять все болѣе и болѣе интереса къ новѣйшей исторіи и, въ частности, къ исторіи революціонной эпохи. Въ программахъ университетскихъ лекцій все чаще и чаще встрѣчаются курсы, посвященные этой послѣдней, а въ Парижскомъ университетѣ существуетъ въ настоящее время даже особая каѳедра исторіи революціонной эпохи (основанная около 20 лѣтъ тому назадъ). Наконецъ, въ послѣдніе годы стали появляться—вещь недавно еще неслыханная!—докторскія диссертаціи, посвященныя разработкѣ различныхъ деталей революціонной эпохи, еще не такъ давно считавшейся какъ бы стоящею за предѣлами вѣдомства научной исторіи.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Плачъ Кіевскаго лаврскаго Іереміи

конца XVIII вѣка.

Этотъ плачъ монаха Кіево-Печерской лавры конца XVIII вѣка Іереміи мало походитъ на извѣстный „Плачъ“ ветхозавѣтнаго пророка Іереміи. Ветхозавѣтный „Плачъ“—высоко-художественное поэтическое произведеніе; монашескій же плачъ XVIII в. этого качества, къ сожалѣнію, вовсе не имѣетъ. Между ними чисто внѣшнее сходство лишь въ планѣ изложенія, т. е. въ томъ, что какъ первый, такъ и второй, заключая въ себѣ описаніе въ началѣ бѣдственнаго положенія, первый—Израильскаго народа, а второй—монастырской братіи, заканчиваются оба обращеніемъ къ Богу съ мольбой объ избавленіи отъ этихъ бѣдствій. Лаврская администрація XVIII в. также рѣшительно не признавала произведенія своего монаха Іереміи поэтическимъ плачемъ, а именовала его въ оффиціальной перепискѣ „пасквильными стихами“ „слогу Іереміина“, служащими къ „ругательству и посмѣянію“ „въ немалую лаврѣ обиду“.

Эти стихи „слогу Іереміина“ послужили даже поводомъ къ оффиціальной перепискѣ между архимандритомъ лавры Зосимой [1]), Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ [2]) и Кіевской

[1]) Зосима Валькевичъ былъ архимандритомъ лавры въ 1762—1786 гг.

[2]) Ѳеодоръ Матвѣевичъ Воейковъ управлялъ Кіевской губерніей въ 1766—1776 гг.

губернской канцеляріей и едва-было не сдѣлались предметомъ судебнаго разбирательства. Вся цѣль этой переписки и сводилась именно къ тому, чтобы не допустить дѣла до разбора въ свѣтскомъ судѣ, а рѣшить его въ судѣ духовномъ, согласно съ Правилами св. отецъ, указами Св. Синода да Духовнымъ регламентомъ; если бы же этого не удалось достигнуть, то доказательно представить губернской канцеляріи вину Іереміи и просить о суровомъ его наказаніи.

Переписка эта сохранилась въ старыхъ дѣлахъ Центральнаго архива Университета св. Владиміра, откуда нами и заимствована; мы нашли это дѣло также и въ архивѣ лавры, гдѣ оно хранится подъ № 445.

Началась переписка по слѣдующему поводу, совершенно не имѣвшему никакого отношенія къ „пасквильнымъ стихамъ“: въ концѣ 1772 или въ началѣ 1773 г. на польской границѣ былъ задержанъ лаврскій монахъ Епифаній, провозившій тайно, помимо таможни, изъ Австріи пять „анталовъ“ Венгерскаго вина [1]). Задержанный монахъ былъ арестованъ и привлеченъ Кіевской губернской канцеляріей къ отвѣтственности [2]). При допросѣ монахъ Епифаній показалъ, между прочимъ, что онъ происходитъ „изъ раскола“ и, по поступленіи въ монастырь, былъ назначенъ смотрителемъ лаврскаго трактира въ г. Васильковѣ, тогда пограничномъ, гдѣ находился и „форпостъ“; въ его обязанности, какъ смотрителя, входила забота между прочимъ и о восполненіи расходуемыхъ въ трактирѣ водокъ, винъ, „чаевъ, кофіевъ“ и

---

[1]) Въ пострадавшемъ отъ гніенія дѣлѣ Центральнаго архива названіе мѣры вина нельзя разобрать; въ дѣлѣ же лавры, хорошо сохранившемся, читается ясно „апталовъ“. „Анталъ“—боченокъ въ $7^1/_2$ ведеръ; такимъ образомъ, Епифаній провозилъ $37^1/_2$ ведеръ вина, т. е. безъ малаго сорокаведерную бочку.

[2]) Въ архивѣ лавры дѣло Епифанія сшито недавно вмѣстѣ съ дѣломъ Іереміи; оно представляетъ собой огромный томъ въ 400 листовъ и заключаетъ въ себѣ много характерныхъ для своего времени чертъ бытовой жизни монашества; въ не продолжительномъ времени мы сообщимъ содержаніе этого интереснаго дѣла.

всякихъ съѣстныхъ припасовъ; за покупкой ихъ онъ часто отправлялся въ ближайшія мѣстности за границу; въ одну изъ такихъ поѣздокъ ему поручено было и пріобрѣтеніе для лаврской братіи Венгерскаго вина; порученіе ему было дано словесно, что и доставило возможность впослѣдствіи лаврской администраціи отговариваться невѣдѣніемъ. Спрошенъ былъ по этому поводу архимандритъ Зосима; но онъ отрицалъ всякое свое участіе въ порученіи и всю вину возлагалъ на самого Епифанія, который пріобрѣлъ будто-бы вино за границей для себя и для какихъ-то своихъ цѣлей. Однако, не можетъ не показаться страннымъ какъ самый отпускъ изъ лавры монаха въ далекую за-границу, такъ и пріобрѣтеніе имъ будто-бы для себя столь большого количества дорогого вина. Изъ лаврскаго дѣла о провозѣ корчемнаго вина Епифаніемъ оказывается, что послѣдній, дѣйствительно, письменнаго распоряженія собора лавры не имѣлъ, а исполнялъ лишь словесное порученіе старшей братіи, желавшей подешевле имѣть такое вино для себя. Этой ссылки Епифанія старшая братія, однако, на себя не приняла; виновнымъ являлся одинъ Епифаній; ему грозила серьезная и тяжелая отвѣтственность; облегчить эту отвѣтственность Епифанію и взялся одинъ изъ монашествующей братіи—Іеремія. Кто былъ этотъ Іеремія въ мірѣ, не видно изъ дѣла; только въ одной изъ челобитныхъ, не называя своей фамиліи, онъ говоритъ, что отецъ его служилъ сержантомъ гвардіи, что самъ онъ также находился въ военной службѣ, въ которой оставался до конца Прусской войны въ 1763 г., когда, получивъ оберъ-офицерскій чинъ, вышелъ въ отставку и поступилъ въ лавру на послушаніе. По истеченіи пяти лѣтъ, т. е. въ 1768 г., онъ принялъ постриженіе; вскорѣ его назначили коммиссаромъ по продовольствію переходившихъ черезъ Кіевъ войскъ; судя по почерку, какимъ написаны въ лаврскомъ дѣлѣ показанія Іереміи, онъ былъ по происхожденію малороссъ, получившій образованіе въ Кіевской академіи. Изъ сохранившейся переписки и изъ „пасквильныхъ стиховъ“ можно заключить, что Іеремія былъ человѣкомъ съ

губернской канцеляріей и едва-было не сдѣлались предметомъ судебнаго разбирательства. Вся цѣль этой переписки и сводилась именно къ тому, чтобы не допустить дѣла до разбора въ свѣтскомъ судѣ, а рѣшить его въ судѣ духовномъ, согласно съ Правилами св. отецъ, указами Св. Синода да Духовнымъ регламентомъ; если бы же этого не удалось достигнуть, то доказательно представить губернской канцеляріи вину Іереміи и просить о суровомъ его наказаніи.

Переписка эта сохранилась въ старыхъ дѣлахъ Центральнаго архива Университета св. Владиміра, откуда нами и заимствована; мы нашли это дѣло также и въ архивѣ лавры, гдѣ оно хранится подъ № 445.

Началась переписка по слѣдующему поводу, совершенно не имѣвшему никакого отношенія къ „пасквильнымъ стихамъ“: въ концѣ 1772 или въ началѣ 1773 г. на польской границѣ былъ задержанъ лаврскій монахъ Епифаній, провозившій тайно, помимо таможни, изъ Австріи пять „анталовъ“ Венгерскаго вина [1]). Задержанный монахъ былъ арестованъ и привлеченъ Кіевской губернской канцеляріей къ отвѣтственности [2]). При допросѣ монахъ Епифаній показалъ, между прочимъ, что онъ происходитъ „изъ раскола“ и, по поступленіи въ монастырь, былъ назначенъ смотрителемъ лаврскаго трактира въ г. Васильковѣ, тогда пограничномъ, гдѣ находился и „форпостъ“; въ его обязанности, какъ смотрителя, входила забота между прочимъ и о восполненіи расходуемыхъ въ трактирѣ водокъ, винъ, „чаевъ, кофіевъ“ и

---

[1]) Въ пострадавшемъ отъ гніенія дѣлѣ Центральнаго архива названіе мѣры вина нельзя разобрать; въ дѣлѣ же лавры, хорошо сохранившемся, читается ясно „апталовъ“. „Анталъ“—боченокъ въ $7^1/_2$ ведеръ; такимъ образомъ, Епифаній провозилъ $37^1/_2$ ведеръ вина, т. е. безъ малаго сорокаведерную бочку.

[2]) Въ архивѣ лавры дѣло Епифанія сшито недавно вмѣстѣ съ дѣломъ Іереміи; оно представляетъ собой огромный томъ въ 400 листовъ и заключаетъ въ себѣ много характерныхъ для своего времени чертъ бытовой жизни монашества; въ не продолжительномъ времени мы сообщимъ содержаніе этого интереснаго дѣла.

всякихъ съѣстныхъ припасовъ; за покупкой ихъ онъ часто отправлялся въ ближайшія мѣстности за границу; въ одну изъ такихъ поѣздокъ ему поручено было и пріобрѣтеніе для лаврской братіи Венгерскаго вина; порученіе ему было дано словесно, что и доставило возможность впослѣдствіи лаврской администраціи отговариваться невѣдѣніемъ. Спрошенъ былъ по этому поводу архимандритъ Зосима; но онъ отрицалъ всякое свое участіе въ порученіи и всю вину возлагалъ на самого Епифанія, который пріобрѣлъ будто-бы вино за границей для себя и для какихъ-то своихъ цѣлей. Однако, не можетъ не показаться страннымъ какъ самый отпускъ изъ лавры монаха въ далекую за-границу, такъ и пріобрѣтеніе имъ будто-бы для себя столь большого количества дорогого вина. Изъ лаврскаго дѣла о провозѣ корчемнаго вина Епифаніемъ оказывается, что послѣдній, дѣйствительно, письменнаго распоряженія собора лавры не имѣлъ, а исполнялъ лишь словесное порученіе старшей братіи, желавшей подешевле имѣть такое вино для себя. Этой ссылки Епифанія старшая братія, однако, на себя не приняла; виновнымъ являлся одинъ Епифаній; ему грозила серьезная и тяжелая отвѣтственность; облегчить эту отвѣтственность Епифанію и взялся одинъ изъ монашествующей братіи—Іеремія. Кто былъ этотъ Іеремія въ мірѣ, не видно изъ дѣла; только въ одной изъ челобитныхъ, не называя своей фамиліи, онъ говоритъ, что отецъ его служилъ сержантомъ гвардіи, что самъ онъ также находился въ военной службѣ, въ которой оставался до конца Прусской войны въ 1763 г., когда, получивъ оберъ-офицерскій чинъ, вышелъ въ отставку и поступилъ въ лавру на послушаніе. По истеченіи пяти лѣтъ, т. е. въ 1768 г., онъ принялъ постриженіе; вскорѣ его назначили коммиссаромъ по продовольствію переходившихъ черезъ Кіевъ войскъ; судя по почерку, какимъ написаны въ лаврскомъ дѣлѣ показанія Іереміи, онъ былъ по происхожденію малороссъ, получившій образованіе въ Кіевской академіи. Изъ сохранившейся переписки и изъ „пасквильныхъ стиховъ“ можно заключить, что Іеремія былъ человѣкомъ съ

сильнымъ характеромъ и аскетомъ, который искалъ въ монастырѣ уединенія отъ мірскихъ заботъ и спасенія души; между тѣмъ, по назначенію духовнаго собора лавры, ему пришлось заняться повѣркой выручки въ лаврскихъ шинкахъ и трактирахъ; этимъ назначеніемъ было грубо нарушено религіозное настроеніе Іереміи, хотя оно (т. е. назначеніе) и свидѣтельствовало о большомъ довѣріи къ Іереміи со стороны лаврской администраціи. До поры, до времени Іеремія терпѣливо несъ и это послушаніе. Дѣло собрата Епифанія переполнило чашу его терпѣнія, и онъ отъ своего имени и отъ имени монаха Епифанія подалъ въ Кіевскую губернскую канцелярію три „съ язвительными и поносительными словами челобитныя“, въ которыхъ „разныя на оную лавру наносилъ клеветы“, разъясняя слѣдователямъ неосновательность сообщеній архимандрита и указывая дѣйствительную причину покупки Венгерскаго вина Епифаніемъ, ставшимъ жертвой несчастливо сложившихся обстоятельствъ переѣзда его черезъ границу. Не довольствуясь этимъ, Іеремія написалъ „пасквильные стихи“ и ихъ самъ и „чрезъ вспомогателей разсѣялъ по окрестностямъ въ немалую лаврѣ обиду“, о чемъ архимандритъ Зосима сообщилъ генералъ-губернатору и губернской канцеляріи для характеристики дерзкаго обличителя. Можно думать, что генералъ-губернаторъ, принимая это сообщеніе, какъ жалобу на Іеремію, просилъ доставить ему эти, такъ глубоко огорчившіе лаврскую администрацію, стихи, для привлеченія виновнаго къ отвѣтственности. Архимандритъ, исполняя эту просьбу и препровождая упомянутые стихи генералъ-губернатору при своемъ письмѣ къ нему, отъ 30-го апрѣля, поясняетъ, во 1-хъ, что стихи были написаны еще въ февралѣ мѣсяцѣ этого же (1773-го) года и „разсѣяны“ между лаврской братіей, принадлежавшей, вѣроятно, подобно самому автору, къ лаврской оппозиціи и съ большимъ интересомъ читавшей и копировавшей преслѣдуемые начальствомъ стихи, экземпляры которыхъ были найдены даже въ келіяхъ соборнаго старца Рафаила и другихъ іеро-

монаховъ; во 2-хъ, что въ лаврѣ было произведено слѣдствіе какъ объ авторѣ стиховъ, такъ и о степени „разсѣянія“ ихъ среди братіи, и съ этой цѣлью были произведены, вѣроятно, обыски въ келіяхъ мало внушавшихъ къ себѣ довѣрія монаховъ. На слѣдствіи монахъ Іеремія призналъ себя авторомъ стиховъ, но не соглашался съ именованіемъ ихъ пасквильными, доказывая это тѣмъ, что стихи не были анонимны, не расклеивались имъ по улицамъ на заборахъ и никому не были подбрасываемы; напротивъ, онъ лично распространялъ ихъ между братіей и одинъ экземпляръ послалъ даже члену Кіевской губернской канцеляріи, „губернаторскому товарищу“ Флерову, который, съ своей стороны, также распространялъ стихи между монахами; далѣе, въ 3-хъ, архимандритъ жалуется генералъ-губернатору на губернскую канцелярію, которая приняла Іеремію, вслѣдствіе его заявленія о возможности со стороны лавры физическихъ насилій надъ его личностью, въ свое особое „защищеніе“, когда лаврская администрація, убѣдившись въ разныхъ „непорядочествахъ“ Іереміи, обязана была „Правилами святыхъ отецъ, Духовнымъ регламентомъ и синодальными указами“ такихъ монаховъ „къ дальнѣйшей развращенности“ не допускать, и что губернская канцелярія совершила такимъ образомъ „небывалое“ присвоеніе власти, „собственно лаврѣ принадлежащей надъ духовными людьми“; въ 4-хъ, архимандритъ жалуется, наконецъ, что Іеремія продолжаетъ оставаться въ „охраненіи“ канцеляріи, которая съ этой цѣлью „въ монашеское обитаніе“ ввела даже „въ военномъ виду“ (т. е. вооруженнаго) солдата, а между тѣмъ этотъ „охранительной“ солдатъ служитъ „вспомогателемъ“ Іереміи къ „разсѣянію“ его стиховъ „по окрестностямъ“; въ заключеніе архимандритъ проситъ, чтобы и „сочинитель“ „по правосудію законовъ“ былъ „подверженъ штрафу“ и находящійся при немъ „охранительной“ солдатъ не былъ оставленъ „безъ оштрафованія“, ибо этимъ произведено „болѣе затрудненій правительству“ и „причинено лаврѣ обиду“.

Но Іеремія не унимался и продолжалъ свое сочинительство, а „охранительной“ солдатъ помогалъ „разсѣянію“ его произведеній, которыя были уже теперь „двохъ сортовъ“, къ сожалѣнію не оказывающихся ни въ лаврскомъ дѣлѣ, ни въ дѣлѣ Центральнаго архива. Архимандритъ лавры, отъ 10-го мая, извѣщалъ генералъ-губернатора о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ дѣла и о мѣрахъ, принятыхъ духовнымъ соборомъ лавры по отношенію къ Іереміи; такъ, послѣдній былъ лишенъ должности коммиссара, которая передана іеродіакону Амфилохію, а іеромонаху Кириллу и послушнику „Василю“ Гергелю поручено потребовать отъ Іереміи сдачи находившейся у него „въ вѣдѣніи“ денежной суммы и провѣрить его бухгалтерію; между тѣмъ, вмѣсто дѣла, неугомонный монахъ Іеремія занималъ этихъ лицъ тѣмъ, что читалъ каждому „порознь“ „двохъ сортовъ такіе-же противъ лавры поносительные стихи“; въ тоже время онъ продолжаетъ сноситься съ губернской канцеляріей, въ которую отправилъ между прочимъ чрезъ солдата какую-то писанную бумагу; при выходѣ изъ монастыря, солдатъ былъ обысканъ, и у него „отобраты“ три „представленія“; подлинниковъ этихъ представленій въ дѣлахъ не оказывается и содержаніе ихъ не опредѣляется; только изъ дальнѣйшей переписки да показаній виновнаго въ лаврскомъ судѣ мы узнаемъ, что въ одномъ изъ этихъ представленій Іеремія проситъ канцелярію переслать въ Св. Синодъ его прошеніе о переводѣ изъ лавры въ одинъ изъ сѣверно-русскихъ „безмолвствующихъ“ монастырей. Поэтому, архимандритъ снова заявляетъ генералъ-губернатору, что если солдата „отъ сюду вскорѣ не будетъ взято, то и большія могутъ быть затрудненія, съ немалою лаврѣ противу законовъ обидою“.

Подробности объ обыскѣ солдата сообщаетъ прапорщикъ Шевыринъ, исправлявшій при губернской канцеляріи „экзекуторскую должность“. Онъ говоритъ въ своемъ „репортѣ“, что монахъ Іеремія поручилъ солдату передать въ губернскую канцелярію только одни „доношенія“ по своему дѣлу, что въ лаврѣ обращаются съ людьми весьма су-

рово, что монахи, „терзая ево, солдата“, вырвали у него бумаги и отнесли, куда—неизвѣстно, и что, наконецъ, этотъ солдатъ (Артемій Селинъ) больше недѣли „держанъ былъ отъ лаврскаго экономиста“ (эконома) подъ карауломъ.

Мѣстныя власти, видимо, долго стояли на сторонѣ автора „пасквильныхъ стиховъ“; но въ концѣ концовъ дѣло приняло все-таки благопріятный для лавры оборотъ: Епифаній признанъ виновнымъ въ провозѣ корчемнаго Венгерскаго вина лично для себя, безъ вѣдома лаврскаго начальства, а относительно Іереміи было найдено,что, онъ, дѣйствительно, долженъ подлежать духовному суду одной лавры. Но, вѣроятно, генералъ губернаторъ выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе (къ сожалѣнію, письмо его объ этомъ къ архимандриту лавры не сохранилось) знать, чѣмъ и какъ будетъ рѣшено дѣло Іереміи, потому что архимандритъ Зосима сообщаетъ генералъ-губернатору, въ письмѣ отъ 15 мая, что дѣло Іереміи разобрано, наконецъ, духовнымъ судомъ лавры, который нашелъ, 1, что Іеремія, подавая въ губернскую канцелярію „съ язвительствами и клеветами доношенія“ и сочиняя „пасквильные стихи“, выступилъ „съ предѣловъ правилъ святыхъ отецъ“ и тѣмъ „сопротивляется своей командѣ“; 2, что онъ, зная о безпошлинномъ провозѣ Венгерскаго вина Епифаніемъ, никому о томъ не заявлялъ и потому „подлежателенъ къ отвѣту“; 3, что онъ не сдалъ отчетовъ по расходу лаврскихъ денегъ на содержаніе „переходящихъ командъ“, „отказываясь независимостью лаврѣ“, и потому послѣдняя обязана „произведеніемъ надъ нимъ щета такова, каковъ указный порядокъ требуетъ“; 4, что такъ какъ сочиненіе Іереміей стиховъ, „въ ругательство всего монашескаго чину, а паче лавры“, происходитъ отъ свободнаго держанія имъ въ келіи „бумагъ и чернилъ“, а по Духовному регламенту имѣть ихъ безъ вѣдома настоятеля не дозволяется, а равно не дозволяется писаніе по келіямъ „писемъ, какъ выписокъ съ книгъ, такъ и граматокъ совѣтныхъ“,—то постановлено: отобрать у Іереміи бумагу и чернильницу, а его самого, какъ не занимающаго коммиссарской должности, изъ от-

дѣльной келіи перевести въ такую, „гдѣ и протчая братія жительствуетъ“; 5, что такъ какъ Іеремія стремится къ уходу изъ лавры въ „безмолвствующіе“ монастыри, о чемъ подалъ и просьбу чрезъ губернскую канцелярію въ Святѣйшій Синодъ, и поэтому склоненъ къ побѣгу, то ему разрѣшается только свобода выхода въ церковь и въ трапезу, но строго воспрещается „за монастырь выхожденіе“.

На этомъ прерывается переписка по дѣлу Іереміи, вѣроятно потому, что этимъ дѣло и закончилось, дѣло, причинившее такъ много огорченій, обидъ, хлопотъ и безпокойства тогдашней лаврской администраціи.

Но что же это были за стихи, которые такъ жадно читались монашествующей братіей и имѣли большое „разсѣяніе по окрестностямъ?“

Приведемъ ихъ полностью, съ какой они сохранились и въ дѣлѣ Центральнаго и въ дѣлѣ Лаврскаго архива, удерживая правописаніе подлинника и внося въ него лишь современную пунктуацію для удобства читателя:

Явни инѣ здѣсь
монашескіи рѣчи:
Стремятся они на пристойность
горящей паче пѣчи;
Пѣчь огнепална дрова
въ пепелъ обращаетъ
И въ зимно паче время
чловком и скотом полезна бываетъ:
Нынѣшнихъ временъ
старейшины монаховъ
Не дали по себѣ протчимъ
полезныхъ дѣлъ знаковъ;
Нудятся себя показать
толко по слову,

Которое, не сущу дѣлу,
не имѣетъ ни мало честного слогу.
Гдѣ въ старейшинахъ
образы не благи,
Такъ можно-ль тамъ в меншихъ
надѣятся благочинной поваги?
Но какъ бы меншіе не грешны,
однако, пришли въ монастырь на покаянье;
Такъ не должно-ль имъ имѣть
своихъ старейшинъ въ примѣръ спасителна
благодѣянья?
Вить шинки-то и трактиры
и протчие мирския управленья,
Право, не делаютъ монахамъ спасенья,
развѣ развращеня;
А тѣ промыслы, сколко
их наружность ласкаютъ,
Столко паче самим делом
монашества лишаютъ.
Не сама-ли требуетъ пристойность
монаху быти уединенну,
Тѣлом кротку
и душею умиленну,
Наблюдать церковь
да келью
И к простому всегда
прилежать рукодѣлью,
Молится Бгу за цря и за вся,
яже суть во власти,
Да вси мирну поживутъ жизнь
безъ мятежной напасти?

О премилосердый Боже!
Призри на сей чинъ и даруй
ему время погоже,
Чтоб вышли из головы их
пѣния и лики,
Которые вовелись насилно
чрезъ шинки и трактиры съ превредной
музыки;
Они-то терзаютъ ихъ всегдашнею
межъ себя враждою.
Но Ты, Всеблагій Владыко,
благоволи симъ окончится
И устрой, по Твоей благости,
полезнѣйшему начатся!
О дивна вещь предъ целымъ свѣтомъ!
Что старейшины печерскии
спасаютъ монахов трактирнымъ завѣтомъ!
Сами же их для прибылей
вводятъ в пресуетные здоры,
Да сами же на послѣдокъ, барыши потерявши,
мучат ихъ души замысловатыми о томъ споры,
И, не возмогая в тѣхъ
притыканіях оправдатся,
Заставляютъ протчих на такой театръ
позорно удивлятся.
К таким за прибылями промыслам
путь у них монаху благословенъ и свободенъ,
А в церковъ возбраненъ, заключенъ
и вовся неволенъ.
О Всеблагій Правосуде!
суди и разсуди прю сию вредну

И даруй всѣмъ
кончину безбѣдну!
Сотвори, какъ угодно
Твоей святой волѣ,
Чтоб в такихъ непристойностях
не мучится отшельникамъ болѣ.

Въ концѣ стиховъ приписано: „Сии стихи слогу Іереміина списаны у Василия Ѳедоровскаго Николашею". „Февраля 26 дня (1773 г.)", что свидѣтельствуетъ объ ихъ копированіи и распространеніи.

Отсюда мы видимъ, что стихи „слогу Іереміина" не имѣютъ даже для своего времени, т. е. для XVIII в., никакихъ литературныхъ достоинствъ, не заключаютъ въ себѣ никакой „плѣнительной сладости". Поэтому, самъ собою возникаетъ вопросъ: чѣмъ же вызвали стихи интересъ къ себѣ у своихъ современниковъ какъ среди лаврской братіи, такъ и „по окрестностямъ", и даже среди высшихъ чиновниковъ Кіевской губернской канцеляріи (напомнимъ „губернаторскаго товарища" Флерова), оказавшихъ, какъ мы знаемъ, очень сильное „защищеніе" личности автора „въ военномъ виду" солдатомъ?—Несомнѣнно, что для воспріятія ихъ существовала подготовленная почва, что не только въ широкихъ кругахъ тогдашняго общества, но и среди монастырской братіи давно уже зародилось недовольство и протестъ, сначала глухой, а позже все болѣе громкій и горячій, противъ вотчинныхъ правъ монашества, отвлекавшихъ иноковъ отъ высокихъ идеаловъ и отъ даваемыхъ ими обѣтовъ при вступленіи въ монастырь: монастырское землевладѣніе, рабовладѣніе и пропинація представляли собой совершенную противоположность требованіямъ монастырскаго обѣта нестяжанія и отреченія отъ мірскихъ заботъ. Пользованіе вотчинными правами довело монашество до крайнихъ предѣловъ нравственнаго разложенія; монашесгво не только лаврское, Кіев-

ское, но вообще православное, въ этомъ случаѣ шло по тому же пути, по какому шло и католическое всего міра, подчиняясь неизмѣнному историческому закону развитія ни чѣмъ не сдерживаемой власти. Разложеніе вызывало реакцію въ лучшей части свѣтскаго общества и духовенства, такъ какъ несоотвѣтствіе широты монастырскихъ вотчинныхъ правъ высотѣ монастырскаго идеала приводило къ приниженію послѣдняго и проявлялось во многихъ печальныхъ явленіяхъ общественной жизни, и въ частности, монастырской. Мы не можемъ въ настоящей работѣ, имѣющей въ виду лишь разъясненіе происхожденія и значенія монастырской сатиры монаха Іереміи, ставить себѣ цѣлью изложеніе всего хода этой реакціи, но напомнимъ лишь наиболѣе важные ея моменты; изъ нихъ крупнѣйшимъ и раннимъ, когда реакція достигла впервые высокой степени напряженія, можно считать расколъ и дѣло патріарха Никона; позже выразилась она въ мѣропріятіяхъ Петра Великаго и его преемниковъ.

Съ одной стороны, Петръ В. осмѣивалъ бытъ монашества въ своихъ забавахъ, учреждая для шутокъ „всепьянѣйшую компанію“, съ „всешутѣйшимъ патріархомъ пресбургскимъ, кокуйскимъ и всеяузскимъ Іоанникитой“ во главѣ, и назначая въ это шутовское званіе Никиту Зотова, а себя въ діаконы; съ другой, онъ принималъ законодательныя мѣры противъ непорядковъ въ монастыряхъ путемъ опредѣленія правилъ монашескаго поведенія. Въ Духовномъ регламентѣ онъ, между прочимъ, старается установить въ монастырскомъ быту порядокъ, но постоянныя волненія монастырскихъ крестьянъ привели его къ мысли въ 1701 г.[1]) учредить Монастырскій

[1]) Въ указѣ объ этомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „а монахамъ вотчинами и никакими угодьями не владѣть не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, потому что древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общительно жили, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не только нищихъ не питаютъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ, а начальные монахи во

приказъ, въ которомъ было сосредоточено управленіе монастырскими имѣніями, а въ монастыряхъ введены штаты содержанія; остававшіеся же затѣмъ доходы шли на дѣла благотворительности и просвѣщенія; съ учрежденіемъ Св. Синода приказъ былъ упраздненъ, а его функціи перешли къ новому учрежденію; въ 1726 г. Екатериной I вызвана къ жизни Коллегія экономіи, и завѣдываніе всѣми свѣтскими дѣлами церкви было передано ей. Въ 1744 г., по ходатайству Синода, Коллегія была уничтожена подъ условіемъ расходованія доходовъ монастырскихъ на дѣла благотворенія и просвѣщенія, что̀ однако фактически возстановило старый порядокъ въ монастыряхъ и привело опять къ большимъ неустройствамъ и непорядкамъ въ монастырской жизни; вслѣдствіе этого, въ 1757 г., императрица Елисавета, находя несвойственнымъ для монашества управленіе деревнями и крестьянами и „дабы монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій“, издала указъ о возстановленіи Коллегіи экономіи и введеніи новыхъ штатовъ содержанія монастырей; но мѣры эти не приводились въ исполненіе. Императоръ Петръ III настоялъ на исполненіи указа 1757 г., а императрица Екатерина II съ 1762 г. обратила на этотъ вопросъ самое серьезное вниманіе и, стремясь „обратить даръ Божій на богоугодныя дѣла“, закончила свои заботы объ этомъ полной секуляризаціей церковныхъ

многіе роскоши впали и подначальныхъ монаховъ въ скудную пищу ввели; кромѣ того, отъ вотчинъ ссоры, и убійства, и обиды многія“ (Соловьевъ, С. М., „Исторія Россіи“, т. XV-й, гл. 5-я).

Въ этомъ указѣ весьма важно указаніе на „начальныхъ“ и „подначальныхъ“ монаховъ, какъ существующія двѣ партіи въ монастыряхъ. Дѣло монаха Епифанія о провозѣ корчемнаго Венгерскаго вина свидѣтельствуетъ, что такія партіи существовали и въ лаврѣ; „подначальные“ монахи не только пользовались скудной пищей, но подвергались жестокимъ наказаніямъ за малѣйшую провинность; антагонизмъ между указанными партіями проявлялся при каждомъ удобномъ случаѣ и велъ къ обнаруженію грустныхъ фактовъ монастырской жизни; онъ же обусловливалъ собой и успѣхъ разсматриваемыхъ нами здѣсь сатиръ 1773 и 1786 гг.

имѣній въ 1786 г. Вышеупонянутыя мѣры правительства находили себѣ сочувствіе и поддержку не только въ свѣтскомъ обществѣ и бѣломъ духовенствѣ, но и среди монашества, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ появленіе сатиръ, написанныхъ самими же монахами, такъ и широкое распространеніе ихъ въ этой средѣ. Общее настроеніе мыслей и чувствъ было не въ пользу стараго строя монашества, чѣмъ и объясняется неудача протестовъ противъ секуляризаціи. Это настроеніе ярко вырисовывается и въ изложенномъ нами выше дѣлѣ Іереміи и въ исходѣ извѣстнаго дѣла митрополита Арсенія Мацѣевича.

Замѣтимъ ужь кстати, что, по поводу отобранія монастырскихъ имѣній въ казну въ 1786 г., также ходила по рукамъ сатира: „Плачъ лаврскихъ монаховъ", напечатанная лишь черезъ сто почти лѣтъ, именно, въ 1881 г. въ „Русской Старинѣ" (№ 10, стр. 435—444). Въ редакцію „Русской Старины" сатира была прислана 26 декабря 1879 года игуменомъ одного изъ монастырей Западной Россіи, но не въ оригиналѣ 1786 г.. а въ копіи 1792 г.; на первой страницѣ ея обозначено и имя автора: „сочиненіе дерзское перводіакона печерскаго Іоасафа Богова"; редакція при имени автора ставитъ вопросительный знакъ, выражая этимъ или сомнѣніе въ правильности чтенія имени автора или сомнѣніе въ дѣйствительности самого имени. Съ своей стороны, мы вполнѣ присоединяемся къ сомнѣнію редакціи и думаемъ, не является-ли авторомъ этой сатиры тотъ же Іеремія, которому принадлежитъ „Плачъ" 1773 г. Въ дѣлѣ за этотъ годъ Іеремія вездѣ именуется просто монахомъ; очень можетъ быть, что въ то время онъ не имѣлъ еще священно-служительскаго сана, а въ 1786 г. могъ быть уже протодіакономъ, загладивъ, конечно, свою прежнюю вину и получивъ отпущеніе грѣховъ. Слогъ „Плача" 1786 г. напоминаетъ нѣсколько слогъ „Плача" 1773 г., хотя въ первомъ, сравнительно съ послѣднимъ, стиль глаже и чище. Вѣроятно, Іеремія нерѣдко упражнялся въ писаніи виршей. Въ виду того, что сатира

1786 г. уже напечатана, а чтеніе ея въ подлинникѣ, за устарѣлостью слога, довольно таки утомительно, мы здѣсь ограничимся лишь пересказомъ ея содержанія какъ ради полноты изображенія лаврской жизни въ XVIII в., такъ и характеристики литературной обличительной дѣятельности монаха Іереміи.

Сатира начинается обращеніемъ автора къ читателю, „Милостивому Государю“; въ обращеніи разсказывается, что незадолго до 1 іюля 1786 г., когда состоялось, наконецъ, изданіе ожидавшагося со страхомъ указа объ отобраніи монастырскихъ имѣній, авторъ былъ „въ Печерскомъ“ и засталъ собраніе „чернцовъ“; ихъ было не 12, а 13; всѣ они уже знали о предстоящемъ отобраніи у нихъ имѣній и всѣ казались удрученными, сидѣли „въ печалномъ видѣ“, молча, „пока Зосима говорити началъ“,

„А по немъ и протчія рты отворили
И нижеписанное со слезами говорили“:

1, *Архимандритъ Зосима* объявляетъ собравшимся „отцамъ и братямъ“ объ „уставахъ новыхъ“, по коимъ всѣ „деревни не наши уже“, прибавляя, что и онъ самъ останется съ ними недолго и отъѣзжаетъ „въ отдаль“, намекая на близкую свою кончину, а потому поручаетъ себя ихъ молитвамъ, проситъ ему грѣхи его простить и Господа Бога о немъ молить.

2, *Орестъ, повѣренный.* Выражая недоумѣніе по поводу „уставовъ новыхъ“, Орестъ находитъ необходимымъ „быть у Петербурхѣ“, куда ему дорога хорошо знакома и гдѣ онъ „успѣвалъ въ дѣлахъ по-премногу“, но замѣчаетъ:

„Мы, даруя мощи, въ дѣлахъ успѣвали,
„Но подарки сіи златомъ подкрѣпляли,
„Безъ чего и теперь обойтитца не можно“.

Онъ совѣтуетъ и въ настоящемъ случаѣ, для предупрежденія отобранія монастырскихъ имѣній, въ виду того, что „мощи у насъ весма не дороги“, употребить это-же средство, обѣщая „потрудиться“ съ своей стороны.

3, *Епифаній, экономъ 1-й.* По его мнѣнію, совѣтъ о. Ореста запоздалъ; его надо оставить, а подумать, „не возможно-ль чего-нибудь еще пріобрѣсти"; такое пріобрѣтеніе возможно, если „продадимъ хотя одни кони", „да роздадимъ и денежныя суммы", т. е., въ сущности, предлагаетъ то же средство, что и о. Орестъ, повѣренный, т. е. подкупъ и задабриваніе вліятельныхъ лицъ.

4, *Варсонофій, экономъ 2-й.* Онъ предлагаетъ заготовлять буквицу, „бо не за что буде чаю куповати, а на сахаръ и вовся грошей не буде, да и меду-то нѣтъ, какъ не дадутъ люде"; по поводу слуховъ о неповиновеніи крестьянъ, онъ выражаетъ скорбь, что ни откуда не видно помощи; скорбь его усиливается при мысли, что нельзя будетъ носить „матерьяныхъ рясъ", носить же „власяницы—грубо и обидно".

5, *Мелхиседекъ, намѣстникъ.* Онъ болѣе всего огорченъ тѣмъ, что придется и „осетрину свѣжу позабути", а довольствоваться одной таранью; при воспоминаніи о „лимонныхъ сокахъ" у него текутъ „кровавыя изъ глазъ токи"; онъ предвидитъ, что надо будетъ привыкать къ церкви и къ псалтири, которая, за недосугомъ, была имъ совершенно забыта, и при всемъ томъ „не буде деревень, не буде скоту, надобно взятца за свою работу"; такія мрачныя мысли угнетаютъ его до того, что онъ „лутче почитаетъ во гробѣ лежати".

6, *Модестъ, эклесіархъ.* Онъ выражаетъ готовность примириться со всякими лишеніями, даже остаться безъ пищи, но то бѣда, что не только вкусныхъ дорогихъ заграничныхъ винъ, но даже „ни водки, ни сивухи не будѣ", безъ которой братія „увидитъ его скоро въ гробѣ".

7, *Гервасій, ключарь.* Онъ повторяетъ одну общую скорбь о прошломъ и умалчиваетъ о своемъ личномъ пристрастіи къ чему-либо; совѣтуетъ же, чтобы отъ „господъ" „имѣть милость вперіодъ",—роздать имъ „конѣ и коляски" и затѣмъ „отъ нихъ надѣяться ласки",—т. е., въ свою очередь, рекомендуетъ подкупъ вліятельныхъ лицъ.

8, *Ферапонтъ, начальникъ ближнихъ пещеръ.* Онъ сомнѣвается въ полезности совѣта Гервасія; „паны добрыя людѣ“ были, когда видѣли богатство монаховъ, „а теперь нищихъ забудутъ ни за великій часъ“.

9, *Виссаріонъ, дальнихъ пещеръ начальникъ.* Онъ подозрѣваетъ у правительства тайный замыселъ обратить монаховъ въ солдаты: „не наберутъ-ли съ монаховъ какого-нибудь полку?“ Кажется ему, что „на то похоже“.

10, *Іоасафъ, казначей всѣхъ пещеръ.* Рѣчь его вначалѣ мало понятна въ наше время. Онъ приглашаетъ слушателей поговорить „о святыхъ печерскихъ“ и намекаетъ на что-то неудобное, именно, онъ говоритъ: „насъ бы вовся бѣдными не звали, когда бы при пещерахъ съ ружьями не стояли“. Дальше, подобно своимъ предшественникамъ, онъ выражаетъ сожалѣніе, что когда отберутъ „людей“ (крестьянъ), то некому будетъ подать ни воды, ни принести дровъ; некому будетъ имъ „натопить грубы и почистить каменныя трубы“; дрова надо будетъ „за гроши куповати“, а работы исполнять самимъ: „какъ не досадно, бывши господами, и здѣлатся наконецъ какъ суще рабами!“

11, *Варлаамъ, уставникъ праваго крилоса.* Онъ, вопреки предыдущимъ членамъ лаврскаго собора, является обличителемъ монашества. По его мнѣнію, слѣдовало-бы обратиться съ молитвой „къ Варварѣ великой“ о заступленіи; но великомученица отвергнетъ монашескія молитвы: „не могу, говоритъ, зрѣть на ваши дорогія шаты“, и совѣтуетъ ихъ „вовся оставляти“; если же она и молится за монаховъ, то только о томъ, чтобы они „деревень и стадъ вовся забывали“, чтобы они перемѣнили свои „горды нравы“, чтобы ихъ пути были „вездѣ правы“, чтобы „Бога всегда въ сердцахъ своихъ мѣли“ и чтобы души ихъ „всегда пламенемъ горѣли“, конечно, къ Богу. Варлаамъ указываетъ, такимъ образомъ, на тѣ высокія нравственныя качества, которыхъ недостаетъ его собратіямъ и противоположные пороки которымъ бичуетъ авторъ сатиры.

12, *Иннокентій, уставникъ лѣваго крилоса.* Онъ, скорбя о лишеніяхъ, которыя должны наступить для монашества съ 1-го іюля 1786 г., съ обнародованіемъ „новаго устава" монастырской жизни, замѣчаетъ, что этихъ лишеній не было бы, если-бы монастыри „судебныхъ дѣлъ поменьше имѣли" („упомянуто о семъ", говоритъ Иннокентій, „и въ новомъ уставѣ", но „не к ползѣ" монастырей, „ниже къ монастырской славѣ"); если бы монашеская твердая вѣра не была мертва безъ дѣлъ, если бы они побольше „апостольскихъ словъ держались и поменьше виномъ упивались".

Наконецъ, 13-й членъ собранія, *„соборный писарь* [1]) *Андрѣянъ"*, откровенно сознается, что онъ бы „сей день согласился растритца", „толко бъ женитца", что „безженство можетъ ему наскучить", да и за что онъ „попуститъ страсти себя мучить?" „Прежде, говоритъ онъ, мы во всемъ „были бойки: имѣли каждый изъ насъ по двѣ портомойки— одну для субботы, другу для недѣли, и носили мы всегда рубашки бѣлы", а потому и въ женѣ нужды не имѣли, потому-то и жизнь ихъ была имъ пріятна. Онъ выражаетъ рѣшительное намѣреніе оставить монастырь и жениться, ибо „въ мірѣ болше найти спасенія чаетъ". „Засимъ, прибавляетъ Андрѣянъ, пора намъ въ кельи ступати и до перваго іюля судбы ожидати".

Въ заключеніе авторъ сатиры отъ себя дѣлаетъ „Прибавокъ къ плачу", въ которомъ, резюмируя сказанное выше, напоминаетъ, что скоро монахамъ нельзя будетъ „рабами повелѣвати", что нельзя будетъ носить „дорогихъ шатъ" и „матерьяныхъ рясъ", пить „дорогія напитки", употреблять „златые кубки"; скоро придется къ работѣ привыкать: носить для себя воду изъ криницъ, чтобы пить ее вмѣсто „аглицкаго пива и вина шемпанскаго", придется „кельи мести, дворы чистить и топить грубы", а также „по очереди чистить и трубы"; „видно, что и то время приходитъ, чтобы ченцамъ женится, бо уже невозможно будетъ имъ съ порто-

[1]) Т. е. правитель дѣлъ Духовнаго собора лавры.

мойками обходится". „Итакъ", наставительно заканчиваетъ свой „Прибавокъ" авторъ, „старайтесь теперь, честные отцы монахи, своими трудами наживать себѣ рубахи".

Изображенная въ сатирѣ характеристика лаврской жизни, намъ кажется, нисколько не преувеличена, скорѣе даже блѣдно обрисована; оффиціальные дѣла и документы XVIII в. представляютъ эту картину болѣе мрачной. Но если, что и оказалось преувеличеннымъ, то это—опасеніе за будущія лишенія и нищету монастырей и, въ частности, лавры. Конечно, монашествующей братіи, особенно старшей, кое отъ чего пришлось отказаться, но до лишеній было далеко, а тѣмъ болѣе до нищеты; самыя эти лишенія, если и были чувствительны, то лишь для современниковъ указа 1786 г.; слѣдующія же поколѣнія монаховъ, не знавшія былой роскоши и излишествъ, не могли чувствовать и лишеній; но даже и указанныя опасенія, страхъ передъ грядущей нищетой, представлены, мы думаемъ также, въ сатирѣ слабѣе, сравнительно съ тѣмъ, какъ они выразились въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича, послужившемъ темой нѣсколькихъ весьма серьезныхъ изслѣдованій (проф. В. С. Иконникова, И. Я. Морошкина и друг.); но сравненіе сатиръ и дѣла выходитъ уже за предѣлы нашей задачи.

Сатира 1786 г., дошедшая до насъ въ копіи 1792 г., также, можно думать, получила широкое распространеніе, какъ и сатира 1773 г., о чемъ мы сказали выше; и та и другая читались и переписывались не только современниками, но и потомками ихъ, и потому должны были оказывать большее или меньшее вліяніе на поднятіе нравственнаго уровня монашества: „ridendo, castigant mores".

Изложивъ подробности происхожденія сатиръ 1773 и 1786 гг. и коснувшись отчасти судьбы ихъ автора, мы уклонились, однако, отъ характеристики всей его дѣятельности вообще, предоставляя этотъ трудъ будущему историку лавры, такъ какъ правильная оцѣнка этой дѣятельности возможна лишь на фонѣ общей жизни монашества того времени. Для

такой оцѣнки въ лаврскомъ архивѣ имѣется нѣсколько не разсмотрѣнныхъ нами вовсе дѣлъ, касающихся монаха Іереміи.

Въ настоящемъ случаѣ мы приподняли лишь небольшой край завѣсы прошлаго, скрывающей отъ нашихъ взоровъ судьбы этого славнаго въ исторіи древняго очага православія, просвѣщенія и силы, связующей отдѣльныя части Русскаго народа, силы, которая не теряетъ своего значенія и теперь, хотя утилизуется въ меньшей степени, сравнительно съ тѣмъ, какіе могла бы она дать результаты при болѣе старательной и широкой постановкѣ дѣла.

И. Каманинъ.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Путешествіе изъ Вѣны въ Москву въ 1655 году Франа Гундулича.

Въ первый день изъ Вѣны отправились мы въ два часа пополудни и прибыли въ Штокрау, въ четырехъ миляхъ отъ Вѣны, въ замокъ князя Пугамъ: [1]) древнее зданіе, украшенное прекрасными картинами, а на ночлегъ прибыли въ Кутенштофъ, поселокъ, въ трехъ миляхъ отъ упомянутаго замка. На слѣдующее утро прибыли въ Моравію, и поспѣли на обѣдъ въ Знаимъ [2]), гдѣ и были у обѣдни въ іезуитской церкви. На ночлегъ поспѣли въ Будѣіовицы, гдѣ встрѣтились съ полковникомъ Валари. На слѣдующій день день прибыли въ Пирницъ [3]), имѣніе князей Колалто [4]), которые съ величайшею любезностью пригласили насъ на обѣдъ въ свой замокъ: ихъ двое братьевъ, истинные кавалеры. Предъ наступленіемъ ночи прибыли мы въ Иглаву, довольно большой, но весьма мало населенный городъ Чехіи [5]). На другой день прибыли мы въ обѣденное время въ Тайчъ-Протъ [6]), а на ночлегъ въ Янковъ [7]). Отъ Янкова повернули

[1]) Buchheim, Puchheim, Puchaim, наслѣдный, придворный (Truchsess) въ Вѣнѣ.

[2]) Znaim—Znojmo.

[3]) Pirnitz—Brtnice, въ Иглавскомъ округѣ.

[4]) Collalto, старинная итальянская фамилія, угасшая въ 1657 г.

[5]) Моравіи.

[6]) Deutsch-Brod—Nemecký Brod.

[7]) Jenikov-Golcuv.

мы къ Шаслѣ [1]), оставивъ влѣво Кутенбергъ [2]), гдѣ имѣются рудники, и къ обѣду прибыли въ Колинъ; тамъ мы пошли посмотрѣть Лабу [3]); потомъ къ ночи прибыли въ Чешскій Протъ [4]), городъ, сильно поврежденный въ прошлую войну со шведами, какъ и остальные почти всѣ города.

На слѣдующій день, въ субботу, въ полдень мы прибыли въ Златни-Прагу [5]) и помѣстились на Малой Странѣ [6]) у „Дикаго Человѣка". Тамъ, при посредствѣ господина Алегретича, я имѣлъ честь раскланяться съ великимъ бургграфомъ княземъ Мартиничемъ, который угостилъ насъ барскимъ обѣдомъ, а также я имѣлъ случай познакомиться съ младшимъ его братомъ княземъ Максимиліаномъ [7]). Также дважды обѣдали мы у кавалера Колореда, у котораго прекрасный дворецъ съ садомъ, заслуживающимъ величайшаго вниманія.

6 іюля мы оставили Прагу, къ ночи прибыли въ Белмаръ [8]), разрушенный городъ, лежащій въ трехъ миляхъ отъ Праги; въ полдень достигли города Ловершицъ [9]), и снова къ ночи прибыли въ Осѣкъ [10]), гдѣ мы помѣстились на суда и на веслахъ плыли по Молдавѣ [11]) и Лабѣ до Дрождянъ [12]), резиденціи саксонскаго герцога. На пути, по теченію этой

---

[1]) Czaslau - Časlav.

[2]) Kuttenberg, Guttenberg Kutná Hora.

[3]) Labe - Elbe

[4]) Český Brod - Böhmisch Brod.

[5]) Въ текстѣ: U Zlatni Prag, у чеховъ Zlatá Praha.

[6]) Часть Праги на лѣвомъ берегу Влтавы

[7]) Бернардъ-Игнацъ и Максимиліанъ-Валентинъ графы з *Мартиницъ*.

[8]) Въ текстѣ - Belmar. Очевидно, чешскій городъ Velvary - Wellwaren.

[9]) Въ текстѣ Loversic. Очевидно, чешскій городокъ Lovosice,— Lobositz.

[10]) Ösiek, въ текстѣ. Вѣроятно, называемый нѣмцами Aussig, чешскій городокъ Ústí nad Labem.

[11]) Чешская Vltava.

[12]) Дрезденъ.

рѣки, взоръ услаждается всюду встрѣчающимися замками, городками, прелестными садами и богатыми поселками. Между прочимъ выдается крѣпость Кенигштейнъ, построенная на вершинѣ каменной скалистой горы. Въ ней всегда помѣщается гарнизонъ, въ триста человѣкъ; она занимаетъ такое пространство, что жители ея могутъ засѣять хлѣба на два года; тамъ есть источникъ (ручей) и паркъ. Тамъ герцогъ помѣщаетъ и свою сокровищницу; а солдаты, помѣщающіеся въ крѣпости, имѣютъ при себѣ женъ, дѣтей и имущество, такъ какъ каждый имѣетъ особое жилище, и изъ крѣпости выходить не могутъ. Драждяны весьма красивый и укрѣпленный городъ, чрезъ который протекаетъ Лаба, а чрезъ нее построенъ прекрасный каменный мостъ. Мы посѣтили герцога [1]); онъ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ встрѣтилъ насъ съ величайшей любезностью и удержалъ насъ у себя на обѣдъ. Мы сидѣли за столомъ отъ 3 до 9 (часовъ), и было подано 60 различныхъ блюдъ. Герцогъ пробовалъ всѣ блюда и выпилъ девятнадцать тостовъ; три раза онъ засыпалъ за столомъ: удивительно и невѣроятно для старца за восемьдесятъ лѣтъ. Мнѣ сдѣлалось бы дурно, если бы я не пилъ воды; и всѣ гости, отъ опьяненія падавшіе со стульевъ, дивились тому, что я былъ трезвъ. При нашемъ выходѣ герцогъ предложилъ намъ свой шестиконный экипажъ, и мы весело добрались до дому. На другой день послѣ обѣда мы наняли одно суденышко, въ которомъ удобно размѣстились, и продолжали свой путь къ Гамбургу, плывя по теченію Лабы, но каждый вечеръ выходили на берегъ на ночлегъ. Первую ночь провели въ Мейссенѣ, городѣ извѣстномъ своей обширной церковью, построенной по внушенію супруги императора Оттона.

Три мили ниже на правомъ берегу находится Милбергъ [2]), городъ, не пострадавшій въ послѣднюю шведскую

---

[1]) Вильгельмъ изъ младшей Веймарской линіи. † 1662.

[2]) Mühlberg.

войну единственно потому, что въ немъ всѣ женщины, безъ исключеній, *ласковы*. Еще три мили ниже у самой рѣки, находится Торганъ [1]), главный городъ Мисніи, съ старинным большимъ королевскимъ дворцомъ. А еще три мили ниже бросается въ глаза знаменитый Виттенбергъ, извѣстный столько же своимъ училищемъ, сколько гробницею Мартина Лютера, которую я видѣлъ въ большомъ храмѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ женщины очень красивы, мило одѣты, богато разряжены.

Потомъ я видѣлъ Окенъ [2]), Барби, Бернбургъ, Шимпакъ [3]) и Шалцъ, гдѣ добывается соль,—маленькіе и разрушенные города.

Послѣ того мы прибыли въ Дѣвинъ (Магдебургъ), одинъ изъ важнѣйшихъ королевскихъ городовъ, резиденція императора Оттона. Въ послѣднюю войну, когда его взялъ приступомъ генералъ Тилли, городъ весь былъ сожженъ, такъ что не могла-бы убѣжать изъ него мышь, а тѣмъ болѣе невозможно было спастись обывателямъ. Остался въ цѣлости только главный храмъ, весьма обширный, обладающій множествомъ знаменитыхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ находится престолъ великаго алтаря, весь изъ одной глыбы мрамора; длиною онъ въ 21, а шириною въ 10 моихъ пяденей. Тамъ видна и гробница императора Оттона, прелестнаго мрамора—золото, которымъ она была украшена, какъ и все церковное достояніе, было разграблено войскомъ. Въ этомъ храмѣ имѣется и еще нѣсколько гробницъ изъ литой бронзы, весьма искусно сооруженныхъ, съ надписями.

Предъ великимъ алтаремъ помѣщается большой круглый бѣлый, гладкій камень, на которомъ была отрублена голова епископа Удона [4]): и на немъ видны еще капли

---

[1]) Описка или опечатка вм. Torgau, въ округѣ Meissen.

[2]) Oker, Ocker.

[3]) Вѣроятно, Schönebeck.

[4]) Вѣроятно, Salzwedel.

[5]) Odo, или Udo, архіепископъ Магдебуржскій.

крови, которая не стиралась. Здѣсь намъ показали сгнившую уже деревянную лѣстницу, на которую будто-бы влѣзали жиды, чтобы прибить ко кресту нашего Спасителя, и которую привезъ императоръ Оттонъ, при возвращеніи изъ Іерусалима. Ей не придавали никакой цѣны, позволяя намъ отломить отъ лѣстницы, сколько намъ угодно; но этому нельзя и удивляться, такъ какъ они (германцы) индифферентны во всѣхъ предметахъ, касающихся церкви. Изъ Магдебурга мы продолжали свое путешествіе, и на ночлегъ добрались до какого-то поселка, а оттуда на другой день въ полдень достигли Лауденберга, откуда, странствуя всю ночь, на разсвѣтѣ прибыли въ Гамбургъ, сдѣлавъ отъ Драждянъ въ восемь дней, съ помощію Божіей, всегда благополучно, 72 (Итал. 288) мили.

Въ Гамбургѣ, чтобы запастись для себя и для сопровождающихъ насъ платьемъ, мы пробыли пять дней. Это вольный городъ, обширный и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный и весьма многолюдный. Въ немъ купцовъ больше нежели во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, а поэтому онъ очень богатъ, а обыватели высокомѣрны, горды и дорого цѣнятъ свой товаръ. Благодаря большой торговлѣ, въ городъ забралось такое множество жидовъ изъ Португаліи, какого не замѣтно ни въ одномъ приморскомъ городѣ. Въ гостинницахъ чертовски обдираютъ, особенно — иностранцевъ. Городъ укрѣпленъ и обведенъ каналомъ; часто подвергается сильнымъ приливамъ, отъ которыхъ нерѣдко страдаютъ обыватели.

Зданія старинной архитектуры, всѣ въ стеклахъ, какъ старинныя церкви; а въ пріемныхъ комнатахъ (при самомъ входѣ), какъ лучшее украшеніе, видно множество мѣдной посуды и подсвѣчниковъ изъ латуни и олова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Венеціи, городомъ проведены трубы для воды, и дома подняты на деревянныя сваи и какъ бы висятъ на воздухѣ. Городъ находится въ 28 миляхъ отъ моря, съ которымъ его сближаетъ Эльба, способная тутъ поднимать корабли вмѣстимостью 1000 тоннъ. На пристани,

которая тянется до центра города, я видѣлъ до 150 такихъ кораблей, а меньшихъ было безъ счета. Эти корабли преимущественно приходятъ изъ Голландіи, Бельгіи, Португаліи, Даніи, Норвегіи, Швеціи и изъ всѣхъ приморскихъ городовъ и крѣпостей на Балтійскомъ морѣ. Окрестности города отличаются плодовитостью земли, прекрасно устроены и украшены красивыми садами.

Городской совѣтъ, при нашемъ отъѣздѣ, прислалъ намъ троихъ старшинъ и подарилъ одинъ боченокъ рейнскаго вина, одинъ боченокъ пива, одного осетра въ 80 литръ [1]), одного лосося [2]) въ 40 литръ, четырехъ барановъ и одну корову: и все это во имя своей преданности, приверженности и любви къ императору.

Отъ Гамбурга до Любека считается, по-суху, десять миль, которыя мы и проѣхали въ одинъ день. Здѣсь, съ двумя экипажами выѣхалъ на встрѣчу намъ императорскій посланникъ Фридрихъ Бремзенъ, человѣкъ вполнѣ благовоспитанный. Такъ какъ мы въ Любекѣ пробыли десять дней, то и имѣли возможность внимательно осмотрѣть его. Городъ прекрасно расположенъ, и по устройству, по качеству и привѣтливости горожанъ далеко превосходитъ Гамбургъ, но за то отстаетъ въ промышленности, количествѣ жителей и въ богатствѣ. Женщины въ обоихъ городахъ носятъ большія соломенныя шляпы на подобіе зонтиковъ, и поля шляпъ, опускаясь до плечъ, раскрываютъ ихъ лица, что весьма непріятно видѣть, но наряды ихъ приличны и красивы. Здѣсь не терпятъ жидовъ, какъ въ Гамбургѣ. Есть нѣсколько прекрасныхъ церквей и въ нихъ драгоцѣнныя картины. Въ главной церкви, въ одномъ придѣлѣ, по лѣвую руку, при проходѣ къ великому алтарю выдается, въ ряду остальныхъ изображеній, икона Іисуса Христа, распятаго на крестѣ; но неизвѣстно, чьей кисти это произведеніе.

[1]) [illegible] (87 [illegible] золотниковъ).

[2]) Въ [illegible] (Лашина).

Здѣсь церкви, хоть и въ лютеранскихъ рукахъ, чисто и въ порядкѣ содержатся, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ лютеранскіе молитвенные дома (грязные и запущенные) напоминаютъ вертепы разбойниковъ.

Устроивъ здѣсь свои дѣла, мы помѣстили на суденышко свой багажъ и свиту, и до Травемюнда отправились посуху, такъ какъ этотъ путь на три мили короче шестимильнаго водяного. Въ Травемюндѣ, въ ожиданіи благопріятнаго времени, мы пробыли шесть дней, и въ воскресенье, 1-го августа, при сильномъ западномъ вѣтрѣ, подняли паруса, направляясь къ Ревелю, куда мы доплыли въ шесть дней, продѣлавъ 250 миль, постоянно пользуясь, при помощи Божіей, хорошимъ попутнымъ вѣтромъ. На пути слѣва мы видѣли нѣсколько острововъ, шведскую землю и ея столичный городъ Штокгольмъ.

Зимой это море замерзаетъ, и тогда можно по немъ странствовать въ саняхъ. Двѣ ночи я не спалъ, дивясь необычайной краткости тамошнихъ лѣтнихъ ночей; и замѣтилъ, что отъ заката солнца до его восхода не больше четырехъ часовъ; и считая утренній разсвѣтъ и вечерній сумракъ, можно сказать, что тамъ лѣтомъ нѣтъ ночей; а зимой напротивъ столько дня, сколько лѣтомъ ночи. Слѣдуетъ замѣтить, что это море, къ востоку отъ Ревеля, не солоно: думаю, что это оттого происходитъ, что въ него впадаетъ большое число рѣкъ.

Добравшись до Ревельской пристани, для допущенія нашей высадки, мы отправили служителя [1]) съ путевыми шведскими документами къ начальнику города. Это былъ какой-то тиролецъ по имени *князь della Torre*; онъ отправилъ къ намъ своего секретаря и экипажъ; господинъ Алегрети поблагодарилъ его за это, а мы наняли экипажъ и отправились въ гостинницу. Здѣсь насъ встрѣтили нѣкоторые городскіе господа; но городской начальникъ не захо-

[1]) Въ текстѣ: domonavednika (maestro di casa, maggiordomo).

дилъ къ намъ до самаго нашего отъѣзда, ожидая, что мы сами ранѣе явимся къ нему съ привѣтствіемъ, чего мы не сдѣлали; и онъ вынужденъ былъ первый съ нами раскланяться, и явился въ военной формѣ въ сопровожденіи двадцати всадниковъ. Въ этотъ день, предъ отбытіемъ изъ города, мы завернули къ нему. Онъ торжественно встрѣтилъ насъ, въ обществѣ всѣхъ гражданъ, кавалеристовъ и пѣхотинцевъ, съ военными трубами, литаврами, распущенными знаменами и пушечной пальбой. На разстояніи мили отъ города насъ провожала вся кавалерія. Такъ мы въ семнадцати экипажахъ направились къ Нарвѣ, отстоящей отъ Ревеля въ тридцати миляхъ, по ровной хорошей дорогѣ, на протяженіи которой не было ни одного поворота въ сторону, и ничего не было на пути кромѣ изрѣдка встрѣчавшейся крестьянской хижины, которую горожане называютъ *kove*.

Языкъ этого народа не родственъ никакому иному языку, только кое въ чемъ, но и то отдаленно онъ отдаетъ нѣметчиной; большинство обывателей—идолопоклонники, считаютъ богами солнце, деревья и камни. Одѣяніе женщинъ необыкновеннаго покроя; оно напоминаетъ встрѣчающійся на картинахъ покрой платья индійскихъ женщинъ; дѣвушки носятъ волосы, какъ наши мальчики; на полосатомъ поясѣ, которымъ опоясываются, навѣшаны колечки и бубенчики изъ латуни, и звенятъ при ходьбѣ дѣвушекъ. На плечахъ (поверхъ рубашки), какъ плащъ, носятъ лоскутокъ бѣлаго холста до грудей; народъ этотъ чрезвычайно бѣденъ.

Въ воскресенье утромъ мы прибыли въ Нарву, откуда, пообѣдавши только, отправились далѣе и въ три часа ночи прибыли въ Яму [1]), гдѣ намъ пришлось остаться девять дней въ ожиданіи извѣщенія начальника Новгорода. Яма—городокъ изъ шестидесяти домовъ. Въ немъ сотня рейтаръ, которая зовется по имени живущаго тамъ полковника, у

[1]) Нынѣшній—Ямбургъ.

котораго въ собственной тамошней конюшнѣ до пятидесяти очень хорошихъ лошадей. Здѣсь ничего особеннаго нѣтъ, кромѣ того, что женщины дважды въ недѣлю ходятъ купаться голыя, въ чемъ мать родила; иныя изъ нихъ только зеленою листвою закрываютъ срамныя части.

Послѣ девятидневнаго ожиданія, мы на трехъ лодкахъ по Лугѣ добрались въ семь дней до Нѣшицы [1]), потому что рѣка была въ ту пору мелка. Эта рѣка обилуетъ всяческой хорошей рыбой. Здѣсь насъ впервые ожидали московскіе чиновники.

Одинъ царскій коммиссаръ явился навстрѣчу къ намъ съ пятьюдесятью рейтарами [2]), и, поздоровавшись съ нимъ, и выполнивъ предписанныя привѣтствія, мы направились далѣе къ Ново-Руской [3]), трое насъ въ экипажѣ, а всѣ остальные верхами. У Ново-Руской есть соленое озеро въ три мили въ окружности; горожане варятъ эту воду, изъ которой добываютъ весьма бѣлую соль. Въ субботу утромъ пересѣли мы на восемь лодокъ, оставили Ново-Руску и, благодаря попутному вѣтру, въ шесть часовъ по полудни доплыли до Новиграда (Новгородъ [4]); но въ этотъ вечеръ намъ не дозволили перебраться въ городъ. На слѣдующее утро, когда мы вышли на берегъ, къ намъ подошелъ намѣстникъ городского начальника и, послѣ привѣтствія, подарилъ намъ пять коней, на которыхъ мы добрались въ назначенный намъ для остановки домъ, въ сопровожденіи 2000-го войска.

---

[1]) Деревня—Онѣжинцы (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными;—съ Римской имперіей Т. III, 272 и др.).

[2]) Тамъ же находимъ: „Послали мы... дворянина Богдана Ододурова... да съ нимъ подъячего да стрѣлцовъ пятдесятъ человѣкъ“. Коммиссаръ —приставъ.

[3]) Село Новгородской губ. Новая Руса при р. Полѣ, въ Старорусскомъ уѣздѣ.

[4]) Ibid. стр. 273: „Августа въ 23 день... онъ Б. Ододуровъ тѣхъ пословъ на рубежѣ въ той деревнѣ въ Онѣжицахъ принялъ и въ В. Новгородъ... пришелъ августа въ 27 день, водянымъ путемъ въ судѣхъ“.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ той поры, какъ мы прибыли въ Нѣмницу, русское правительство на свой счетъ стало содержать насъ, снабжая ежедневно въ достаточномъ количествѣ мясомъ, птицами, виномъ, пивомъ, водкой и проч.

Этотъ русскій городъ называется Великій Новгородъ; въ этомъ обширномъ городѣ дома деревянные, кромѣ одной части, окруженной стѣной въ четыре итальянскихъ мили длиною; эту часть называютъ *каменъ-градъ* [1]), и чужеземцамъ входъ въ нее не дозволяется.

Въ немъ болѣе трехъ сотъ церквей и сто семьдесятъ монастырей мужескихъ и женскихъ. Городъ дѣлится на три части: на правой сторонѣ, на востокъ, мы жили; лѣвая, на западъ, дѣлится на двѣ части, т. е. на Каменъ-градъ и его отдѣленіе, составляющее третью часть. Между этими двумя частями города протекаетъ рѣка, весьма скрашивающая мѣстность, и особенно Каменъ-градъ, возвышающійся надъ другими частями. Съ запада показывается озеро, какъ море; вокругъ—равнина: мѣстоположеніе прекрасно. Въ городѣ такое множество лягушекъ, что нѣтъ ни одного крестьянскаго дома, въ которомъ ихъ не держали-бы по меньшей мѣрѣ двухъ сотенъ, считая дурнымъ предзнаменованіемъ убійство этого животнаго; а также множество большихъ пауковъ, которые считаются населеніемъ за чертей, и ихъ никто не рѣшится убивать или трогать. Кромѣ градоначальника и нѣсколькихъ правительственныхъ продавцевъ здѣсь нѣтъ выдающихся личностей. Мѣстность—безъ всякой промышленности; но производительна, обильна всяческимъ зерномъ, домашними и дикими животными, птицею и особенно—рыбою.

Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ—несносная жара; въ эти три мѣсяца созрѣваютъ всѣ имѣющіеся тамъ плоды, какъ у насъ,

[1]) Уже въ „Росписи... монастырей и храмовъ" Новгородскихъ, составленной въ 1615 году, *Кремль* называется *Каменнымъ городомъ*. См. Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода 1808 г. стр. 84.

множество дынь, грушъ, яблокъ и вишенъ. Съ сентября до 15-го октября тихо, но по большей части дождливо, а отъ октября до мая—жестокій холодъ; льда и снѣга такъ много, что озера и рѣки замерзаютъ. Достопримѣчательно, что въ разстояніи на двѣ итальянскихъ мили отъ этого города не только вода зимой не замерзаетъ, но и бурлитъ и тогда бываетъ обильнѣйшій уловъ. Весной, когда снѣгъ и ледъ начинаютъ таять, вся земля покрывается водой, и можно бываетъ странствовать въ лодкахъ, какъ зимой на саняхъ.

Осужденныхъ на висѣлицу водятъ не связанными; но на пути дарятъ ихъ восковыми свѣчами, которыя носятся осужденными въ рукахъ до мѣста казни: тогда палачъ заматываетъ одинъ конецъ веревки вокругъ шеи осужденнаго, а другой перекидываетъ чрезъ верхнюю перекладину и, безъ помощи лѣстницы, руками поднимаетъ его. Здѣсь существуетъ обычай, который, въ образованомъ народѣ, далъ бы поводъ заключить о себѣ, что имѣетъ политическій характеръ, а именно: чуть не ежедневно, служилые люди вызываютъ и дерутся на кулачки съ горожанами: словно *Кастеланы и Николоты* въ Венеціи. Всѣ обыватели восточнаго обряда.

26-го сентября мы отправились изъ Новгорода, помѣстившись на шести лодкахъ [1]) . . . . . и 17-го октября прибыли въ Москву; но 14-го, въ четвертокъ, мы помѣщались въ домѣ одного боярина, князя Якова Циркоскаго [2]), гдѣ пробыли до воскресенья, когда и совершили свой торжественный въѣздъ въ городъ. За милю до въѣзда прибыли

[1]) Здѣсь въ рукописи нѣсколько перерывовъ.

[2]) Въ „Пам."... стр. 315, „подхожей станъ боярина князя Якова Куденетовича Черкаского въ село Никольское". У Котошихина (изд. 1884) читаемъ: „А какъ послы пріѣдутъ близко Москвы и дворянину велѣно бываетъ съ тѣми послами остановитися не доѣзжая Москвы за 20 верстъ, и о посолскомъ пріѣздѣ отписать; и по ево писму велѣть ему съ тѣми послами итти къ Москвѣ на подхожей станъ, верстъ за 7, и ожидати указу, какъ ему велятъ быть съ ними къ Москвѣ" (стр. 67).

на встрѣчу намъ два царскихъ коммиссара со множествомъ народа и съ 2500 хорошо одѣтой конницы, преимущественно изъ придворнаго дворянства, при звукахъ трубъ и литавръ. Ранѣе коммиссаровъ къ намъ приступилъ главный царскій конюшій съ тридцатью лошадьми, изъ которыхъ три въ прекрасной сбруѣ были назначены для насъ троихъ: особенно отличалась сбруя на лошади, назначенной господину Алегретичу. Тогда приступили, въ весьма богатой одеждѣ, коммиссары на прекрасныхъ лошадяхъ и привѣтствовали насъ отъ царя, съ обычною у нихъ сердечностью. Тутъ между нами и ими произошелъ споръ—кто раньше долженъ слѣзть съ коней—и длился больше добрыхъ двухъ часовъ. Наконецъ, видя, что мы неподвижны, они сошли первыми.

Тогда коммиссары, по ихъ обычаю, прочитали намъ по книжкѣ царское привѣтствіе. Послѣ этого мы сѣли на коней и отправились въ городъ вмѣстѣ съ ними въ назначенный намъ для квартированія домъ, обливаемые жестокимъ дождемъ. Этотъ домъ со сводами, изъ опасенія пожара, находится въ *Китай-городѣ,* недалеко отъ царскаго двора, называемаго Кремени-градъ (Кремль?).

До перваго представленія нашего царю, мы жили какъ арестанты, не смѣя ни съ кѣмъ видѣться, ни съ кѣмъ бесѣдовать: и все потому, что царь не возвратился еще съ войны въ Москву. На третій день коммиссары были перемѣнены, а почему—причина этому была намъ не извѣстна. Первымъ изъ нихъ былъ бояринъ по имени Василій Шиновичъ [1]), пріятный и хорошій человѣкъ; другой—шведъ въ качествѣ толмача, человѣкъ лѣтъ тридцати, весьма вѣжливый и пріятный. Хоть мы и не нуждались въ толмачѣ, но онъ часто съ нами ходилъ и, благодаря этому, мы чрезъ него узнали многое объ этомъ городѣ и обо всемъ государствѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ намъ, что кто желаетъ

[1]) Въ „Пам.“ (280,333 и др.) находимъ: „Государь... велѣлъ стольнику Василью Семеновичу Волынскому да дьяку Микитѣ Головнину быти въ приставѣхъ у Цес. пословъ“.

отправиться туда, гдѣ ловятся соболи, черныя лисы и другія драгоцѣнныя животныя, тотъ долженъ употребить на это годъ, а москвичи говорили, что на это нужно шесть лѣтъ [1]). Этотъ край называется Сибирью, откуда торгующіе мѣхами обыкновенно возвращаются къ Рождеству. Также намъ сообщали, что руссы, за два года предъ тѣмъ, открыли въ Сибири довольно образованный народъ, живущій въ хорошихъ домахъ и одѣвающійся въ красиво скроенные наряды; но они не могли ни понять языка этого народа, ни узнать его религію. Въ Сибири еще обитаютъ Самоѣды, народъ подходящій къ звѣрямъ болѣе, нежели къ людямъ; этотъ народъ не знаетъ истиннаго Бога, и поклоняется деревьямъ, камнямъ и шкурѣ рогатого скота. Рыбу и мясо ѣдятъ сырьемъ и спятъ на снѣгу. Они считаются царскими подданными, и изъ нихъ нѣсколько человѣкъ постоянно живутъ въ Москвѣ.

19-го декабря царь прибылъ въ одинъ монастырь, находившійся въ трехъ миляхъ отъ Москвы [2]), въ которую на другой день торжественно возвратился. Завернулъ онъ въ монастырь, чтобы тамъ отпраздновать день св. Николая, котораго чествуютъ весьма благоговѣйно.

20-го, по особенной царской милости, и намъ дозволено было смотрѣть на его торжественный въѣздъ; и мы размѣстились на ружейный выстрѣлъ отъ этого зрѣлища.

Тутъ чуть не всѣ обыватели этого большого города расположились на полѣ. На подобающемъ мѣстѣ поставлено было пятьдесятъ пушекъ для привѣтствій. На полумилю отъ города вышли на поклонъ царю всѣ мѣстные и иноземные

[1]) Тамъ же, стр. 336, читаемъ: „(Донъ Алегретъ) спрашивалъ у меня... гдѣ у насъ соболи родятся? и я... сказалъ ему: въ Сибири. И онъ спросилъ, долголь де ѣхать отъ Москвы до Сибири? и я... сказалъ, что до первыхъ городовъ Сибирскихъ, до большого города Тоболска отъ Москвы ѣхать три года, а вдаль туды за Тоболскъ гораздо далеко, мнѣ прото не мочно".

[2]) Можно думать, что это былъ Николо-Угрѣшскій монастырь.

купцы съ дарами. Неимущіе изъ горожанъ поднесли ему хлѣбъ и соль, имущіе привѣтствовали его серебряными блюдами, соболями, бархатомъ, сукномъ, дамасскимъ шелкомъ и т. д. на сумму не менѣе 50000 талеровъ; эти подарки проносятся предъ нимъ, чтобы всѣ видѣли. За это чествованіе онъ любезно всѣхъ благодаритъ, допускаетъ къ цѣлованію руки и назначаетъ имъ день, когда явиться къ нему на обѣдъ. И такъ всегда ожидаютъ царя, когда онъ возвращается съ войны.

Предъ вратами Каменъ-града, которыми входитъ царь, съ обѣихъ сторонъ, были поставлены большіе сосуды съ святой водой, чтобы окропить царя при входѣ, а вокругъ постилаются большіе зеленые суконные ковры. Патріархъ съ духовенствомъ ожидаетъ его въ процессіи, неся много иконъ Богородицы и св. Креста. Когда царь поравняется съ патріархомъ, патріархъ произноситъ по обряду молитву и на главу царя возлагаетъ корону. Послѣ этого онъ произноситъ нѣкоторыя благословенія и молитвы, и снимаетъ съ него корону. Тогда царь начинаетъ что-то шептать патріарху на ухо, и, какъ мнѣ говорили, это была исповѣдь. Послѣ этого подвигается процессія съ божественными пѣснопѣніями, а за нею идетъ пѣшкомъ царь съ непокрытой головой, а съ правой и лѣвой стороны идутъ съ нимъ по боярину, ведя его подъ руку. Мы дивимся смиренію и благочестію царя, при видѣ его съ непокрытой головой въ жесточайшую стужу. Когда онъ поравнялся съ мѣстомъ нашей остановки, громкимъ голосомъ, какъ бы затѣмъ, чтобы мы слышали, онъ велѣлъ спросить императорскихъ пословъ, всѣ ли они въ добромъ здоровьи? Это отличіе всѣми присутствовавшими было принято за великій и рѣдкій почетъ, такъ какъ этого прежде онъ не говорилъ никакимъ посланникамъ, и никогда не допускалъ смотрѣть на его въѣздъ въ городъ. По примѣру царя, и патріархъ благосклонно посмотрѣлъ на насъ и благословилъ. За царемъ вели породистаго коня, везпаго весьма красивыя сани, на которыхъ былъ разложенъ весьма богатый протканный

повсюду золотомъ чапракъ [1]); а предъ ними шло 3000 стрѣльцовъ и 500 рейтаръ вродѣ нашихъ *драгуновъ*. Да еще, кромѣ вышеупомянутыхъ подарковъ, вели предъ ними 50 видныхъ коней въ дивной сбруѣ, изъ которыхъ шесть было подарено герцогомъ Эленштейномъ, а шесть Датскимъ королемъ. Въ царской свитѣ было множество бояръ въ превосходномъ одѣяніи. А онъ былъ облеченъ въ бѣлую шелковую одежду, отороченную сибирскимъ лисьимъ мѣхомъ; князь [2]) красивого вида, лѣтъ 28-ми, изященъ и красивъ, роста немного выше средняго. Прежде входа въ крѣпость онъ остановился подъ однимъ крытымъ входомъ [3]), пока пѣли: *Тебе, Бога хвалимъ*, подъ звуки трубъ, барабановъ и проч.

При всей такой выдающейся торжественности насъ болѣе всего удивляло смиреніе и религіозность такого могучаго царя. Когда довершилось празднованіе, въ обществѣ нашихъ коммиссаровъ мы на санкахъ вернулись домой; хоть мы и довольны были случаемъ видѣть необычныя для насъ и прежде не видѣнныя событія и обычаи, но насъ мучила въ этотъ день чрезвычайно рѣзкая стужа.

21-го, въ день святого апостола Ѳомы, коммиссары впервые сѣли съ нами за столъ, да и то, думаю, не безъ дозволенія Его Величества. Когда мы нѣсколько согрѣлись, начали пить тосты за царя и императора и за ихъ династію, за патріарха, а также и за выдающихся особъ. Въ разговорѣ одинъ изъ коммиссаровъ разсказалъ намъ о томъ, какъ царь спрашивалъ о нашемъ здоровьѣ и, понявъ, что господинъ Алегретичъ *изъ славянскаго племени* [4]), очень обрадовался, и ему весьма пріятно было то, что онъ можетъ

---

[1]) Въ текстѣ: sakrafoc. М. б. санная полость?

[2]) Въ текстѣ knjaz, вмѣсто: car.

[3]) Въ текстѣ: pod jednim trijemom, что можетъ обозначать и паперть.

[4]) Въ текстѣ: *od slovinskoga jezika*. Aligretti происходилъ изъ Дубровницкой фамиліи (Radić), угасшей въ XVIII вѣкѣ.

говорить съ нимъ на своемъ языкѣ. При этомъ самъ комиссаръ, человѣкъ разсудительный, прибавилъ, какъ умно поступили бы всѣ правительственные дворы, если бы имѣли предусмотрительность посылать къ различнымъ дворамъ, въ качествѣ своихъ посланниковъ, лицъ, знающихъ языкъ державъ, къ которымъ посылаются, чтобы въ важныхъ и щекотливыхъ вопросахъ не ввѣряться слѣпо переводчикамъ. И такъ какъ мы другъ друга хорошо понимали на своемъ языкѣ, то по-дружески пустились въ разговоры различнаго рода: и это обстоятельство, относительно нашего посольства, было весьма полезно какъ имъ, такъ и намъ [1]).

25-го декабря, въ день Рождества Христова, въ субботу, мы были у царя съ привѣтствіемъ, о чемъ насъ оповѣстили за два дня чрезъ одного боярина.

Между тѣмъ мы уговаривались о титулованіи царя, и, послѣ длиннаго спора, порѣшили, что будемъ звать его, какъ Императоръ написалъ въ грамотѣ, *Великимъ Герцогомъ* [2]). Потомъ были принесены подарки, посылаемые ему Императоромъ: два золотые бокала цѣною въ 1000 флориновъ [3]), три куска шелковой матеріи, часы съ зеркаломъ,

[1]) Послѣ этихъ словъ въ текстѣ г. Франасовича пропущено слѣдующее мѣсто (приведенное въ „замѣткѣ“ Кукульицы): „anzi con altri ministri che non possedevan la lingua, e che volevan servirsi di interprete si sono scusati dicendo: se sapeste *slovinski* trattaressimo con voi: ma giacchè non la sapete, habbiate pazienza sin che l'appenderete. E pur ben si dice: zaludu je aptjecat strana od svijeta a jezika ne poznat, najčiše onijem koji ni materinijem jezikom neumiju govorit, koji koliko veće živu i veće svijeta vidu, toliko su veće goveda i *bestie*, quali si può dir nati solamente per far lettame al mondo i da bi Bog dô da ih i mi takijeh nijesmo imali s nami i bivši naši nenaučeni pastit ovake *animale* ičinit ih orat silom, treba je bilo vele puta šilkat ih kô goveda; za koje šiljkanje prigali su se u svomu salu i imali *pazienzu* za nevolju“.

[2]) Въ текстѣ: imenom *Velikog Vojvode*. Въ „проѣзжей грамотѣ“ (Пам. стр 262) читаемъ: „пресвѣтлѣйшему В. Кн.“.

[3]) т. е. гульденовъ.

одно постельное одѣяло изъ бѣлаго шелка съ золотомъ [1])—все вмѣстѣ стоимостью въ 3000 флориновъ. Когда мы отправились къ царю, то намъ дозволили быть при сабляхъ только до входа во дворецъ, что мы сильно и тщетно оспаривали [2]). Онъ отправилъ за нами двое саней, крытыхъ атласомъ, однѣ для двоихъ посланниковъ, а другія для меня: остальнымъ нашимъ дали коней. Отъ дома нашего квартированія до царскаго дворца разставлены были по обѣимъ сторонамъ стрѣльцы, на разстояніи итальянской мили, съ знаменами и литаврами.

Прибывъ ко дворцу, мы и тутъ встрѣтили множество стрѣльцовъ, и до первой комнаты все было полно прекрасно одѣтымъ людомъ. Когда мы вступили въ первую комнату, къ намъ подошли два боярина съ привѣтствіемъ отъ царя. Эта комната была загромождена платьемъ, опушеннымъ дорогими сибирскими мѣхами. У дверей пріемнаго покоя, въ которомъ насъ ожидалъ царь, насъ приняли двое бояръ, которые и ввели насъ въ пріемную. Она была полна боярствомъ. Въ половинѣ пріемной насъ остановили у одной колонны, стоявшей на срединѣ комнаты, и съ этого мѣста мы поклонились царю, возсѣдавшему на престолѣ въ царской одеждѣ со скипетромъ [3]) въ рукѣ и съ короной на головѣ. Его одежда была вся усыпана жемчугомъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями; тронъ—весь вызолоченъ, а подножіе и всѣ ступеньки украшены серебряными бляхами, а вся пріемная застлана драгоцѣнными персидскими

[1]) Въ Памятн. (стр. 374) читаемъ: „великіе послы челомъ бьютъ, въ 2 склянницахъ мѵро Великаго Чудотворца Николы, 2 куфшинца золоты съ жемчюги, 2 объяра цвѣтные, по нихъ травы золоты, объярь серебряна, покровецъ шитъ шелкомъ цвѣтной, часы золочены, въ 2 коробкахъ ароматъ, въ 2 коробкахъ сахару составнаго".

[2]) У Котошихина читаемъ: „а какъ послы пріѣзжаютъ близко царского двора слазятъ съ лошадей; и слѣзши съ лошадей послы и ихъ дворяне шпаги съ себя снимутъ и идутъ къ царю въ Верхъ безъ шпагъ. (Изд. 1884 г. стр. 68).

[3]) Текстъ: so žezlom u ruci.

коврами. Ниже трона стояли четверо, двое по одну сторону, и двое по другую, въ бѣлой одеждѣ, въ большихъ бѣлыхъ шапкахъ и съ золоченными бубнами (или литаврами) въ рукахъ [1]). Нѣсколько ближе къ трону стояли съ одной стороны царскій тесть [2]) съ державою въ рукѣ, съ другой—одинъ изъ выдающихся бояръ съ царскимъ посохомъ [3]).

Послѣ того, какъ мы поклонились, великій канцлеръ [4]) началъ говорить: „Императоръ римскій Фердинандъ III, твой дорогой и возлюбленный братъ, послалъ сихъ своихъ посланниковъ"... [5]) Сказавши это, нашъ первый посланникъ привѣтствовалъ царя, отъ имени Императора, на нѣмецкомъ языкѣ. Царь всталъ съ трона, поблагодарилъ за любовь Императора, и спросилъ насъ о здоровьѣ *своего дражайшаго и возлюбленнаго* брата Императора, а затѣмъ спросилъ и о нашемъ здоровьѣ. Послѣ этого мы всѣ поцѣловали его руку. Потомъ великій канцлеръ прочиталъ по грамотѣ о количествѣ и родѣ подносимыхъ царю подарковъ, которые царь и приказалъ показать ему. Наконецъ, спросилъ посланниковъ, не имѣютъ ли еще что-нибудь сказать? Они отвѣчали ему, что имѣютъ кое о чемъ тайно сообщить ему, и онъ замѣтилъ, что онъ удовлетворитъ ихъ. И такъ мы простились съ нимъ и возвратились домой въ томъ же порядкѣ, въ какомъ и являлись.

Черезъ насъ царь послалъ намъ изъ дворца обѣдъ съ одной тарелкой, одной вилкой и однимъ ножемъ для гос-

---

[1]) Да подлѣ Царя жъ, по обѣ стороны, стоятъ рынды, четыре человѣка, наряжены въ бѣлое платье камчатое на горностаяхъ, въ шапкахъ бѣлыхъ же высокихъ, и въ сапогахъ... (Кот. 68—69).

[2]) И. Д. Милославскій.

[3]) Въ текстѣ: sa zezlom.

[4]) Въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ" (2-е изд., ч. 20, стр. 151) находимъ: „иностраные прежнихъ временъ писатели въ путешественныхъ своихъ описаніяхъ о Россіи, пишутъ о Дьякахъ съ столь великимъ почтеніемъ, что называютъ ихъ *Канцлерами*, слѣдуя въ томъ обычаямъ нѣкоторыхъ народовъ, называвшихъ тогда и у себя письмопроизводителей судебныхъ мѣстъ *канцлерами*".

[5]) И здѣсь въ рукописи перерывъ.

подина Алегретича.—Такъ какъ это былъ день ихъ поста [1]), намъ принесли отборной рыбы, приготовленной по ихнему вкусу; такъ закончился первый пріемъ.

На другой день ночью великій канцлеръ приходилъ, не знаю что, тайно переговорить съ посланниками, и такъ приходилъ много разъ. 27-го мы были вторично у царя (тутъ онъ ждалъ въ другой комнатѣ, которая была много меньше первой) и имѣли случай ближе наблюдать царя: лицо его было бѣло-румяное, волосы золотистые, носъ крючковатый, царь былъ живого и веселаго характера, исполненъ величія, однимъ словомъ, красивый человѣкъ. И тогда при немъ было достаточно бояръ. Исполнивъ обычныя церемоніи, наши изъявили ему благодарность за присланный обѣдъ. Затѣмъ чрезъ великаго канцлера онъ сообщилъ намъ, что избралъ четырехъ бояръ, которые въ обществѣ самого великаго канцлера будутъ вести дѣла съ нами; за это они поблагодарили его. Тогда насъ повели въ другую комнату, гдѣ мы и встрѣтили указанныхъ четверыхъ бояръ, и здѣсь съ великимъ канцлеромъ начали разсуждать о дѣлахъ, и эта бесѣда длилась три часа; потомъ отвели насъ домой; такъ закончилась вторая бесѣда; 29-го слѣдовала—третья, а 30-го—четвертая. 3-го января (1656) было пятое свиданіе, за которымъ слѣдовало еще нѣсколько: 8-го того-же мѣсяца опять свидѣлись; а такъ какъ кое-что было уже закончено, то обѣ стороны порѣшили послать Императору курьера съ извѣщеніемъ о томъ, что сдѣлано: наши выбрали прапорщика Николу Минчетича, угра [2]), а они одного дьяка, которые съ прислугою отправились въ Вѣну, 18-го числа.

[1]) Очевидно авторъ путешествія выставилъ дату своего лѣтосчисленія; по ней 25-е декабря соотвѣтствуетъ нашему 15 декабря. Въ январскомъ 1655 году 15/25 декабря приходилось въ субботу.

[2]) Въ примѣчаніи къ тексту г. Кукульицы сказано, что Никола Минчетичъ (въ рукописи: Mincetti тоже происходилъ изъ Дубровницкой фамиліи Menzeno С. Х. Минчетичь. Авторъ называетъ его угромъ (Ungarezom) можетъ быть потому, что онъ былъ въ военной службѣ въ Угріи; такимъ образомъ, это важное посольство состояло преимущественно изъ дубровничанъ.

28 числа Шведскіе послы привѣтствовали царя, принеся ему подарки отъ имени своего короля (все серебряныя позолоченныя вещи, донесенныя шестьюдесятью человѣками) цѣною на 15000 флориновъ.

Еще 28-го прошлаго декабря я сталъ чувствовать себя нездоровымъ, но перемогался до 18 января, когда принужденъ былъ слечь въ постель. Только на десятый день могъ добиться врача, какого-то нѣмца Эрманна, почтеннаго и веселаго человѣка. Въ день нашего прославленнаго св. Власія я всталъ съ постели, а въ половинѣ марта совсѣмъ оправился.

9-го апрѣля было цвѣтное воскресенье, праздникъ, чествуемый руссами болѣе другихъ церковныхъ праздниковъ. Слѣдуетъ описать его.

Божественная служба начинается процессіей, на которой присутствуетъ царь съ своими придворными и патріархъ со всѣмъ духовенствомъ. Процессія отправляется въ церковь, называемую *Іерусалимомъ* [1]), оттуда сходятся подъ однимъ шатромъ, гдѣ патріархъ прежде всего читаетъ царю нѣкоторыя благословенія и потомъ совершаетъ предписанные церковные обряды, которые продолжаются добрыхъ два часа; за тѣмъ патріархъ одѣляетъ, начиная съ царя, и потомъ по очереди бояръ, сообразно съ ихъ значеніемъ, освященными пальмами [2]).

Послѣ этого патріархъ садится на осла [3]), а его свѣтлость царь идетъ пѣшкомъ предъ нимъ, ведя патріаршаго

---

[1]) Вербное Воскресеніе. Въ 1656 январскомъ году Пасха приходилась $\frac{6}{16}$ апрѣля; слѣдовательно Вербное Воскресеніе было $\frac{30\text{ марта}}{9\text{ апрѣля}}$.

[2]) Покровско-Троицкій соборъ (Василій Блаженный). Еще Снегиревъ (въ Памятникахъ Московской древности, стр. 342) замѣтилъ, что „иностранные писатели XVII столѣтія называли его *Іерусалимомъ*, вѣроятно по придѣлу Входа въ Іерусалимъ.

[3]) Дѣйствительно, финиковыя вѣтви и вербу.

[4]) Т. е. коня, въ бѣломъ суконномъ *каптурѣ* (родъ попоны, закрывавшей и голову лошади). Подробности см. въ книгѣ Забѣлина: „Домашній бытъ русскихъ царей", Т. I.

осла за узду; между тѣмъ предъ царемъ идетъ небольшая толпа солдатъ, бросая ему подъ ноги по куску въ два локтя цвѣтнаго сукна, а предъ толпою влекутъ колесницу, на которой утверждена древесная вѣтвь, украшенная яблоками и другими плодами [1]), а около нея идетъ кучка дѣтей въ бѣлой одеждѣ, съ пѣніемъ; такъ возвращаются въ царскій дворецъ. И при этой церемоніи мы имѣли разрѣшеніе смотрѣть это торжество, къ чему напрасно стремилось шведское посольство. Въ великую субботу сюда прибылъ посолъ польскаго короля, Петръ Раленскій, съ 30-ю особами. На четвертый день ему было дозволено привѣтствовать царя. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, только послѣ отпуска отъ царя, ему дозволено было насъ навѣстить. При отъѣздѣ онъ подалъ господину Алегретичу двѣ грамоты: одну отъ королей, а другую отъ великаго польскаго канцлера; послѣ этого онъ отправился на свою квартиру, отстоящую отъ нашей на добрую итальянскую милю.

1-го мая къ намъ явился великій канцлеръ и передалъ намъ отъ его свѣтлости, что такъ какъ еще не возвратился изъ Вѣны ни нашъ прапорщикъ, ни его курьеръ, а его свѣтлость долженъ отправиться въ Смоленскъ, то чтобы и мы готовились въ путь и возвратились къ императору, не имѣя здѣсь больше дѣла: но прежде чѣмъ будемъ разставаться, мы должны явиться къ нему на обѣдъ, а онъ насъ отпуститъ... На это господинъ Алегретичъ отвѣтилъ: „мы охотно разстались бы, но отсюда мы не смѣемъ двинуться, пока не вернутся люди, отправленные къ императору“. На этотъ отвѣтъ царь собралъ совѣтъ и на шестой день чрезъ великаго канцлера сообщилъ намъ, что слѣдуетъ уѣзжать, такъ какъ мы сдѣлали все, зачѣмъ были посланы; если же на пути получимъ какой-нибудь отвѣтъ отъ императора, то смѣло можемъ вернуться“. Тщетно мы сопротивлялись: нужно было отправляться. Также напрасно просили мы дозволенія ѣхать чрезъ Смоленскъ: мы должны были избрать опредѣленную для насъ дорогу чрезъ Новгородъ въ Ригу.

[1]) Въ текстѣ: i drugim spotnarijama.

28 числа Шведскіе послы привѣтствовали царя, принеся ему подарки отъ имени своего короля (все серебряныя позолоченныя вещи, донесенныя шестьюдесятью человѣками) цѣною на 15000 флориновъ.

Еще 28-го прошлаго декабря я сталъ чувствовать себя нездоровымъ, но перемогался до 18 января, когда принужденъ былъ слечь въ постель. Только на десятый день могъ добиться врача, какого-то нѣмца Эрманна, почтеннаго и веселаго человѣка. Въ день нашего прославленнаго св. Власія я всталъ съ постели, а въ половинѣ марта совсѣмъ оправился.

9-го апрѣля было цвѣтное воскресенье, праздникъ, чествуемый руссами болѣе другихъ церковныхъ праздниковъ. Слѣдуетъ описать его.

Божественная служба начинается процессіей, на которой присутствуетъ царь съ своими придворными и патріархъ со всѣмъ духовенствомъ. Процессія отправляется въ церковь, называемую *Іерусалимомъ* [1]), оттуда сходятся подъ однимъ шатромъ, гдѣ патріархъ прежде всего читаетъ царю нѣкоторыя благословенія и потомъ совершаетъ предписанные церковные обряды, которые продолжаются добрыхъ два часа; за тѣмъ патріархъ одѣляетъ, начиная съ царя, и потомъ по очереди бояръ, сообразно съ ихъ значеніемъ, освященными пальмами [2]).

Послѣ этого патріархъ садится на осла [3]), а его свѣтлость царь идетъ пѣшкомъ предъ нимъ, ведя патріаршаго

---

[1]) Вербное Воскресеніе. Въ 1656 январскомъ году Пасха приходилась $\frac{6}{16}$ апрѣля; слѣдовательно Вербное Воскресеніе было $\frac{30\text{ марта}}{9\text{ апрѣля}}$.

[2]) Покровско-Троицкій соборъ (Василій Блаженный). Еще Снегиревъ (въ Памятникахъ Московской древности, стр. 342) замѣтилъ, что „иностранные писатели XVII столѣтія называли его *Іерусалимомъ*, вѣроятно по придѣлу Входа въ Іерусалимъ.

[3]) Дѣйствительно, финиковыя вѣтви и вербу.

[4]) Т. е. коня, въ бѣломъ суконномъ *каптурѣ* (родъ попоны, закрывавшей и голову лошади). Подробности см. въ книгѣ Забѣлина: „Домашній бытъ русскихъ царей“, Т. I.

осла за узду; между тѣмъ предъ царемъ идетъ небольшая толпа солдатъ, бросая ему подъ ноги по куску въ два локтя цвѣтнаго сукна, а предъ толпою влекутъ колесницу, на которой утверждена древесная вѣтвь, украшенная яблоками и другими плодами [1]), а около нея идетъ кучка дѣтей въ бѣлой одеждѣ, съ пѣніемъ; такъ возвращаются въ царскій дворецъ. И при этой церемоніи мы имѣли разрѣшеніе смотрѣть это торжество, къ чему напрасно стремилось шведское посольство. Въ великую субботу сюда прибылъ посолъ польскаго короля, Петръ Раленскій, съ 30-ю особами. На четвертый день ему было дозволено привѣтствовать царя. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, только послѣ отпуска отъ царя, ему дозволено было насъ навѣстить. При отъѣздѣ онъ подалъ господину Алегретичу двѣ грамоты: одну отъ королей, а другую отъ великаго польскаго канцлера; послѣ этого онъ отправился на свою квартиру, отстоящую отъ нашей на добрую итальянскую милю.

1-го мая къ намъ явился великій канцлеръ и передалъ намъ отъ его свѣтлости, что такъ какъ еще не возвратился изъ Вѣны ни нашъ прапорщикъ, ни его курьеръ, а его свѣтлость долженъ отправиться въ Смоленскъ, то чтобы и мы готовились въ путь и возвратились къ императору, не имѣя здѣсь больше дѣла: но прежде чѣмъ будемъ разставаться, мы должны явиться къ нему на обѣдъ, а онъ насъ отпуститъ... На это господинъ Алегретичъ отвѣтилъ: „мы охотно разстались бы, но отсюда мы не смѣемъ двинуться, пока не вернутся люди, отправленные къ императору“. На этотъ отвѣтъ царь собралъ совѣтъ и на шестой день чрезъ великаго канцлера сообщилъ намъ, что слѣдуетъ уѣзжать, такъ какъ мы сдѣлали все, зачѣмъ были посланы; если же на пути получимъ какой-нибудь отвѣтъ отъ императора, то смѣло можемъ вернуться“. Тщетно мы сопротивлялись: нужно было отправляться. Также напрасно просили мы дозволенія ѣхать чрезъ Смоленскъ: мы должны были избрать опредѣленную для насъ дорогу чрезъ Новгородъ въ Ригу.

[1]) Въ текстѣ: i drugim spotnarijama.

за другомъ. Такимъ образомъ при повтореніяхъ тостовъ всѣ сильно разогрѣлись и наши почти опились.

Господинъ Алегретичъ, такъ какъ былъ веселъ и пьянъ, рѣшился подойти къ самому царю и началъ съ нимъ говорить. Но такъ какъ языкъ у Алегретича путался, царь велѣлъ мнѣ подойти къ себѣ и, при моей помощи, сталъ съ нимъ разговаривать. И если царь желалъ кому-либо что сказать, приказывалъ мнѣ подходить къ нему и часто повторялъ мнѣ: помни хорошо, что я говорю, чтобы потомъ съумѣть передать Императору и его боярамъ при Императорскомъ дворѣ, да и твоимъ друзьямъ, когда отрезвятся, а теперь они на веселѣ и не знаютъ, что я говорю. На это я отвѣчалъ ему, какъ умѣлъ и какъ приличествовало, и все на своемъ природномъ языкѣ, а царь на своемъ. И когда нашихъ пословъ отвели на свои мѣста, такъ какъ они не могли держаться на ногахъ, я одинъ остался бесѣдовать съ царемъ, и онъ, взявъ меня за руку, возобновилъ порученіе не забывать въ разсказѣ Императору, что я слышалъ и видѣлъ у царя. Онъ говорилъ мнѣ не мало и о другихъ вещахъ. И онъ собственноручно подарилъ мнѣ одну тарелку, и при мнѣ приказалъ своему великому канцлеру, чтобы это было прибавлено къ подарку, который для меня былъ записанъ [1]).

---

[1]) Въ „Замѣткѣ", сопровождающей текстъ, г. Кукульница по рукописи прибавилъ варіантъ этихъ строкъ: „prvo sig. Aligretto, pristupiše polak samoga Cara, i uzô s njim govorit, i nemogući *esprimat* dobro riječi meni je činio Car uzit prida nj i govorio sve sa mnom što bi š njim govorio. Takogjen svegj *present*; govoreći mi svegj: Sluša dobro što govorim, neka paka umjieš spovjgjet Cesaru i bojarom ćesarskijem u ćesarovu dvoru, i takogjev.... kad se raztriezne zašto su sad vesoli, ne znadu što im ja govorim; na koji vam ja odgovorio kako sam umio i kako se pristojalo i sve mojijem jezikom naravnijem, a Car svojijem. Budući odveli na svoje mjesto sjestit *ambasciature* ne mogući stat na nogam, ja sam *tuttavia* ostô govoreći s Carom, gdje me uhitio za ruku *replikavajući* mi da ne zabora vim spovigjet bojarim ćesarovijem sve što sam čuo i vidio od njega, govoreći mi vele druzijeh riječi: i tu mi je darovô jedun *pjat*.... i prida

И когда я поцѣловалъ послѣ этого у него руку, сказалъ мнѣ: „ты добрый юнакъ и еще лучшимъ будешь воиномъ“ [1]). На это я учтивѣйшимъ образомъ поблагодарилъ его. Кромѣ этой бесѣды, онъ съ удовольствіемъ и не разъ говорилъ мнѣ, насколько онъ дружественъ къ Императору и за его любовь только воздержится окончательно побѣдить поляковъ и съ ними заключитъ перемиріе, да готовъ и миръ заключить, чего ни для кого другого не сдѣлалъ бы; и прибавилъ, какъ думаетъ свидѣться съ Императоромъ, чтобы подавить общаго врага нашей вѣры, да не радуется дьяволъ нашей бѣдѣ, но печалится при нашемъ благѣ. И хоть онъ не опредѣлилъ, кто этотъ общій врагъ, но очевидно было, что онъ подразумѣвалъ Шведа, какъ и подтвердили послѣдствія. Онъ прибавилъ еще, что весьма удивляется тому, что Императоръ дозволилъ своимъ подданнымъ вступать въ военную службу Швеціи, особымъ голосомъ упирая рѣчь противъ нѣкоего Валдемара. Я отвѣтилъ ему, что этому нечего удивляться, такъ какъ твое царское величество вѣдаетъ, что нѣмецкая земля велика, и въ ней много Императорскихъ враговъ и отступниковъ отъ правой вѣры, и что всѣ и малые и большіе, которые не согласились на обращеніе себя въ правую вѣру, были изгнаны: и такъ изъ этого слѣдовало, что они, не зная сами куда, ушли и уходятъ на службу къ врагамъ императора. Этими разсужденіями съ моей стороны царь остался вполнѣ доволенъ.

Такъ какъ уже смеркалось, а наши не въ состояніи были отправиться домой, то царь подарилъ намъ свою шестиконную карету, говоря мнѣ: „ни одному послу я прежде не давалъ, не сдѣлалъ и не оказалъ такой милости, какую те-

---

mnom naredio je Kancelijeru Velikomu da mi da veći *present* nego je bio *terminô* od prie dat mi.... Т. е. чтобы мнѣ былъ данъ подарокъ, болѣе дорогой, чѣмъ былъ прежде назначенъ. Вмѣсто tanjur (тарелка) вѣрнѣе было бы блюдо (pjat).

[1]) Эти слова, кажется, доказываютъ, что Гундуличъ былъ очень молодъ въ 1655 году.

перь окажу императорскимъ посламъ", и дѣйствительно, это отличіе всѣми было сочтено за большую и необыкновенную почесть; онъ желалъ, чтобы насъ конвоировали до кареты важнѣйшіе изъ его бояръ и даже его дядя [1]); а самъ онъ смотрѣлъ на насъ въ окно и привѣтствовалъ; о такъ какъ мнѣ одному предоставлено было исполнять обязанность этикета въ отношеніи ко всѣмъ, то царь весьма меня и полюбилъ. Такимъ образомъ мы вернулись домой, провожаемые съ фонарями, бубнами, придворными и другими торжественными отличіями, къ великому удивленію зрителей—туземцевъ и иностранцевъ: всѣ единогласно признавали, что въ жизнь свою не видали еще такой царской милости.

Вернувшись домой, всѣ полегли какъ мертвые, и полопались бы, если бы не облегчались чрезъ посредство глотки. Какъ только раскидались они по постелямъ, явился бояринъ съ новымъ питіемъ, но такъ какъ всѣ были скорѣе мертвые, чѣмъ живые, то онъ ушелъ.

На другой день дядя царя, Симеонъ Лукьяновичъ, веселый и вѣжливый человѣкъ, и великій канцлеръ послали спросить насъ, хорошо ли мы выспались и здоровы ли.

18-го насъ пригласили во дворецъ и дали намъ оправдательные документы. Когда мы вернулись домой, бояринъ Петръ Шереметовичъ [2]) доставилъ намъ отъ царя обѣдъ.

На другой день царь послалъ намъ въ даръ соболь-ихъ мѣховъ сообразно съ нашимъ положеніемъ, т. е. двоимъ посламъ 64 десятка, мнѣ—восемь десятковъ, осталь-

---

[1]) А какъ послы пошли изъ палаты вонъ, и по государеву указу провожалъ пословъ до кареты бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, а въ карету посадилъ пословъ столникъ и Московской ловчей Аѳонасей Ивановичъ Матюшкинъ; а карета была посламъ для того, что они были пьяны. И послѣ посолского отпуску посыланъ былъ къ нимъ потчивать съ питьемъ столникъ Петръ Шереметевъ; и пріѣхалъ назадъ со всѣмъ, не потчивавъ пословъ, для того что послы были пьяны". Памятн. стр. 438.

[2]) Стольникъ, Петръ Васильевичъ Шереметевъ.

нымъ—по три и по два десятка. 21-го мая (въ воскресенье) послѣ обѣда мы оставили Москву, съ нашей колесницей, четырьмя экипажами и тридцатью конями. Къ ночи доѣхали до Никольскаго, гдѣ и ночевали.

На другой день на зарѣ явился къ намъ Василій Семеновичъ [1]), бывшій у насъ коммисаромъ, съ царскимъ наказомъ, чтобы мы остановились и ждали пріѣзда сюда князя Георгія Ивановича [2]), царскаго постельничаго. Вскорѣ прибылъ и этотъ Ивановичъ, человѣкъ вѣжливый и знающій латинскій языкъ. Онъ намъ сказалъ, что царь черезъ два дня отправляется на войну и желаетъ чтобы мы видѣли его отбытіе. Возвратившись на нашу прежнюю квартиру, мы четыре дня ждали царскаго отъѣзда; за это время насъ угощали побарски по порученію царя. Въ четвертокъ въ Спасовъ день [3]) царь отправился. Предъ храмомъ пр. Троицы, называемымъ ими Іерусалимомъ [4]), для насъ устроено было возвышеніе, все покрытое персидскими коврами, чтобы оттуда намъ виденъ былъ проѣздъ его и его служителей. Предъ ними шло до 6000 стрѣльцовъ, позади бояре и прислуга, которая вела тридцать прекрасныхъ коней и три кареты, изъ коихъ одна была вся вызолочена съ кресломъ по срединѣ.

Подъ однимъ деревяннымъ навѣсомъ, нарочно для для того устроеннымъ, его ждали патріархи—Антіохійскій и Московскій, которые благословляли его. Послѣ этого всѣ, которые должны были остаться въ Москвѣ, сообразно съ своимъ достоинствомъ, подошли къ его рукѣ, кланяясь ему до земли; ранѣе всѣхъ это сдѣлалъ царевичъ. Когда эта церемонія кончилась, царь пѣшкомъ дошелъ до насъ, сѣлъ

---

[1]) Василій Семеновичъ Волынскій.

[2]) Не можетъ ли здѣсь подразумѣваться постельничій (1704 г.), стряпчій съ ключемъ, Григорій Ивановичъ Ртищевъ? *У автора:* Knez Gjorgje Ivanowić carev posteljnik.

[3]) Т. е. Вознесеніе, которое въ 1656 янв. году приходилось 16/26 мая.

[4]) Василія блаженнаго.

на стулъ, крытый кармазиннымъ сукномъ, и подозвалъ насъ къ себѣ, а мы поцѣловали его руку. Мнѣ онъ снова поручалъ не забывать о передачѣ Императору всего, что онъ мнѣ раньше говорилъ; и приказалъ великому канцлеру доставить намъ еще нѣсколько десятковъ соболей. Простившись такимъ образомъ и поцѣловавъ его руку, мы ушли на свое мѣсто; а онъ сѣлъ на коня и отправился, провожаемый своими боярами, при звукахъ трубъ и бубновъ; все это было очень красиво. Послѣднею шла его стража въ красивой одеждѣ; одна сотня отъ другой отличалась цвѣтомъ одежды. Патріархи стояли и благословляли, пока всѣ не прошли.

26 мая мы отправились изъ Москвы и прибыли вечеромъ, какъ и въ первый разъ въ Никольское; оттуда на другой день на разсвѣтѣ двинулись къ Новгороду. 8-го іюня были въ Бровницѣ [1]), 9-го въ полночь—въ монастырѣ св. Георгія [2]) у Новгорода, гдѣ отдыхали полтора дня; а 11-го съ попутнымъ вѣтромъ доѣхали до села Боръ [3]), гдѣ и ночевали. Оттуда, выспавшись въ селѣ Солца [4]), продолжали путь, въ праздникъ Тѣла Господня, 15-го прибыли въ Плесковъ [5]). Здѣсь насъ захватилъ одинъ курьеръ, посланный нашимъ прапорщикомъ, который, возвратясь изъ Вѣны, въ Смоленскѣ ожидалъ царя, и тотъ далъ ему проводника, чтобы довезти его къ намъ. Это насъ весьма обрадовало, особенно потому, что мы еще не вступили на шведскую границу. На другой день насъ настигъ нашъ прапорщикъ, и, увидѣвъ содержаніе доставленныхъ намъ черезъ него грамотъ, мы должны были возвратиться къ царю и ждать его въ Полескѣ (Порѣчскѣ?) [6]). Но такъ какъ господинъ Алегре-

[1]) Бронницы, село Новгородской губ.

[2]) Такъ называемый Юрьевскій монастырь въ трехъ верстахъ отъ Новгорода.

[3]) Борокъ.

[4]) Сольцы.

[5]) Псковъ.

[6]) Въ Полоцкѣ.

тичь нѣсколько занемогъ, то мы остались въ Плесковѣ восемь дней. 23-го мы двинулись въ путь, и 25-го добрались до Опучка [1]), укрѣпленнаго города. 26 го, выбравшись изъ Опучка, прибыли мы въ одно село недалеко отъ Полескаго [2]), гдѣ насъ заживо съѣли комары, не давая намъ покоя ни днемъ ни ночью; здѣсь мы оставались восемь дней. 8 іюля прибыли мы въ Полеско, гдѣ, по распоряженію царя, насъ торжественно встрѣтили. Полеско, литовскій городъ, до этой войны принадлежалъ Польшѣ. Дома въ немъ деревянные. Есть церковь и домъ іезуитовъ—церковь разрушена.

При польскомъ правительствѣ іезуиты владѣли здѣсь 8000 крестьянъ. 14-го чрезъ этотъ городъ къ Ливоніи протло тридцатитысячное войско, снабженное боевыми запасами на полгода. На другой день прибылъ царь, котораго ожидали мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ. За день до царскаго прибытія въ Полеско, командующій войсками велѣлъ убрать одно распятіе, бывшее надъ городскими воротами, потому что оно было сдѣлано не по-русски: этотъ гнусный поступокъ я видѣлъ своими глазами: дѣло невыразимаго варварства.

Но вообще говорили, что это поруганіе было совершено безъ вѣдома царя, который, будучи человѣкомъ утонченнымъ и умѣреннымъ, не допустилъ бы такого беззаконія. Другое войско, подъ начальствомъ вождя князя Алексѣя Никитича Трубецкого, двигалось на Ингрію и Нарву; третье — въ Карелiи противъ Шведовъ, четвертое—на Польшу, пятое—на татаръ, шестое около Архангела [3]) наблюдало за англичанами, которыхъ подозрѣвали въ союзѣ съ Шведами: всего было до 350,000 солдатъ.

20 го числа въ четвертокъ, послѣ долгаго спора о титулованіи—такъ какъ бояре желали чтобы императоръ назвалъ Царя „Dux Smolicensis, Severiensis, Altae [4]) Russiae, et magni

[1]) Опочка, Псковской губ.

[2]) Полоцкъ въ текстѣ всюду: Polesko.

[3]) Архангельскъ.

[4]) Описка или опечатка вмѣсто Albae.

Ducatus Lituaniae", а Императоръ, дѣлаясь посредникомъ между Царемъ и Польшей, не соглашался на это—мы были приняты царемъ: и на этотъ разъ онъ хотѣлъ оставить насъ у себя на обѣдъ, но такъ какъ господинъ Алегретичь чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, царь послалъ намъ обѣдъ на квартиру. Царь принялъ насъ въ домѣ іезуитовъ, гдѣ онъ помѣщался. Царь сидѣлъ на тронѣ, а съ нимъ были его тайные совѣтники.

Когда господинъ Алегретичь вручилъ царю Императорскія грамоты, царь велѣлъ принять насъ въ другой комнатѣ, гдѣ мы стояли цѣлый часъ. Потомъ пришелъ царскій чиновникъ, Теодоръ Михайловичъ [1]), отличный кавалеръ, вѣжливый, какъ цивилизованнѣйшій итальянецъ, и ввелъ насъ къ царю, котораго мы нашли за накрытымъ столомъ. Онъ подозвалъ къ себѣ пословъ, меня и переводчика. Прежде всего онъ пожаловался господину Алегретичу на то, что Императоръ не желаетъ признать вполнѣ царскаго титулованія. Въ это самое время Илья Дасичеловичъ [2]) и Борисъ Ивановичъ [3]), первый—тесть, а второй—свояк царя, задавали и мнѣ вопросъ по этому дѣлу; я отвѣтилъ имъ, какъ умѣлъ. Послѣ этого царь спросилъ: всегда ли будетъ ему другомъ императоръ? и правда ли, что Бранденбужецъ послалъ на помощь Шведу 8000-ное войско? и все время удивлялся, почему императоръ не отвѣчалъ ему на нѣкоторые вопросы, которые онъ предлагалъ черезъ курьера. Онъ сказалъ, что пошлетъ къ императору [4]) своихъ пословъ, но совѣтовалъ, прежде чѣмъ они отправятся, чтобы наши послали курьеровъ къ императору, сообщая съ извѣщеніемъ со стороны царя, что онъ ударитъ и на Шведовъ и на Поляковъ одновременно, что онъ отправитъ пословъ къ Дат-

---

[1]) Ѳедоръ Михаиловичъ Ртищевъ стольникъ.

[2]) Илья Даниловичъ Милославскій.

[3]) Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

[4]) Въ текстѣ: к Caru.—Я предполагаю: к Cesaru.

скому королю съ просьбою, чтобы и онъ ударилъ, а поэтому пусть и императоръ соблаговолитъ ударить на Шведовъ.

На всѣ эти пункты Алегретичъ отвѣчалъ ему, какъ слѣдовало. А мнѣ царь особенно рекомендовалъ, чтобы все это я точно перевелъ Леопаху [1]), который не понималъ нашей рѣчи, а толмачь, какой-то новокрещеный курляндецъ, не очень былъ свѣдущъ въ нашемъ языкѣ.

Послѣ этого царь приказалъ принести столько чашъ, сколько было тамъ насъ присутствовавшихъ, и, вставъ съ непокрытой головой, выпилъ тостъ за императора, *чтобы быть всегда друзьями, какъ были ихъ предки.* И каждому, по степени его положенія, наполнилъ чашу.

Послѣ тостовъ онъ назначилъ намъ новые подарки, рекомендовалъ своихъ пословъ, которые должны были прибыть въ Вильну для заключенія мира съ Поляками, и мы, поцѣловавъ его руку, отправились на квартиру съ своимъ коммиссаромъ.

22-го изъ Варшавы явился вѣстникъ отъ польскаго короля, который на другой день былъ у царя. Онъ сообщилъ намъ, что отъ своего короля имѣетъ грамоту господину Алегретичу, которую долженъ собственноручно передать, когда будетъ допущенъ.

23-го царь съ войскомъ пошелъ въ Динабургъ, а въ этотъ же день явился къ намъ на ужинъ польскій Чернинскій вѣстникъ, на слѣдующее утро отправившійся въ Вильну, куда и мы послѣдовали, въ сопровожденіи 10,000-ной пѣхоты и конницы.

8-го августа добрались мы до Вильны: до этой войны это былъ прекрасный городъ, съ весьма большимъ предмѣстьемъ, съ красивыми каменными домами; а теперь городъ и предмѣстье, да и церкви, и мертвыя кости въ могилахъ... все было пожжено и осквернено.

---

[1]) Въ текстѣ: da... istumacim *Leopachu.* А между тѣмъ всюду въ документахъ, касающихся переговоровъ, онъ называется—съ нѣкоторыми искаженіями—*Лорбахъ* (см. Памятн. стр. 1204). Въ австрійскихъ документахъ находимъ ту же форму.

10-го этого мѣсяца явились польскіе уполномоченные:

Лица замѣстителей:

Императорскіе упономоченные:—Ill... mus D. Alligrettus de Alligretti, et Ioannes Teodoricus a Leopah.

Польскихъ уполномоченныхъ пятеро:—Ioannes Casimirus Krasienski [1]) Palatinus Plosceviensis, Christophorus Zaciska [2]) Maresciallus Magni D. L. (Ducis Livoniae), Ioannes Zaciska [3]) nominatus Episcopus Vilacensis, Cyprianus Paulus Brostovski [4]) Referendarius M. D. L. Stanislaus Serbojevski [5]) starosta Gabojenski.

Уполномоченныхъ русскихъ пятеро: Князь Николай Ивановичъ Дроевскій [6]), ближній бояринъ и намѣстникъ Астраханскій; князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, окольничій и намѣстникъ Резанскій; Василій Александровичъ Кавлаконъ [7]), окольничій и намѣстникъ Клажерскій; Дьякъ Герасимъ Сейменовичъ Дактуровъ [8]); Дьякъ Яфимъ Радивановичъ Дьюрдьевъ [9]).

Прелиминаріи.

1. Русскіе уполномоченные не допускали Поляковъ жить въ Вильнѣ. Поляки оспаривали это, но при нашемъ посредничествѣ согласились жить въ двухъ миляхъ отъ Вильны.

2. Споръ о присягѣ и титулованіи порѣшенъ: Польскому королю дать титулъ „Королевское Величество“, а Рус-

---

[1]) Jan Kazimierz na Krasnym Krasiński wojewoda Płocki, т. е. Плоцкій, а не Полоцкій, какъ замѣтилъ Соловьевъ, кн. II, стр. 1698.

[2]) Krzysztof Zawisza na Baksztach.

[3]) Jan Dowgiałło Zawisza, nominat Biskup Wileński.

[4]) Cyprjan Paweł Brzostowski.

[5]) Stanisław Sarbiewski, starosta Grabowiecki.

[6]) Никита Ивановичъ Одоевскій. У Соловьева (кн. II, стр. 1698, изд. Общ. Пользы) описка: (Иванъ Никитичъ Одоевскій).

[7]) Василій Александровичъ Чоглоковъ, нам. Алаторскій. Въ „Памятникахъ“ не упоминается.

[8]) Герасимъ Семеновичъ Дохтуровъ.

[9]) Ефимъ Юрьевъ.

откажутся отъ требованія десяти мильоновъ рублей, если поляки уступятъ имъ все Литовское воеводство. Эти безстыдныя требованія со стороны руссовъ сдѣлали безплодными и слѣдующія засѣданія. На четвертомъ собраніи они требовали, чтобы за ними былъ оставленъ хоть оккупированный ими край Литовскаго воеводства, и просили, чтобы всѣ присутствующіе, кромѣ меня и польскихъ уполномоченныхъ, вышли на поле. Тогда заявили, какъ бы подъ величайшей тайной, что если желаютъ легко испросить у царя ихъ желаемый миръ, то пусть польскій народъ изберетъ его наслѣдственнымъ королемъ, еще при жизни Казимира; а пока этотъ послѣдній будетъ живъ, царь станетъ называться *протекторомъ Польши и Литвы,* съ обязательствомъ хранить во всей полнотѣ ихъ права и привилегіи, поддерживать и защищать ихъ вѣроисповѣданіе.

Въ разсужденіи объ этомъ вопросѣ безполезно прошли три слѣдующія засѣданія; и поляки постоянно говорили, что объ этомъ странномъ и неумѣстномъ вопросѣ они даже не имѣютъ полномочія уговариваться, а тѣмъ болѣе чѣмъ нибудь рѣшать. Между прочимъ подтверждали это слѣдующими доказательствами: 1. Они должны быть свободны въ избраніи своего короля. 2. При жизни существующаго короля они не могутъ избирать другого. 3. Польскій король долженъ быть католическаго исповѣданія. 4. Никогда за своимъ королемъ не признаютъ права наслѣдства.

На это руссы сказали, что оповѣстятъ объ этомъ царя, чтобы знать его мнѣніе. Такимъ образомъ на это время споръ этотъ былъ устраненъ.

4-го Сентября, въ понедѣльникъ, обсуждаются условія мира. Руссы представили въ качествѣ окончательныхъ условій: Польша уступаетъ русскому царю на вѣчныя времена воеводства: Смоленское, Северинское, Положенское съ верхней Русью[1]), Волынь, Подолію, и новой границей между

[1]) См. выше. Въ текстѣ: s gornjom Rusiom. Вмѣсто gornjom могло быть *crnom.*

избраніи царя на польскій престолъ, но пришли въ качествѣ посредниковъ при заключеніи мира между Россіей и Польшей, и что никогда не будутъ присутствовать въ засѣданіяхъ, гдѣ будетъ подниматься этотъ вопросъ. Эта рѣчь сильно смутила руссовъ и нѣкоторыхъ поляковъ. И этотъ непріятный вопросъ снова былъ отложенъ до полученія инструкціи отъ правительства и польскаго короля. Между тѣмъ русскіе уполномоченные секретно приходили къ нашимъ, упрашивая ихъ, чтобы согласились съ ними, обѣщая имъ крупные подарки. Господинъ Алегретичь въ немногихъ словахъ высказалъ имъ свое мнѣніе, говоря, что не возьметъ цѣлый міръ за отступленіе отъ предписанныхъ ему наказовъ своего императора. Тѣмъ не менѣе на каждой сходкѣ руссы поднимали этотъ вопросъ, какъ самый существенный и какъ единственное условіе при заключеніи мира. И на засѣданіи 24 октября, по этому предмету руссы, на бумагѣ передали полякамъ слѣдующіе пункты:

1. Царь обѣщается охранять римско-католическую вѣру и сохранять въ неприкосновенности привилегіи дворянъ и всѣ ихъ права.

2. Его Выс(очество?) царь останется восточнаго вѣроисповѣданія и по сему ему будетъ невозбранно сооружать, гдѣ ему угодно, въ польскомъ королевствѣ церкви восточнаго обряда.

3. Уніатамъ дозволяется, если пожелаютъ, принять православіе.

4. Православные въ своихъ гражданскихъ и духовныхъ привилегіяхъ уравниваются съ католиками.

5. Царь, если будетъ коронованъ въ качествѣ польскаго короля, возвратитъ польской коронѣ только великое воеводство Литовское, и ничего больше.

6. О предложеніи коронованія самъ царь условится и опредѣлитъ способъ его съ польскими послами въ Москвѣ.

7. Царь никогда не уступитъ Польшѣ ни Украйну, ни Козачество, добровольно отдавшіяся Россіи.

8. Когда миръ будетъ заключенъ, имъ возвратятся плѣнные, пушки, церковные предметы и все, что сохранилось.

10 [1]). Когда царь будетъ коронованъ, какъ польскій король, то Швецію, Ливонію и Царьградъ, пункты, которые царь думаетъ присвоить, уступитъ коронѣ польской. Наконецъ, царь не обязуется всегда жить въ Польшѣ, но гдѣ ему будетъ угодно: то въ Польшѣ, то въ Россіи.

Поляки, соглашавшіеся въ принципѣ избирать царя въ польскіе короли, хотѣли, чтобы прежде рѣшенія этого вопроса, имъ были возвращены всѣ края, отнятые у нихъ руссами.

На это руссы ни подъ какимъ видомъ не склонялись. При упорствѣ съ обѣихъ сторонъ наши, видя, что миръ между ними быть заключенъ не можетъ, на засѣданіи 3-го ноября предложили обѣимъ сторонамъ перемиріе, пока не будетъ польскаго сейма, не опредѣляя времени, когда онъ соберется. Это предложеніе было единогласно принято. Главными пунктами перемирія были слѣдующіе:

1. Такъ какъ никоимъ образомъ нельзя было достигнуть заключенія мира, то посредничествомъ уполномоченныхъ Его Императорскаго Выс(очества?) заключалось перемиріе вполнѣ законнымъ образомъ, съ удовлетвореніемъ и согласіемъ обѣихъ сторонъ.

2. Обѣ стороны вмѣстѣ ударятъ на Шведа и Бранденбуржца (на Пруссію), если онъ не подчинится польской коронѣ, или соединится съ Шведомъ противъ Польши и Россіи.

3. Польское войско можетъ проходить по краямъ, занимаемымъ руссами.

4. Царь отправитъ своихъ уполномоченныхъ на польскій сеймъ, чтобы приняли на себя дѣло о мирѣ.

Два слѣдующіе дня мы провели во взаимныхъ посѣщеніяхъ и обѣдахъ, на которыхъ вмѣстѣ съ поляками рас-

---

[1]) Или описка или пропускъ въ текстѣ 9-го §.

прощались съ руссами. 6-го числа руссы возвратились къ своему царю, а мы въ обществѣ поляковъ рѣшили отправиться въ Варшаву, чтобы посѣтить и переговорить съ ихъ королемъ. 8-го ноября 1656 года съ Божіей помощью мы оставили Вильну.

Сообщилъ *М. Петровскій.*

LVI.

20-го Генваря, 1834. Петровскъ.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Что̀ касается до насъ, друзья мои, мы ужасно съ братомъ твоимъ хвораемъ. Бѣдный Алексѣй Петровичъ нѣсколько дней сряду сильно измученъ былъ нервическими припадками, и не успѣло отдать ему немного, я начала страдать болью въ боку и въ груди и вотъ двѣ ночи провела безъ сна, даже лежать не могла отъ боли, и мужъ мой, ухаживая за мною, тоже не могъ отдохнуть. Мы такъ оба перемѣнились, что ты бы, увидя насъ, едвали-бы узналъ, особливо, твоего брата. Онъ такъ слабъ, что бываютъ дни, въ которые онъ не только ничѣмъ не можетъ заняться, но говорить не можетъ.—Вообрази, какое у насъ электричество въ воздухѣ. К-ня Волконская пришла ко мнѣ на дняхъ. Я хотѣла помочь ей снять съ себя шубу и шляпку и лишь только дотронулась, такой сильный получила ударъ въ руку, что вскрикнула, а если я сдѣлаю нѣсколько шаговъ, идучи по хозяйству, то совершенно двигаться не могу: такъ стѣснитъ грудь.—Теперь у насъ нѣтъ такихъ сильныхъ морозовъ, слѣдовательно, и такой сильной сухости въ воздухѣ не будетъ. Можетъ, это дастъ намъ нѣсколько отдохнуть отъ разныхъ страданій.—Отъ Аврамова писемъ не имѣю. Не получаешь-ли ты, другъ мой, Семенъ Петровичъ? Извѣсти, что̀ знаешь о немъ! А если я получу о немъ извѣстіе, то сообщу тебѣ. Изъ письма, которое получитъ сестра Идалія, ты увидишь всѣ подробности о нашемъ бытьѣ. Теперь-же намъ ожидать еще худшаго: все дорожаетъ, жить очень трудно и помочь себѣ нѣтъ возможности, слѣдовательно, покориться необходимости и терпѣть, пока силы еще позволяютъ.... М. Юшневская....

LVII.

2-го февраля, 1834. Петровскъ.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Я дала себѣ слово писать и каждыя двѣ недѣли аккуратно посылаю тебѣ извѣщеніе о твоемъ почтенномъ братѣ. Онъ очень нездоровъ всѣ эти дни, ни дня, ни ночи не имѣетъ отъ нервической боли, похудѣлъ еще болѣе прежняго и такъ слабъ, что насилу на ногахъ держится. Фердинандъ Богдановичъ увѣряетъ, что пока у насъ сильные морозы пройдутъ, то ему сдѣлается лучше. Я тоже страдаю болью въ боку и въ груди, но моя болѣзнь меня не безпокоитъ, а сильно тревожатъ меня страданія твоего брата.... Пришли, пожалуйста, брату на сей годъ календарь: кто ходитъ на работу, тому интересно искать въ календарѣ праздниковъ; а мнѣ необходимо еще имѣть календарь, чтобы исправно знать числа. Кто такъ часто пишетъ, какъ я, не должна бы чиселъ забывать, но память у меня стала предурная.—Прощай, другъ мой! Боданушка (?) [1]) сейчасъ пришелъ и мѣшаетъ мнѣ писать. Онъ велитъ тебѣ дружески отъ него поклониться. Какъ-бы ты расхохотался, увидя его, какъ онъ сталъ лысъ. И въ отчаяніи бѣдный, что полысѣлъ! Но не устарѣлъ очень и все такой-же, какъ былъ, чопорный.—Братъ твой его очень любитъ, и Боданушка къ намъ ни мало не перемѣнился, все столько-же, а можетъ, еще и больше теперь къ намъ привязанъ. Votre amie et soeur, Marie Juchniewsky.

LVIII.

Мой другъ, Семенъ Петровичъ! Я пропустила одну почту писать къ тебѣ. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина уѣхала на поселеніе. Мнѣ было грустно съ нею проститься, и кромѣ того я немного была озабочена окончаніемъ моей работы.... У насъ слухи носятся, что у васъ плохо на счетъ

[1]) М. б., Богданушка, т. е. Вольфъ, но почему сокращено изъ отчества?

хлѣба. Скажу тебѣ, мой другъ, что у насъ средствъ нѣтъ описать, такъ дурно. Теперь ржаная мука по 3 рубля пудъ; пшеничная по 4½ рубля пудъ. Что будетъ весною? У насъ же до сентября мѣсяца новаго хлѣба не будетъ. Въ августѣ только начинаютъ жатву. Пудъ простой грешневой крупы 5 рублей; говядина, мыло и проч. приступу нѣтъ.—Я просто не понимаю, какъ мы съ братомъ твоимъ существуемъ. Но Богъ милостивъ.—Всѣ твои знакомые здоровы, кланяются тебѣ, въ особенности, Вольфъ. Вчерась онъ былъ у меня и поручилъ сказать тебѣ, что дружбу къ тебѣ всегда сохранитъ неизмѣнно.—Ко мнѣ пришелъ гость, и я покидаю перо до будущей почты. Гость мой—Иванъ Семеновичъ Швейковскій, старикъ добрый, почтенный, и въ такихъ-же тяжкихъ обстоятельствахъ, какъ и я съ твоимъ братомъ. Мы и горюемъ вмѣстѣ.... Marie Juchniewsky.

Le 2 Mars, 1834. Петровскій заводъ.

LIX.

23-го Марта, 1834. Петровскій заводъ.

Наконецъ, получила я письмо, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, отъ Павла Васильевича. Онъ сообщаетъ намъ, что получилъ процентныя деньги за прошлый годъ и что дѣлаетъ тебѣ отсрочку на уплату суммы, должной ему.—Онъ доволенъ своимъ поселеніемъ. Родные часто о немъ пишутъ и заботятся о немъ. Онъ хочетъ заняться хлѣбопашествомъ и старается по немногу разводить свое хозяйство. Фаленбергъ часто ко мнѣ пишетъ. Онъ также доволенъ своимъ положеніемъ, и хотя живетъ въ недостаткѣ, но климатъ хорошій и все дешево. Братъ его и невѣстка пишутъ ему, и онъ, при ограниченныхъ своихъ желаніяхъ, довольно счастливъ.—У насъ ничто не измѣняется. Дорогъ хлѣбъ и еще того будетъ дороже къ веснѣ. Жители Петровскіе очень жалуются на недостатки, и видно, что нуждаются въ хлѣбѣ. По три рубля съ четвертью пудъ муки ржаной продается теперь, а

есть мѣста, гдѣ по шести рублей пудъ—и того дороже. Скотъ въ окружности Петровскаго по большей части кормятъ тальникомъ (по вашему, вербою). Много истребили скота, потому что кормить нечѣмъ. Плохо, весьма плохо, другъ мой Семенъ Петровичъ, а пособить нельзя! . . . . . Marie Juchniewsky.

LX.

19-го Октября, 1834 года. Петровскій заводъ.

Наконецъ, 30-го прошедшаго Сентября получили мы письмо твое, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Оно безъ числа, но по содержанію видимъ, что писано изъ Балты, когда ты находился тамъ для пріема рекрутъ изъ однодворцевъ . . .

. . . . . .

Что до насъ касается, то мы оба годъ отъ году болѣе привыкаемъ къ здѣшнему климату, и отъ того здоровье наше становится способнѣе къ перенесенію здѣшнихъ суровыхъ зимъ. За то вещественные наши недостатки возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, и мы сами не понимаемъ, какъ мы существуемъ. Ты знаешь, что наша деревушка даетъ намъ въ годъ 1500, а въ текущемъ году еще меньше. Безъ пособія товарищей мы часто были-бы въ строгомъ смыслѣ безъ хлѣба. Но и объ этомъ довольно. Жалобы—признакъ малодушія, а насъ въ этомъ упрекнуть нельзя.... Вольфъ тебя дружески обнимаетъ. Онъ очень благодаритъ тебя, что ты его помнишь. Когда выйдетъ срокъ ему, и онъ уѣдетъ на поселеніе, то будетъ писать къ тебѣ: еще остается полтора года до срока. Павелъ Васильевичъ не пишетъ, забылъ насъ совсѣмъ, а къ тебѣ, вѣроятно, пишетъ, и ты болѣе о немъ знаешь, чѣмъ мы . . . . . .

. . . . . .

. . . . на всегда остаюсь лучшій твой другъ и сестра Марья Юшневская.

LXI.

. . . . . .

. . . . . .

Братъ твой здоровъ довольно, все по старому, всегда занятъ то чтеніемъ, то музыкою, всегда добръ, по возможности, довольно въ хорошемъ расположеніи духа, кротокъ, терпѣливъ къ своему положенію, всѣми любимъ и уважаемъ какъ всегда.... Сестра и другъ вашъ Марья Юшневская.

14-го Декабря, 1834 Петровскій заводъ.

LXII.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!.. Получили мы горестное извѣстіе о случившемся у тебя пожарѣ. Сколь ни прискорбно оно было для насъ, по участію, какое мы въ тебѣ принимаемъ, но мы, по крайней мѣрѣ, находимъ облегченіе въ прискорбіи нашемъ, видя, съ какою твердостью ты переносишь неблагопріятства судьбы. Мы знаемъ по собственному опыту, что съ этимъ качествомъ можно переносить невѣроятно многое....—Вольфъ душевно тебя обнимаетъ и благодаритъ за память. Забавны жалобы его родственниковъ на его молчаніе. Не говорю уже о томъ, что несправедливо обвинять въ этомъ человѣка, лишеннаго права писать, но они сами совершенно его забыли и никогда къ нему не пишутъ.—Онъ знаетъ Phisiologie de Richerand (?), но совѣтуетъ тебѣ лучше прочитать физіологію знаменитаго Маженди, которая позднѣе его и уже переведена на русскій. Братъ однажды началъ было ее читать, но нашелъ, что безъ анатомическихъ таблицъ или рисунковъ это чтеніе безполезно. Теперь вышелъ въ Парижѣ „Traité complet de l'Anatomie de l'homme“ par le docteur Baurgery avec les planches litographiées d'aprés nature par N. H. Jacob. По словамъ„ Journal de debats“, это лучшее произведеніе по сей части.... Я писала дѣтямъ, чтобы познакомились съ А. З. Муравьевыми (?). Они

стояли квартирами въ Балтѣ. Но прежде, чѣмъ письмо мое дойдетъ до Синюшки, ихъ уже не будетъ тамъ. Съ сею же почтою пишу я имъ въ Тверь по порученію ихъ брата, который находится здѣсь въ заточеніи, какъ и твой братъ. Жаль, если и тебѣ не случилось познакомиться съ сими добрыми людьми.... У Ивашевой родилась дочь, Машенька, 7-го Генваря. О сю пору здоровы и маменька и дочь. Ивашевъ тебя благодаритъ, что ты его вспомнилъ, дружески тебя обнимаетъ. Крюковъ очень былъ доволенъ, что ты его вспомнилъ, замѣтилъ, однако же, что это въ первый разъ, поручилъ сказать тебѣ отъ него дружеское привѣтствіе. Николая я рѣже видаю: онъ хлопочетъ ужасно надъ чтеніемъ и музыкою. Что за добрый человѣкъ. Всѣ прочіе твои знакомые тебѣ кланяются, даже и Поджіо.... Ты, вѣроятно, его помнишь. Мы здѣсь его очень часто видаемъ, и онъ снабжаетъ каждый разъ твоего брата табакомъ, какъ только получитъ. Но ему посылаютъ гораздо слабѣе того, какъ братъ твой привыкъ курить.... Другъ вашъ и сестра Марья Юшневская.

15-го Февраля, 1835 года. Петровское.

LXIII.

15-го Марта, 1835 года, Петровское.

Наконецъ, пришла твоя очередь, любезный другъ Семенъ Петровичъ, упрекать насъ въ молчаніи, Правда, что съ нѣкотораго времени я стала писать рѣже, сперва по той простой причинѣ, что число писемъ, которыя пишу къ родственникамъ нашихъ соузниковъ, значительно увеличилось, а на послѣдокъ и потому, что самъ ты писалъ необыкновенно рѣдко, въ чемъ можешь увѣриться, если подобно мнѣ ведешь счетъ отправляемымъ письмамъ . . . . . Благодаримъ обоихъ васъ, любезные друзья, за поздравленіе съ новымъ годомъ, а тебя, Семенъ Петровичъ, съ прошедшедшимъ днемъ твоего рожденія и имянинъ. Тебѣ пошелъ 35-й, а братъ 12-го текущаго мѣсяца вступилъ въ 50-й годъ.

Онъ такъ устарѣлъ (sic), что едва-ли узналъ-бы ты его, если бы встрѣтилъ нечаянно, а похудѣлъ до того, что Вольфъ считается противъ него толстякомъ . . . . . Я передала всѣ поклоны, содержащіеся въ твоемъ письмѣ. Всѣ благодарятъ тебя за память. Всѣ очень тебя помнятъ и желаютъ тебѣ всякаго добра. Сергѣй Григорьевичъ, Марья Николаевна и оба Ивашева, въ особенности, поручаютъ тебѣ кланяться. Вольфъ дружески тебя обнимаетъ. Онъ ужасно обрадовался, что ты снова началъ къ намъ писать, а посему Фердинандъ Богдановичъ знаетъ о твоемъ житьѣ бытьѣ. Онъ всегда и неизмѣнно желаетъ тебѣ счастія. Павелъ Васильевичъ очень хвалится твоею аккуратностью въ высылкѣ ему процентовъ. Онъ чрезвычайно скучаетъ въ своемъ поселеніи, хозяйства не заводитъ и потому не имѣетъ никакихъ занятій, которыя бы могли разсѣять его грусть. Недавно выслали ему отсюда книгъ: это его развлечетъ на нѣсколько времени. Петръ Ивановичъ выстроилъ мельницу, и ихъ три хозяева (sic), участвовавшихъ въ издержкахъ. Петръ Ивановичъ Фаленбергъ не можетъ получать пособія отъ своего брата, слѣдовательно, одно и единственное средство къ его пропитанію есть часть дохода съ мельницы, которая, впрочемъ, на его одну долю въ годъ даетъ ему дохода 500 рублей. Онъ насъ не забываетъ и подробно извѣщаетъ насъ о своемъ хозяйствѣ и своихъ занятіяхъ. Александръ Ивановичъ Вегелинъ также пишетъ къ намъ. Онъ засѣялъ десятинъ 15 разнаго хлѣба и завелъ немного рогатаго скота. Надѣется, что вскорѣ не будетъ имѣть надобности прибѣгать къ помощи и пособію родныхъ своихъ.... Votre soeur et amie, Marie Juschniewski.

LXIV.

29 Марта, 1835. Петровское.

Въ прошедшемъ моемъ письмѣ отъ 15 текущаго мѣсяца забыла я сказать тебѣ, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, о полученіи Бердичевскаго календаря и благодарить тебя за

его присылку. Десятый годъ, какъ братъ твой не видалъ его и ожидалъ найти въ немъ какія либо дополненія, измѣненія и улучшенія, подобныя тѣмъ, какія содержитъ календарь Россійскій, но, къ удивленію, нашелъ еще нѣкоторыя убавки противъ прежнихъ лѣтъ. Кто-то сказалъ о словарѣ Боаста (?), что когда-бы языкъ французскій совершенно истребился въ памяти народовъ, то одинъ этотъ словарь, если-бы онъ одинъ какъ-нибудь уцѣлѣлъ, передалъ-бы понятіе о языкѣ и о степени просвѣщенія того народа, который имъ говорилъ. Что же бы заключили о Бердичевскомъ календарѣ, если-бы какимъ-нибудь естественнымъ переворотомъ земного шара изгладились съ лица его всѣ памятники новѣйшихъ успѣховъ человѣческаго ума? Конечно, отнесли-бы насъ, по меньшей мѣрѣ, къ среднимъ вѣкамъ, къ эпохѣ астрологіи. Но довольно объ этомъ. Недавно попала брату книга: „Введеніе въ новую философію“, сочиненіе священника Сидонскаго, изданная въ 1833 году. Онъ искренно порадовался, что у насъ есть свой Cousin, а можетъ быть, еще и почище, потому что самородный и, кажется, независимый отъ своихъ предшественниковъ. Его нельзя отнести ни къ какой школѣ. это не эклектизмъ и не германская философія, это нѣчто свое, самобытное, очищенное отъ пустыхъ отвлеченностей и доступное всякому уму. Братъ совѣтуетъ тебѣ выписать эту книгу. Она въ одномъ, небольшомъ томѣ и, вѣроятно, находится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ лавкахъ, а когда ты вдоволь начитаешься, онъ проситъ прислать ему.... Братъ обоихъ (васъ) обнимаетъ, равно какъ и своего милаго племянника. Съ началомъ весны мы оба поправляемся въ здоровьѣ. Желаемъ всѣмъ вамъ какъ наилучшаго (sic). Простите, друзья мои. Обнимаю всѣхъ васъ отъ искренняго сердца. Вашъ вѣрный другъ, М. Юшневская.

.... Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Вольфъ тебя обнимаетъ, равно и Ивашевъ, Басаргинъ, Крюковы и Поджіо. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и Марья Николаевна кланяются тебѣ. Многіе даже незнакомые тебѣ поручаютъ поклониться отъ нихъ. Всѣ рады, что ты насъ опять вспомнилъ

и пишешь.—Продолжай, добрый братъ, утѣшать насъ извѣстіями о себѣ и твоихъ. Мы васъ всѣхъ отъ души любимъ. Je vous embrasse tendrement, ma chère soeur Idalie, ainsi que votre cher Lolo.

LXV.

19-е Апрѣля, 1835 года, Петровское.

... Братъ твой въ эту минуту въ казематѣ: навѣщаетъ больныхъ. Басаргинъ занемогъ и лежитъ: у него лихорадка, а кромѣ того припадки грудной боли. Швейковскій тоже боленъ. Бѣдный старикъ! У него тоже болѣзнь, отъ которой умеръ Сабанѣевъ. Прочіе наши жители каземата почти всѣ довольно здоровы, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ хорошей погоды, чтобы выйти на воздухъ и освѣжиться прогулкою на небольшомъ дворѣ нашего каземата.... Votre soeur et amie M. Juschniewski.

LXVI.

Узнавши изъ газетъ, что ты, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, спѣшу поздравить тебя отъ себя и отъ брата съ такою Монаршею милостію. Принимая сердечное участіе во всемъ, что̀ клонится къ твоему благу, мы искренно обрадованы были этимъ вниманіемъ къ твоей службѣ . . . . . Письма ваши доходятъ до насъ въ два мѣсяца и 8 дней. Предпослѣднее письмо моей Сонюшки получила я черезъ три мѣсяца и нѣсколько дней. Не понимаю, гдѣ оно такъ долго залежалось.—Пишите намъ чаще, друзья мои, Семенушка и Идалія! Помните, что единственная наша отрада, одно облегченіе нашей тяжелой участи, письма ваши. Не скупитесь утѣшать друзей вашихъ, въ заточеніи живущихъ. Вѣдь, и для васъ должно быть пріятно утѣшить насъ: вы—

люди добрые.... Отъ души любящая тебя, сестра и другъ, Марья Юшневская.

3-го Мая, 1835 года, Петровское.

LXVII.

12-го Іюля, 1835, Петровскій заводъ.

Благодаримъ тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 13-го Марта. Оно дошло сюда 23-го Іюня, т. е., съ лишкомъ мѣсяцемъ позже того, какъ обыкновенно получаемъ отъ васъ письма.... Подобно тебѣ и братъ также занимается чтеніемъ и музыкой. Все его время раздѣлено между этими двумя упражненіями. Благодаря просвѣщенному Правительству, мы читаемъ все, что доставляютъ родственники нашихъ соузниковъ. Такимъ образомъ, мы не лишены возможности слѣдовать за успѣхами наукъ, которыхъ бо́льшая часть имѣетъ между нами своихъ представителей. Чтеніе наше на многихъ языкахъ очень разнообразно, и насъ нелегко озадачить новостію въ области наукъ и словесности, а въ нынѣшнемъ вѣкѣ это не бездѣлица, ибо какъ сказалъ, помнится, Кондорсетъ (sic): „dans le siècle dernier il suffirait de quelques années d'étude pour savoir tout ce qu'Archimède et Hipparque ont pu connaître; aujourd'hui deux années de l'enseignement d'un professeur valent au délà de ce que savait Leibnitz ou Newton..." Что-жъ бы сказалъ онъ теперь, увидѣвъ числительную машину Бебежа, которая составляетъ астрономическія таблицы и дѣлаетъ выкладки высшей математики съ быстротой, за которою едва можетъ слѣдовать рука переписчика. Противъ этого усовершенствованіе Уцшнейдеромъ телескопа, сокращающаго для насъ ближайшее разстояніе луны въ 68 географическихъ миль, должно занять второстепенное мѣсто.—Говоря объ успѣхахъ просвѣщенія, братъ считаетъ полезнымъ упомянуть о новѣйшей методѣ обученія Жакото́, которая преимущественно принята въ Бельгіи. Подробнаго изложенія оной мы еще здѣсь не имѣемъ, а

есть только очень краткое, подъ заглавіемъ: „Метода всеобщаго обученія Жакотó 1834“, и другое „Руководство къ умственнымъ упражненіямъ, изданное профессоромъ Гугелемъ“. Братъ очень совѣтуетъ тебѣ выписать эти двѣ книжечки. Прежде, нежели эту методу придетъ время приложить къ обученію твоего Алеши, надобно, чтобы ты самъ ею проникнулся, ея пользою, если только тебѣ прежде насъ не сдѣлалась извѣстна. Мѣсто не позволяетъ тебѣ дать понятіе объ этой методѣ.—Музыкою братъ также занимается, какъ и прежде, но его фортепьянъ отказывается служить, да и новыхъ нотъ нѣтъ, а ты знаешь, что онъ любитъ не затверживать, а читать музыкальныя сочиненія, какъ книги. Впрочемъ, иногда попадаются ему новѣйшія сочиненія, присылаемыя другимъ, а имена всѣхъ знаменитостей новѣйшей музыкальной литературы и ихъ произведенія извѣстны ему изъ каталоговъ, которые онъ перечитываетъ, какъ табачникъ нюхаетъ пустую табакерку, или, какъ поклонники Бахуса полощутъ бочки. Кстати о фортепіанѣ, братъ имѣетъ къ тебѣ просьбу, по порученію одного изъ своихъ сотоварищей. Удовлетворить ее можно, списавшись съ Шафнагелемъ, которому это ничего не будетъ стоить. Онъ, вѣроятно, выписываетъ многіе предметы изъ Парижа, а стало быть, можетъ узнать, чего будетъ стоить на мѣстѣ лучшій фортепьянъ знаменитыхъ тамошнихъ мастеровъ, Эрарда и Папа (Pierre Erard ainsi que M-r Pape, tous les deux premiers facteurs de pianos à Paris). Нужно знать, чего стоитъ особо Royal и особо un piano carré d'Erard; также особо Royal и особо un piano carré de M-r Pape. Послѣдній за усовершенствованіе этого инструмента получилъ орденъ почетнаго легіона. А мы все еще восхищаемся работою Тимнера и Гердау или работой Вѣнскихъ мастеровъ. Мѣсто не позволяетъ описать тебѣ всѣхъ усовершенствованій въ этомъ инструментѣ, за которыми братъ тщательно слѣдуетъ. Въ Journal des connaissances utiles сказано, что вообще механизмъ и продолженіе звука въ фортепьянахъ доведены до такого улучшенія, что фортепьяны, сдѣланные послѣ 1830 года, увозятъ уже въ

провинціи, ибо въ столицѣ нѣтъ имъ мѣста. Машелесъ послѣдній свой концертъ въ Лондонѣ не на Бродвудовомъ, а на Эрардовомъ флигелѣ. C'est tout dire. Пришлось бы написать цѣлую тетрадь, если бы передать тебѣ улучшенія или, лучше сказать, преобразованія этого инструмента. Такъ, напримѣръ, молотки у Рара падаютъ на струны сверху, а потому резонансъ весь сплошной безъ прорѣза для прохода молотковъ: это усиливаетъ продолженіе звука.—Затѣмъ, прости, любезный другъ.... Я не говорю тебѣ, любезный другъ, о нашемъ положеніи ничего. Оно такъ худо, и въ такой мы крайности находимся, что еслибы не наши добрые товарищи, то мы-бы въ строгомъ смыслѣ не имѣли хлѣба. Всѣ знакомые тебѣ кланяются, въ особенности Вольфъ. Когда это письмо дойдетъ до тебя, то останется Вольфу мѣсяцевъ восемь оставаться до срока его поселенія съ нами. Куда-то броситъ его судьба? Дай Богъ, чтобы ему было лучше, чѣмъ здѣсь. Впрочемъ одно одиночество въ какой либо глуши достаточно сдѣлать человѣка совершенно несчастливымъ.—Прощай.

LXVIII.

Письмо твое отъ 17 іюня съ номеромъ 1-мъ дошло до насъ 25 августа, милый и любезный другъ нашъ, Семенъ Петровичъ.... Братъ твой очень одобряетъ намѣреніе твое продолжать службу. Человѣкъ образованный и благонамѣренный хоть имѣетъ множество иныхъ средствъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ, но служба представляетъ къ тому еще болѣе способовъ. Занимаемое тобою нынѣ мѣсто, конечно, служитъ лестнымъ доказательствомъ довѣренности обывателей, но въ настоящемъ положеніи собственныхъ твоихъ дѣлъ годъ отъ году болѣе разстраиваетъ тебя въ финансовомъ отношеніи и очень медленно подвигаетъ впередъ. И такъ отъ всей души желаемъ тебѣ успѣха въ новомъ твоемъ предпріятіи.... На попеченіи зятя наши

дѣла, отъ которыхъ зависитъ все наше пропитаніе. Кромѣ того, что въ продолженіе полутора года мы получили всего полторы тысячи рублей, изъ которыхъ должны были пропитать и одѣвать себя, деревушка наша должна ежегодно уплачивать болѣе трехъ тысячъ банковаго долга, а мы по сіе время не имѣемъ извѣстія отъ Рейхеля, какимъ образомъ обезпечена имъ уплата этого долга на текущій годъ. Знаемъ только изъ давняго его письма, что въ Кіевѣ на контрактахъ онъ не былъ, а годовой срокъ поселенія въ Мартѣ текущаго года кончился, между тѣмъ какъ ни къ продажѣ этого имѣнія, ни къ отдачѣ онаго въ новую поссессію не было сдѣлано никакого распоряженія. Я не хочу уже говорить о томъ, въ какое положеніе поставляетъ это насъ самихъ, такъ какъ тебѣ совершенно извѣстно, имѣемъли мы что-либо кромѣ скуднаго дохода съ Тимашевки. Я уже и то слишкомъ распространилась объ этомъ, но у голоднаго хлѣбъ на умѣ...—Сестра ваша Марья Юшневская.

30-го Августа, 1835 года, Петровское.

Отнынѣ не на имя Ивана Богдановича Цейдлера посылайте письма, а на имя Генералъ-Губернатора Восточной Сибири, Семена Богдановича Броневскаго.

LXVIII.

16-го Августа, 1835 г., Петровское.

La poste passée (4 Août) nous a apporté ta lettre, notre cher et bon ami, Семенъ Петровичъ, datée du 24 Mai, conjointement avec les 12 livres de tabac.... Tu nous as beaucoup obligé en nous donnant de leurs nouvelles, car il y a plus de trois mois que nous n'avons point de leurs lettres, ce qui nous donnait des inquiétudes sur leur compte, sans parler du dénuement complet où nous sommes réduits, n'ayant pas reçu jusqu'à ce moment notre pauvre revenu de Тимашевка, qui nous parvenait

regulierement au mois d'Avril de chaque année. Il serait trop long et très triste de te parler de la position affreuse ou nous nous trouvons. Au surplus comme elle n'est que la suite necessaire des causes antecedentes, il faut s'y resigner sans plainte ni murmure. Qu'il te suffise de savoir que depuis bien longtemps nous ne subsistons que par les secours de nos coexilés.— Nous étions emus en lisant les détails que tu nous a donnés sur la fin du venerable Адамъ Адамовичъ. Voila un philosophe pratique. Sa vie a tousjours été d'accord avec les preceptes qu'il annonçait. S'il eut lu de l'instruction et moins d'apreté dans le caractère, ce serait un Franclin . . . . . .

. . . . . .

Toutes les connaissances d'ici te remercient pour ton souvenir et te font dire mille choses de leur part, particulierement Wolff. A propos de ce que tu dis de Richerand, il pourraiot te recommander plusieurs ouvrages en Phisiologie, mais comme à ton avois, qui est aussi le mien, l'étude même supperficielle de cette science exige plus de temps que n'en peut sacrifier celui qui ne s'en occupe pas exclusivement, il est plus profitable de suivre la première vocation et de cultiver les connaissances qui se rapportent plus directement à la carrière que l'on est appelé à parcourir.... Ne vous en prenez pas à nous, nos chers et bons amis, que mes lettres ne soient pas aussi volumineuses que les vôtres. D'abord notre existence monotone n'est marquée par aucun fait qui vaille d'être cité et tous nos jours se ressemblent au point qu'à peine, si nous pouvons distinguer les dates. En second lieu je suis chargée de la correspondance des plusieurs de nos camarades. En y ajoutant les soins que je dois donner au ménage, il me reste bien peu de loisir. Ceci a cependant son bon coté en ce qu'il me laisse peu de temps pour arrêter mes pensées sur ma propre position.... Меня просили, другъ мой, Семенъ Петровичъ, чтобы выписать сѣмена кукурузы. Пожалуйста, пришли мѣшечекъ хорошей, спѣлой, кукурузы: Трубецкой хочетъ попробовать и на теплой грядѣ вырастить. Ты можешь сѣмена эти доставить въ Москву. Владиміръ вручитъ оныя Катеринѣ Ѳеодоровнѣ Муравьевой, а она со

своею посылкою отправитъ сюда. Исполни сію мою просьбу непремѣнно....

LXX.

10-го Генваря, 1836. Петровскій заводъ.

22-го прошедшаго Декабря получили мы письмо твое, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, отъ 25 Октября. Я замедлила отвѣчать тебѣ сперва отъ множества другихъ писемъ, которыя въ то время скопились, а потомъ отъ болѣзни, которая похожа была на горячку, и отъ которой до сихъ поръ не могу оправиться. Здѣсь такъ-же, какъ и у васъ, существовала какая-то повальная болѣзнь, которая болѣе или менѣе посѣтила почти всѣхъ. Братъ приписываетъ это вліянію Гилеевой кометы, которая хотя теперь очень отъ насъ удалена, но въ приближеніи своемъ къ намъ могла измѣнить свойство нашей атмосферы, а для такой букашки, какъ человѣкъ, достаточно нѣсколькихъ постороннихъ атомовъ, чтобы произвести разстройство въ цѣломъ его организмѣ. Едвали не тому-же вліянію приписать должно необыкновенно теплую зиму, какая у насъ продолжается. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей морозы здѣсь въ это время года бываютъ далѣе замерзанія ртути. Нынѣшнею-же зимою не только этого еще не было, но, напротивъ, была долговременная оттепель.—Мы радуемся, что ты, наконецъ, отдохнешь отъ хлопотливой твоей должности. Та-же, которой ты вновь ожидаешь, вѣроятно, будетъ несравненно легче....—Изложеніе методы Жакото и сочиненіе Гугеля о томъ-же предметѣ, о которомъ ты спрашиваешь, издано на русскомъ (языкѣ) именно подъ тѣми заглавіями, которыя означила я въ прежнемъ моемъ письмѣ, продается-же въ обѣихъ столицахъ....—

Письмо мое получишь ты вскорѣ послѣ твоего рожденія и имянинъ, съ которыми оба отъ души тебя поздравляемъ. Вслѣдъ затѣмъ и мужу моему исполнится 50 лѣтъ....—Всегда душевно любящая тебя сестра и другъ Марья Юшневская.

LXXI.

12-го Іюня, 1836. Петровскій заводъ.

Благодаримъ тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 24-го Марта. Я замедлила отвѣчать тебѣ оттого, что мы разставались съ нашими товарищами, которыхъ начали отправлять на поселеніе 7-го числа текущаго мѣсяца....—Желаемъ отъ всей души счастья новорожденной. Брату твоему пришли въ эту минуту на память стихи, которые, помнится, какой-то лордъ написалъ своему сыну:

„Quand vos yeux en naissant, s'ouvraient à la lumière,
Chacun vous souriait, mon fils, et vous pleuriez.
Vivez si bien, qu'un jour, à votre dernière heure,
Chacun verse des pleures, et qu'on vous voie sourire".

Тутъ, кажется, заключается все, о чемъ человѣкъ долженъ хлопотать.—Теперь нѣсколько словъ о нашихъ поселенцахъ. Тебѣ, конечно, любопытно знать о тѣхъ изъ отъѣзжающихъ, которые тебѣ знакомы: Ивашевъ, Вольфъ, Басаргинъ и оба Крюковы. Мѣста ихъ поселенія, вѣроятно будутъ современемъ извѣстны, теперь же они отправлены въ Иркутскъ, откуда послѣдуетъ уже окончательное ихъ водвореніе. Ты можешь себѣ представить, какъ грустно разставаться, можетъ быть, на вѣкъ съ давними пріятелями, съ которыми притомъ безъ малаго 11 лѣтъ раздѣляли одинъ жребій. Теперь остается насъ здѣсь менѣе 30. Что касается, собственно, до насъ, то при всей мрачности нашего здѣсь положенія, мы благословляемъ судьбу, что не наша еще очередь ѣхать на поселеніе: едва существуя на мѣстѣ и то пособіемъ добрыхъ товарищей, мы не имѣли-бы никакихъ средствъ тронуться отсюда. Три года остается еще намъ пробыть здѣсь. Одна надежда, что впродолженіе этого времени денежныя наши обстоятельства поправятся стараніемъ людей, которые взялись хлопотать о нашихъ дѣлахъ въ Кіевской губерніи. Но объ этомъ довольно....—Теперешнее

наше письмо кратко оттого, что отправленіе нашихъ товарищей еще продолжается, и я имѣю мало свободнаго времени. Въ слѣдующемъ письмѣ надѣюсь имѣть возможность увѣдомить тебя о томъ, какъ и гдѣ будутъ поселены покидающіе насъ соузники. Всѣ знакомые тебѣ изъ нихъ очень тебѣ кланяются....—М. Юшневская.

Любезный братъ, Семенъ Петровичъ! Я вскорѣ буду тебѣ писать: завтра ѣдутъ Ивашевы, и мы стараемся, сколь возможно, быть болѣе вмѣстѣ. Очень намъ грустно будетъ проститься съ ними; они намъ какъ родные.

LXXII.

19-го Іюня, 1836. Петровскій заводъ.

Мой другъ и братъ, Семенъ Петровичъ. Письмо къ тебѣ было написано съ прошлою почтою, но какъ наши господа уѣзжали на поселеніе, то я и не успѣла отправить его. Вчерась послѣдній изъ старыхъ нашихъ знакомыхъ уѣхалъ, Фердинандъ Богдановичъ. Онъ поручилъ мнѣ отъ него тебѣ поклониться. Уѣхали наши Ивашевы! И доѣхавъ до первой деревни, она сильно было расхворалась головною болью, много еще плакала дорогой и всю ночь, бѣдная, прострадала. На другой день утромъ уѣхали они благополучно въ дальнѣйшій путь. Люди ея, которые проводили ихъ, сообщили мнѣ все это. Басаргинъ поѣхалъ съ ними и кажется, съ ними-же и поселенъ. Онъ тебѣ много кланяется, равно и нашъ добрый Василій Петровичъ. Машинька ихъ здорова и дорогой не скучаетъ. Дай Богъ имъ здоровье и счастье. Крюковы уѣхали. Тоже тебѣ кланяются. Грустно, мой другъ, было проститься съ ними. Не шутка быть знакомымъ 18 лѣтъ. Жили вмѣстѣ и въ счастіи, и въ несчастіи страдали вмѣстѣ. Братъ твой былъ очень растроганъ, прощаясь со всѣми, но съ Ивашевымъ онъ плакалъ, какъ ребенокъ.—Не стану говорить тебѣ о себѣ. Ты знаешь, что я была всегда плаксою, здѣсь-же и самые крѣпкіе люди не

устояли бы, видя насъ разстававшихся съ людьми, съ которыми страданія сблизили и сроднили насъ.—Марья Николаевна еще съ нами и, можетъ быть, уѣдетъ не ранѣе зимы. Потомъ останется насъ только три, и насъ уже не будетъ никто провожать, ибо мы послѣдніе уѣдемъ всѣ вмѣстѣ. Богъ знаетъ, доживемъ ли мы еще до нашего поселенія: три года осталось еще. Какъ бы то ни было, высидѣвъ 10 лѣтъ въ заточеніи, хотѣлось-бы подышать свѣжимъ воздухомъ, а высидѣвъ 13 лѣтъ, еще того нетерпѣливѣе будетъ ожидать свободы....—У насъ несносная погода. Такъ грязь не менѣе Тульчинской, что̀ здѣсь весьма рѣдко бываетъ. Всѣ наши 19 человѣкъ уѣхали въ дождь....—Сестра и другъ, Марья Юшневская.

LXXIII.

25-го Сентября, 1836. Петровскій заводъ.

... Повѣрь, что благодарность наша свыше всего, что могли-бы мы объяснить словами.—Письмо твое содержитъ извѣстіе о старыхъ нашихъ пріятеляхъ, въ томъ числѣ и о Вщерскихъ.... Жаль бѣднаго Дюплеси; съ такою страстью къ музыкѣ, какъ у твоего брата, онъ понимаетъ, чего бы стоило ему лишиться пальца. Одно только можно сказать въ утѣшеніе, что Г-ну Дюплеси также подъ 60,—возрастъ, въ которомъ и безъ того пальцы начинаютъ отказываться: хрящи твердѣютъ. Довольно, если ухо не измѣняетъ и не лишаетъ наслажденія слушать другихъ. Братъ хотя этого еще не чувствуетъ, однакоже жалѣетъ, что не успѣетъ наиграться на хорошемъ инструментѣ, пока и уши, и руки еще послушны. Тотъ, который у него, никуда уже не годится, да и новыхъ нотъ давно нѣтъ. Лишь только позволятъ обстоятельства, онъ намѣренъ выписать фортепьянъ Попа, если только ввозъ ихъ дозволенъ. Онъ не простираетъ уже дальше своихъ желаній, ибо флигель Эрарда стоитъ въ Парижѣ до 5 т. франковъ, а о Бродвудѣ нынѣ и слышать не хотятъ. Брату извѣстны изъ журналовъ всѣ знаменитые піанисты, въ томъ

сказать о себѣ? Такъ сильно страдаю грудною болью, что съ великимъ трудомъ пишу. Фердинандъ Богдановичъ называлъ эту болѣзнь нервическою. Твой братъ тоже часто страдаетъ тѣмъ-же и бываетъ такъ слабъ, что не въ силахъ ходить. Сегодня онъ уснулъ, диктуя мнѣ письма, а вслухъ давно не можетъ читать, ибо такъ ослабнетъ, что я не понимаю, наконецъ, что онъ читаетъ: словъ не договариваетъ и въ полголоса читаетъ....—Другъ и сестра, Марія Юшневская..

LXXV.

Многіе-ли изъ насъ взросли, не претерпѣвъ болѣзней? Теперь въ этомъ отношеніи намъ будетъ еще хуже, ибо Фердинандъ Богдановичъ, хранитель общаго нашего здоровья, не разъ спасшій многихъ изъ насъ отъ смерти, отправится вскорѣ на поселеніе въ числѣ 18 изъ нашихъ товарищей, которые туда-же съ нимъ слѣдуютъ . . . . . .

3-го Апрѣля, 1836. Петровскій заводъ.

LXXVI.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Братъ твой здоровъ, но очень худъ....—Я всегда тебѣ говорила, что моя къ тебѣ дружба безусловная. Доказательствомъ служитъ тебѣ, что никакія непріятности, случавшіяся между нами, и весьма тяжкія даже, не въ силахъ заставить меня потерять къ тебѣ чувство, которымъ сердце мое наполнено съ дѣтства твоего. Братъ твой любитъ тебя такъ и меня научилъ столько-же любить тебя.—Когда Владиміръ съ вами, поклонись ему отъ брата и отъ меня тоже. Изъ письма моего зятя я вижу, что у васъ гоститъ мой братъ Иванъ и Андрей. Удивляюсь, что они ко мнѣ ничего не пишутъ. Если онъ у тебя, любезный братъ, то обними ихъ отъ меня и мужа моего. Ожидаю, что они напишутъ ко мнѣ.—Поцѣлуй ручку за насъ обоихъ у матушки моей, скажи, что я и мужъ мой здоровы.

Благодарю тебя, что ты былъ крестнымъ отцемъ моей внучки. Какъ прабабушкѣ было пріятно быть крестною матерью своей правнучки. Съ сею почтою не имѣя тебѣ больше ничего сказать, какъ только увѣдомить о здоровьѣ твоего брата, кончу письмо мое. Что касается до моего здоровья, я всегда почти здорова. Прощай, любезный братъ, Семенъ Петровичъ. Желаю тебѣ всякаго благополучія и поздравляю тебя заранѣе съ днемъ твоего рожденія и днемъ твоихъ имянинъ. Огорчаюсь душевно, что не успѣла ничего сдѣлать тебѣ моей работы; у насъ теперь еще темнѣе въ нашемъ казематѣ: дверь затворяемъ, потому что изъ коридора холодъ несетъ,—то и невидно работать....—Марія Юшневская.

15-го Ноября, 1836 года, Петровскій заводъ.

. . . .

LXXVII.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! . . . . . Братъ твой по старому живетъ: ни одна его привычка даже не измѣнилась. Въ эту минуту, когда я тебѣ пишу это письмо, онъ играетъ концертъ Машелеса и до сумерекъ просидитъ за фортепьяно, а потомъ возьмется за чтеніе и читаетъ, покуда не ляжетъ спать. У насъ чтенія столько, что не успѣешь всего прочесть, и теперь надо побольше почитать: на поселеніи не будемъ имѣть возможности читать, не имѣя способовъ выписывать себѣ книгъ.—Мои глаза рѣшительно отказываются: я не могу мелкаго ничего шить, читать также, а когда дня два почитаю въ очкахъ, такъ потомъ недѣлю голова кружится, и всѣ предметы рябѣютъ. Меня это очень огорчаетъ. У насъ зима чудесная; санная дорога, говорятъ, славная; дни бываютъ ясные и теплые, т. е., теплые—градусовъ 25 мороза и 20, но въ сравненіи, какъ въ другія зимы бывало, что нѣсколько дней сряду до замерзанія ртути морозъ. Впрочемъ, теперь самое холодное время настаетъ. Въ Крещеніе, вѣрно, такъ-же будетъ холодно, и ртуть замерзнетъ. У васъ не имѣютъ понятія о такихъ морозахъ, и слава Богу,

что вы ихъ не знаете....—У насъ есть нѣкто Николай Алексѣевичъ Пановъ, который тебя въ Москвѣ видывалъ, и однажды ты у него былъ: не помню, куда-то вы съ нимъ вмѣстѣ ѣздили. Онъ не большого роста, бѣлокурый. Можетъ, ты его вспомнишь. Ему только 36 лѣтъ теперь, а весь сѣдой. Такъ странно видѣть человѣка молодаго лицемъ, а голова, какъ у 75 лѣтняго старика. Впрочемъ, у насъ нѣтъ ни одного человѣка безъ сѣдыхъ волосъ.... Другъ вашъ, Марія Юшневская.

18-го Декабря, 1836. Петровскій заводъ.

LXXVIII.

29 Генваря, 1837. Петровскій заводъ.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ!... Братъ твой здоровъ, и я чувствую себя немного лучше. У насъ все еще очень холодно: морозы до замерзанія ртути. Въ будущемъ мѣсяцѣ, вѣрно, будетъ теплѣе, и пора-бы! мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ теплаго времени: съ Августа мѣсяца мы все мерзнемъ.—Мнѣ подарилъ одинъ изъ нашихъ соузниковъ, Вадковскій, мазурки Chopin, преоригинальныя, но такъ хороши, что я всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ ихъ слушаю, когда братъ твой играетъ. А когда я въ первый разъ ихъ слышала, расплакалась: такъ много чувства въ этой музыкѣ. Я очень хотѣла-бы, чтобы ты ихъ игралъ, и постараюсь тебѣ списать и прислать. . . . . Прощай, любезный другъ и братъ . . . . . Марія Юшневская.

LXXIX.

Мы получили письмо твое, любезный братъ Семенъ Петровичъ, отъ 12 Генваря. Намъ пріятно было найти въ немъ нѣкоторыя подробности о твоихъ дѣтяхъ. Будь увѣ-

ренъ, что близкое твоему сердцу и для насъ не чуждо. Говоря объ остротѣ твоего Лёлиньки, ты справедливо замѣчаешь, что не должно напрягать ни его памяти, ни вообще умственныхъ способностей прежде полнаго ихъ развитія. Исторія скороспѣлокъ представляетъ многіе примѣры, подобные приводимому тобою, но они были или недолговѣчны или, достигнувъ совершеннолѣтія, оставались въ ряду обыкновенныхъ дарованій, иногда-же отличались исключительно въ такихъ познаніяхъ, гдѣ болѣе участвуетъ память и воображеніе, нежели умъ. Къ числу первыхъ между прочими принадлежитъ знаменитое дитя *Гейнеке,* удивившее всю Европу вначалѣ XVIII столѣтія. Ежели ты вникнешь въ разсмотрѣніе методы Жакото, то увидишь, что польза ея состоитъ именно въ томъ, что въ ней всѣ умственныя способности воспитанника заняты въ равной степени, ибо кромѣ начальныхъ уроковъ, въ которыхъ исключительно требуется память, все остальное состоитъ въ соображеніи и разсужденіи, а мы, какъ все намъ показываетъ, живемъ въ вѣкъ положительный, и произведенія фантазіи занимаютъ мѣсто второстепенное.—Мы теперь рѣдко къ тебѣ пишемъ отъ того, что послѣ отъѣзда нѣкоторыхъ изъ нашихъ дамъ, ко мнѣ перешла переписка многихъ изъ нашихъ соузниковъ. Къ тому же здоровье мое такъ плохо, что не проходитъ недѣли сряду, чтобы я чѣмъ нибудь не страдала, и самое зрѣніе очень ослабѣло.—Благодаримъ тебя за извѣстія о матушкѣ и Рейхеляхъ. Отъ послѣднихъ пятый мѣсяцъ, какъ мы не имѣемъ писемъ. Благодаримъ тебя: и объ Андреѣ ты намъ далъ подробности.... Каждую недѣлю у меня посвящено два дня для моей переписки, и тутъ не могу успѣть всѣмъ написать; четвергъ и пятницу я провожу цѣлые дни съ перомъ въ рукѣ.... Марья Николаевна уже уѣхала отъ насъ, и мнѣ очень грустно было разстаться съ нею. Жаль мнѣ и крестницу мою: она меня очень любила и превеселая дѣвочка была. Марья Николаевна и Сергѣй Григорьевичъ были растроганы, прощаясь съ нами, и все говорили, что желали-бы, чтобы и мы были съ ними. Но мое здоровье такъ разстроено, что

я желала-бы въ лучшій климатъ попасть, и желала-бы быть съ твоимъ братомъ поселена въ Тобольской губерніи, въ городѣ Тюмени, или, если-бы это было сбыточнымъ, въ городѣ Красноярскѣ, гдѣ можно имѣть пособіе медиковъ. Тамъ поселена добрая наша подруга, Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ, или бы въ Туринскъ уѣхала къ Ивашевымъ, которые мнѣ, какъ родные, и которые хвалятся, что живутъ спокойно. Только климатъ у нихъ не разнится съ нашимъ Петровскимъ, а это для моего разстроеннаго здоровья не годится. Въ городѣ-же Тюмени климатъ хорошъ, и для жизни дешевлѣ, и много было-бы для насъ выгоды, если-бы мы туда попали. Впрочемъ, велитъ-ли еще Богъ дожить намъ до нашего срока—срокъ намъ окончится въ 1839 году 10-го Іюля. А можетъ, Богъ насъ и ранѣе освободитъ! Да будетъ воля Всевышняго во всемъ!...—Никогда неизмѣнный другъ твой и сестра Марья Юшневская.

29-го Марта 1837 года. Петровскій заводъ.

Волконскіе поселены близъ Иркутска въ 22 верстахъ, въ селеніи Урики, съ Вольфомъ и Муравьевыми.

LXXX.

. . . . . .

Что касается до нашихъ собственныхъ дѣлъ, то они годъ отъ году становились хуже и, наконецъ, дошли кажется, до послѣдней крайности. Если бы не помогали товарищи, то давно-бы ѣсть было нечего, но теперь и это средство истощилось, ибо, наконецъ, долги наши стѣсняютъ ихъ самихъ, такъ какъ всякій дѣлился съ нами тѣмъ, что для самого было необходимо. . . . . .

Басаргинъ мнѣ недавно писалъ. Онъ тоже получаетъ часто письма отъ Sophie. Она ему прислала свой портретъ хорошей работы, и, сказываютъ, похожа. Онъ очень порадованъ этимъ подаркомъ. Николай Васильевичъ пишетъ къ намъ часто. Ивашевы тоже. Я весьма рада, что въ Туринскѣ жи-

вутъ они спокойно и хорошо. Одно только непріятно, что письма наши слишкомъ долго въ дорогѣ, такъ что послѣднее письмо ихъ я получила черезъ 5 мѣсяцевъ. Отъ Марьи Николаевны еще не получали. Они выѣхали отсель 17 Марта, пообѣдавъ у моего имянинника. Помнится, я тебѣ уже о семъ писала. Чѣмъ кто къ намъ сюда ближе, тѣмъ медленнѣе доходятъ до насъ письма. Это весьма непріятно. Но не должно роптать! Слава Богу, что мы можемъ утѣшать другъ друга своими письмами. Лучше получать поздно, чѣмъ вовсе не имѣть писемъ отъ тѣхъ, кого любишь.... Пановъ весьма былъ доволенъ твоимъ письмомъ. Онъ такъ живо перенесся мысленно въ давнія времена, когда вамъ такъ было весело обоимъ въ Москвѣ, и разсказалъ мнѣ исторію о M-lle Mellard. Николай Алексѣевичъ тебѣ кланяется и благодаритъ тебя за милыя строки, которыя ты написалъ, а еще того болѣе, что ты такъ хорошо вспомнилъ его. Въ одномъ ты ошибся: онъ не жилъ у Николы на Пескахъ, а у Ржевской Божіей Матери....—Прошу тебя, мой другъ Семенъ Петровичъ, когда ты будешь въ Каменкѣ, скажи почтеннымъ сосѣдямъ твоимъ, что я такъ душевно благодарна имъ за все и знаю, что и теперь добрая и почтенная княгиня не вспомнитъ меня иначе, какъ съ участіемъ. Ни я, ни мой мужъ, до гроба не перестанемъ быть имъ благодарными и не перестанемъ молить о ихъ счастіи и спокойствіи. . . . . .
Твой другъ и сестра М. Юшневская.

12-го Іюня, 1837 года, Петровскій заводъ.

LXXXI.

27-го Августа, 1837 года. Петровскій заводъ.

. . . . . .

Одно только то довольно вѣрно, если доживемъ, что 10-го Іюля 1839 (года) насъ отправятъ на поселеніе. Люди, не избалованные ни настоящимъ, ни даже прошедшимъ, не довѣряютъ и будущему, а въ нашихъ собственно обстоятель-

ствахъ тѣмъ менѣе можно радоваться приближенію этого срока, что мы не имѣемъ средствъ существовать здѣсь на мѣстѣ, а какъ свершится наше перемѣщеніе, мы безъ ужаса вообразить себѣ не можемъ. То, что ты пишешь о разстройствѣ твоихъ дѣлъ, попало на больное мѣсто. Но много надо бы было говорить, чтобы описать тебѣ наше положеніе, между тѣмъ какъ ни тебѣ, ни намъ, не было бы отъ того легче. Скажу только, что оно съ каждымъ годомъ становилось хуже, наконецъ, нищета начинаетъ заглядывать въ глаза.—Читавши въ письмѣ твоемъ, что ты имѣлъ порученіе объѣхать уѣзды для приготовленія издѣлій къ выставкѣ, братъ рекомендуетъ тебѣ одно сочиненіе, которое перечитываетъ теперь во второй разъ. Оно стоитъ не болѣе 5 рублей. Это „Traité sur l'économie des machines," par Bobage, traduit par Biet. Сочинитель тотъ самый, который изобрѣлъ числительную машину, описанную въ концѣ этой-же книжки. Она же дѣлаетъ не ариѳметическія выкладки, какъ машина Паскаля, но вычисленія высшей математики съ быстротою, за которой едва могутъ слѣдовать писцы, записывающіе одни результаты ея вычисленій.—Съ отъѣздомъ въ прошломъ году бо́льшей части нашихъ книжниковъ, запасъ нашего чтенія значительно оскудѣлъ. На поселеніи-же ожидаетъ насъ и въ этомъ отношеніи совершенный недостатокъ. Здѣсь, благодаря товарищамъ едва достаетъ времени для прочтенія однихъ повременныхъ изданій, а тамъ едва ли будемъ въ состояніи изъ однихъ только журнальныхъ объявленій узнавать о произведеніяхъ литературы. Братъ же, какъ ты знаешь, ни во что ставитъ матеріальную жизнь, ежели нѣтъ пищи для ума и способовъ для музыкальныхъ упражненій. Фортепіанъ, который у него былъ, такъ испортился, что братъ долженъ бы былъ проститься съ этимъ удовольствіемъ, если бы Марья Николаевна въ замѣнъ не отдала ему своего, который очень плохъ, ибо прослужилъ уже 10 лѣтъ, но, по крайней мѣрѣ, клавіатура исправна, хотя такъ стучитъ, что въ скорой игрѣ слышенъ болѣе стукъ, нежели тонъ. Братъ просилъ тебя однажды узнать черезъ Шафнагеля о цѣнѣ

инструментовъ Эрарда и Папа и о возможности ихъ выписать. По описанію журналовъ, это должно быть чудо. . . . .

. . . . . .

Есть у меня шитый китайскій кисетикъ, который я тебѣ пришлю, и еще тебѣ пришлю нѣчто желѣзное, въ надеждѣ, что оно доставитъ тебѣ удовольствіе. Только это современемъ ты получишь, и будетъ для тебя сюрьпризъ. Прощай, Семенъ Петровичъ!... Твоя другъ и сестра Марья Юшневская.

LXXXII.

15-го Ноября 1837 г. Петровскій заводъ.

Любезный другъ и братъ, Семенъ Петровичъ . . . . . .

. . . . . .

Тотъ, кто меня лѣчитъ, надѣется, что я хоть не скоро, но выздоровлю. Онъ кромѣ того, что искусный врачъ,—человѣкъ добрый. Твой братъ нерѣдко до слезъ былъ разстроенъ участіемъ этого уважительнаго человѣка. Самый близкій родной не могъ-бы болѣе ничего для насъ сдѣлать. Да наградитъ его Богъ за меня. Братъ твой здоровъ, хотя въ эти два мѣсяца очень измучился, ухаживая за больною, а еще впереди надо долго оберегать меня и ходить, какъ за дитятей. Г. Понятовскій пришлетъ тебѣ 200 р. Вручи ихъ моей матушкѣ. Прощай, мой другъ Семенъ Петровичъ! Обнимаю тебя съ моимъ мужемъ вмѣстѣ. Обнимаемъ все твое семейство. Дай вамъ Богъ всѣмъ счастье. Другъ и сестра М. Юшневская.

LXXXIII [1]).

Le 19 Mars 1838.

Le depart de la personne respectable dont vous aviez fait connaissance lors de sa nomination pour la Siberie m'engage à

[1]) Это письмо имѣетъ большой интересъ, потому что является первымъ, собственноручнымъ письмомъ Алексѣя Петровича и содержитъ интересные намеки и указанія.

vous tracer quelques lignes, mon cher frère Семенъ Петровичъ, sans tenir compte cette fois-ci du silence que vous gardez si longtemps, votre dernière lettre ayant été datée du 25 Mai 1837. J'éprouve un besoin irresistible de proferer quelques paroles du fond de mon tombeau, qui doit se refermer ensuite, pour épancher devant vous les sentiments d'estime et de reconnaissance que nous portons tous deux pour cet homme qui est la bonté même. C'est tout le but de ma lettre. Dans la personne de son venerable oncle nous avons perdu tout se qui pouvait adoucir notre position. Il nous restait encore ce digne successeur de ses vertus qui, après la mort du Général, avait occupé provisoirement sa place. Mais le sort en a disposé autrement. Dans notre détresse nous croyons trouver quelque consolation par l'espoir qu'il vous verra, que vous serez auprès de lui l'interprète de notre gratitude, vous qui, par votre experience, aviez appris à estimer les personnes qui savent respecter le malheur et qui, sans se guider des preventions, apprecient les hommes d'après ce qu'ils valent par eux mêmes et font leur possible pour concilier des fonctions aussi delicates avec les sentiments d'humanité.—Si vous tenez à savoir quelque chose sur notre compte vous l'apprendrez dans tous les détails de cet homme estimable qui est au fait de tout ce qui nous regarde et qui nous a toujours temoigné un interet special.—Il ne me reste donc que deux choses à ajouter: d'abord de vous expliquer la raison pour laquelle nous vous avions une fois engagé d'envoyer un exprès à Тимашевка ou à Каменка,—c'est que nous y avions adressé une lettre secrete pour vous concernant nos affaires; mais malheresment elle ne pourrait y parvenir par des raisons qu'il serait long de vous expliquer d'autant plus que, par le changement des circonstances, son contenu même avait perdu son importance. Plus tard nous vous avions expedié une seconde lettre secrete dans une enveloppe adressée à Reychel. Pour vous en signaler la reception, nous l'avions engagé de vous transmettre un de mes portraits qu'il possède. Cependant il ne nous en eu jamais fait mention, malgré que nous ayons de bonnes raisons d'être persuadés que nos lettres lui avaient

été transmises par la personne qui en fut chargé. Cette fois-ci nos affaires ayant pris une autre tournure, je crois superflu de vous repeter le contenu de ma lettre. La première ainsi que la seconde contenaient entr'autre le resumé de tout ce qui m'était arrivé dépuis ma condamnation et ma reclusions à la forteresse de Schlusserbourg,—reclusion la plus affreuse qui ait jamais existé. Cette fois-ci nous sommes pleinement persuadés que notre lettre vous parviendra, pourvu que le porteur obtienne la permission de se rendre dans votre voisinage. Toute fois pour plus de sureté, je vous prie, mon-cher ami, après que vous l'aurez reçu, de nous dire deux mots sur Викентій Ивановичъ Монтрезоръ.—Le porteur de la présente vous apprendra que ma femme avait fait une grave maladie qui follit mettre fin à son existence et c'etait au plus fort de ses souffrances qu'elle vous avait écrit la lettre du 15 Novembre. C'était Gastro-anterite ou l'inflamation de l'estomac. Grace à la proximité de Кяхта, un medecin était venu la sauver. Il s'appelle Иванъ Сергѣевичъ Персинъ. C'est encore la moindre de ses qualités que d'être habil medecin.—Je vous quitte, mon cher ami, parceque le porteur pourra vous satisfaire sur tout ce qui nous concerne. Je vous embrasse du fond de mon âme et vous engage d'en faire autant en mon nom à toute votre chère famille. Puisse le sort en vous rendant tous heureux nous dedommager de tout ce dont il nous a privé, et nous benirons encore sa justice.—Votre ami et frère A. Юшневскій.

Зрѣніе жены до того ослабло, особенно послѣ этой болѣзни, что она съ трудомъ пишетъ, работы-же всѣ принуждена на всегда покинуть.

Думаю, другъ мой Семенъ Петровичъ, что доставлю тебѣ маленькое удовольствіе припискою моею. Я еще придумала послать тебѣ желѣзный крестикъ, сдѣланный изъ выломаннаго кусочка желѣза у окошечной рѣшетки изъ того номера и того каземата, въ которомъ жилъ твой добрый братъ, и я съ нимъ.--О. А. вручитъ тебѣ его. Онъ сдѣланъ однимъ изъ нашихъ господъ въ казематѣ. Я еще тебѣ пришлю черезъ почту желѣзное кольцо, оправленное въ золото.

Оно будетъ сдѣлано изъ желѣзъ, которыя носили всѣ наши страдальцы. Все это можешь ты узнать отъ достойнаго подателя сего . . . . . .

. . . . . .

Ты можешь узнать подробно о нашей жизни и нашемъ здѣсь помѣщеніи, и даже о нашей услугѣ [1]). Я была сильно больна, пять мѣсяцевъ не выходила изъ опаснаго состоянія. Кажется, теперь я совсѣмъ поправилась, хотя каждая малѣйшая неосторожность заставляетъ меня страдать. Добрый нашъ, уважительный и достойный гость твой (въ эту минуту) столько оказывалъ намъ самаго родственнаго участія. Онъ не только огорчался моему опасному положенію, но когда я стала выздоравливать, онъ хлопоталъ даже о моей пищѣ, доставлялъ все, что только въ возможности было, даже старый рейнвейнъ, потому что докторомъ велѣно употреблять для подкрѣпленія моего желудка. Онъ увезъ мой портретъ; увезъ-бы и брата твоего, но нѣтъ теперь сдѣланнаго. Онъ хотѣлъ его показать вамъ, какъ я измѣнилась. Теперь я еще болѣе не похожа на себя: этотъ портретъ нарисованъ до моей болѣзни.—Другъ мой Семенъ Петровичъ! Будетъ все, что Богу угодно. Можетъ, я на поселеніи, если доживу, поправлюсь, а если Богъ велитъ, прощусь съ вами на всегда. Тогда старайся какъ можно чаще утѣшать брата твоего письмами, а наиболѣе доказывай ему дружескую и братскую твою любовь. Обязанность наша и потребность души каждому доброму человѣку быть полезнымъ ближнему. Твой-же братъ въ изгнаніи имѣетъ болѣе потребности въ утѣшеніи, когда и меня уже съ нимъ не будетъ.... Прощай, другъ мой Семенъ! Дай Богъ тебѣ все доброе! Сестра твоя и другъ М. Ю....

LXXXIV [2]).

Среди переѣзда и среди хлопотъ нашего перемѣщенія получили мы, любезный братъ Семенъ Петровичъ, два тво-

[1]) Чит.: „прислуга“.

[2]) Съ этого № начинается рядъ собственноручныхъ писемъ А. П. Юшневскаго: съ выходомъ на поселеніе онъ получилъ право самъ вести

ихъ письма, одно изъ Ольгополя отъ 21 Апрѣля, другое изъ Хрустовой отъ 28 Іюля. Недавно усѣлись мы на мѣстѣ, съ трудомъ пріискавши себѣ квартиру въ селеніи *Кудѣ* [1]) въ 21-й верстѣ отъ Иркутска. Безпокойство и недосуги, съ такимъ положеніемъ сопряженные, были причиною, что вся наша переписка терпѣла замедленіе.—Съ прискорбіемъ читали мы описаніе болѣзни, которую ты перенесъ; желаемъ, чтобы наше письмо застало тебя со всѣмъ твоимъ семействомъ здоровыми. Два года тому назадъ жену мою также посѣтила болѣзнь, которая свела-бы ее въ могилу безъ пособія искуснаго врача. Фердинандъ Богдановичъ былъ уже тогда на поселеніи. Впрочемъ, она, помнится, сама писала къ тебѣ во время самой ея болѣзни: это было воспаленіе желудка (gastro-anterite). Но, освободившись отъ этой опасной болѣзни, она почувствовала ревматическую боль, которая препятствовала ей владѣть рукою. Носила фонтанель; но не замѣтно ощутительнаго облегченія. При пользованіи всякаго недуга необходимо спокойствіе духа и покой тѣла; а она должна была перенести трудности пути, хотя недальняго, но тягостнаго по недостаткамъ и нуждѣ, въ какой мы постоянно находимся.—Домъ, который мы имѣли въ Петровскомъ заводѣ, продали за четверть цѣны, а домашнюю утварь просто бросили. Теперь все это надо заводить снова. Таково начало нашего новаго быта, о которомъ ты знать желаешь.—О разстройствѣ твоихъ собственныхъ дѣлъ мы знаемъ изъ писемъ нашихъ пріятелей и тѣмъ болѣе соболѣзнуемъ, что въ положеніи нашемъ не только пособія, но даже совѣта дать не можемъ. Не унывай, какъ мы не унываемъ. Елькинъ говаривалъ: „какъ пойдетъ дождь, такъ ужь и мочитъ“.—Однако, когда-же нибудь настанетъ ясная погода!—Прости, любезный другъ! Обнимаемъ тебя. Скажи отъ обоихъ насъ дружескій

свою корреспонденцію. Мы печатаемъ эти письма почти безъ всякихъ пропусковъ, такъ какъ они служатъ единственнымъ источникомъ обрисовки личности Алексѣя Петровича, къ тому же этихъ писемъ очень немного.

[1]) Курсивъ подлинника.

привѣтъ супругѣ твоей и разцѣлуй за насъ всѣхъ твоихъ дѣтей. Поздравляемъ васъ съ рожденіемъ Николиньки, о которомъ узнали изъ твоего лишь письма. Посылаемъ ему наше благословеніе. Твой другъ А. Юшневскій.

Сел. Кудà. 28 Октября 1839.

Адресъ къ намъ почти тотъ-же, то есть: Его Превосходительству Господину Иркутскому Гражданскому Губернатору Андрею Васильевичу Пятницкому, для доставленія намъ.

Когда ты получишь письмо это, любезный другъ Семенъ Петровичъ, вспомни, что будетъ ровно 14 лѣтъ, какъ ты не видѣлъ почерка твоего брата. Я воображаю, какое волненіе произведетъ въ тебѣ письмо наше. Братъ твой самъ много-бы желалъ сказать тебѣ, но не знаетъ на первый разъ, что̀ бы говорить. Измѣненіе чувствъ? Можно и писать хорошо и разсказывать чудесно, а въ сердцѣ мало ощущенія. Ты знаешь твоего брата; мы знаемъ, какъ онъ всегда любилъ тебя. Онъ никогда неизмѣненъ въ своихъ чувствахъ, но живучи 17 лѣтъ въ разлукѣ, твои отношенія къ нему могли измѣниться. Не пеняй, другъ Семенъ, если письмо твоего брата покажется не довольно удовлетворительно . . .

. . . . . .

Да благословитъ васъ Богъ! М. Юшневская.

LXXXV.

Я очень былъ растроганъ, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, письмомъ твоимъ отъ 5 Января. Изъявленіе твоихъ чувствъ ко мнѣ было для меня дороже того пріятнаго извѣстія, которое сообщилъ ты мнѣ о начетѣ [1]).

---

[1]) Начетъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ сдѣланъ на А. П. Юшневскаго по его дѣятельности какъ генералъ-интенданта южн. арміи и палъ всецѣло на Семена и Владиміра Петровичей, какъ получившихъ все имѣніе и капиталы. Братьямъ удалось доказать невѣрность самаго начета на ихъ брата.

Будь всегда увѣренъ, что сердце мое никогда не останется у тебя въ долгу.—Первое чувство, произведенное во мнѣ извѣстіемъ о разрѣшеніи отъ начета, было—удивленіе. Въ положеніи моемъ я считалъ это несбыточнымъ. Благоговѣю предъ правосудіемъ, оправдавшимъ беззащитнаго! Не замедли переслать изложеніе дѣла съ заключеніемъ Государственнаго Контроля и увѣдоми меня объ успѣхѣ распоряженій, какія будутъ его послѣдствіемъ. Радуюсь, что, наконецъ, устранены будутъ всѣ затрудненія, причинявшія тебѣ столько разстройства, и которымъ противъ воли моей я былъ причиной, но съ тѣмъ вмѣстѣ скорблю о издержкахъ, какихъ стоило пребываніе Владиміра въ столицѣ, тѣмъ болѣе, что не имѣю средствъ принять ихъ на себя.—Наши дѣла таковы, что, если бы не пособіе добрыхъ моихъ товарищей, мы не могли бы существовать. По прибытіи ко мнѣ въ 1830 г. жены надобно было построить въ Петровскомъ домишко, завестись всѣмъ необходимымъ въ хозяйствѣ. Такъ какъ въ то-же время строились и прочіе женатые товарищи, то постройка обошлась намъ въ четверо противъ обыкновенныхъ цѣнъ, и мы безъ ихъ пособія не могли-бы ни начать, ни окончить. Въ прошломъ году, при отправленіи на поселеніе, принуждены были иное бросить, другое отдать за безцѣнокъ. Сюда пріѣхали мы почти безъ копѣйки, ибо всѣ деньги, какія тогда были, надобно было, предъ отъѣздомъ, уплатить продавцамъ, снабжавшимъ насъ первыми потребностями. Въ деревнѣ, назначенной для моего водворенія, нѣтъ никакого для насъ пріюта, а строиться не чѣмъ. Это побудило насъ испрашивать дозволенія жить въ самомъ Иркутскѣ, гдѣ можно найти удобное помѣщеніе для больной моей жены и при томъ имѣть за деньги все, чего не можемъ завести въ своемъ хозяйствѣ. Къ тому-же необходимо постоянное врачебное пособіе женѣ, которой здоровье такъ разстроено, что не проходитъ недѣли, чтобы она чѣмъ-нибудь не страдала. Ходатайство наше не имѣло еще желаемыхъ послѣдствій. Между тѣмъ, вмѣсто селенія Кузьмихи, въ которой нѣтъ помѣщенія, дозволено мнѣ жить до Сентября въ другой, въ

семи верстахъ отъ города.—Тутъ мы нанимаемъ крестьянскую избу за неимовѣрную цѣну—350 руб. въ годъ! Это составляетъ 6-ю часть всего, что мы получаемъ отъ Понятовскаго на содержаніе. За всѣми потребностями мы должны посылать въ городъ и, не имѣя лошади,—которой содержаніе стоило-бы здѣсь едва не столько-же, какъ квартира,—необходимо должны нанимать для каждой посылки и еще платить за поромъ. Словомъ, разореніе со всѣхъ сторонъ, а нужды между тѣмъ возрастаютъ въ одинаковой пропорціи съ уменьшеніемъ денежныхъ способовъ. Кромѣ пропитанія себя и людей, надобно одѣться. Въ теченіи 10 лѣтъ мы не возобновляли бѣлья. Бѣдная моя жена скрываетъ отъ меня, до какой степени она въ немъ нуждается, а пособить не чѣмъ. Будучи самъ отцомъ семейства, ты поймешь, что долженъ я чувствовать, смотря на все это. Но довольно—я уже слишкомъ заболтался. По крайней мѣрѣ, не могу сказать, чтобы кто изъ насъ обоихъ упалъ духомъ; а говорятъ, что Провидѣніе еще не покинуло, пока посылаетъ испытанія не выше нашихъ силъ. Сохранимъ наше упованіе на Него. Авось Его рукой все перемелется и будетъ лишь мукой!—Я теперь одинъ: жена уѣхала 16 числа пользоваться отъ ревматизма къ горячимъ сѣрнымъ водамъ по ту сторону Байкала въ 500 верст. отсюда. Благодаря добрымъ людямъ, эта поѣздка ничего не будетъ ей стоить. Осталось испытать это послѣднее средство. Фонтанель и всѣ пособія искусства истощены надъ нею безъ малѣйшаго успѣха.... Вѣрный другъ и твой братъ А. Юшневскій.

Адресуй по прежнему на имя Иркутскаго Гражданскаго Губернатора Его Превосходительства Андрея Васильевича Пятницкаго.

Селеніе Жилкино. 25 Марта 1840.

LXXXVI.

Жена доставила мнѣ письмо твое отъ 25 февраля, посланное изъ Хрустовой, любезный другъ Семенъ Петровичъ.

Помнится, я писалъ тебѣ, что она на водахъ.—Я поджидалъ обѣщанной выписки по дѣлу о начетѣ и вмѣсто того получилъ извѣстіе о затрудненіяхъ, происходящихъ отъ неразрѣшенной статьи по поставкѣ Свистунова. Никакая память не можетъ представить во всей подробности того, что происходило назадъ тому чуть не 20 лѣтъ. Въ послѣдней моей должности я находился слишкомъ 6 лѣтъ. Впродолженіи этого времени Свистунову дѣлаемы были почти безпрерывно порученія, и потому не могу угадать, къ которому изъ нихъ относится начетъ 29 тыс. Изложеніе дѣла припомнило-бы мнѣ обстоятельства, на которыя могъ-бы я указать въ оправданіе. Теперь-же въ успокоеніе тебя и самого себя могу только сослаться на чистоту моихъ дѣйствій и утѣшаться упованіемъ на то самое правосудіе, съ какимъ разсмотрѣны были прочія важнѣйшія мои распоряженія по этой части. Когда получишь это письмо, пройдетъ болѣе полугода послѣ сообщеннаго тобою извѣстія, и дѣло въ продолженіи этого времени могло измѣниться вслѣдствіе забранныхъ справокъ и поясненій. Если же не видишь скораго конца пребыванія брата въ Петербургѣ, то не разсудить-ли ходатайствовать о ускореніи рѣшенія. Ты видишь, что содержаніе тамъ Владиміра будетъ, наконецъ, равняться суммѣ самаго начета. Ты можешь быть увѣренъ, что это сокрушаетъ меня не менѣе тебя. Мое безсиліе подать тебѣ какую-либо помощь приводитъ меня въ уныніе. Между тѣмъ я худо понимаю, или лучше, нисколько не понимаю, какими силлогизмами можно подвергнуть отвѣту, вамъ только двоимъ принадлежащее, по начету на меня, тѣмъ болѣе, что я осужденъ до раздѣла и, слѣдовательно, оставилъ свѣтъ „такъ голъ, какъ голъ родился“. Мнѣ кажется, что такая мѣра подлежитъ оспариванію. Въ объясненіи, которое подалъ ты въ Дворянскую Опеку 19 Октября 1828 г., показаны были неопровержимые доводы къ вашему огражденію.—О мѣстѣ постояннаго моего водворенія я нахожусь все еще въ неизвѣстности и живу тамъ-же, откуда получилъ ты послѣднее мое письмо. Такой образъ жизни довершаетъ наше разореніе. Живемъ

день до вечера, опасаясь даже заглядывать въ даль.—Никогда не приходитъ тебѣ въ мысль перенести насъ въ твое семейство, познакомить съ его бытомъ, съ препровожденіемъ времени Идаліи. Что дѣлаетъ мелкій народъ, каковы дарованія моихъ племянниковъ и проч.?—Что до меня касается, я веду жизнь самую уединенную, очень рѣдко кого-либо вижу, цѣлый день занимаюсь чтеніемъ, а вечеромъ музыкой. Предъ глазами моими большая рѣка и изрядная природа. Но ты знаешь, что я на нее любуюсь только изъ окна. Безъ крайней надобности я не выхожу даже на крыльцо.—Хотѣлъ было кончить, но пришла мысль сказать еще нѣсколько словъ о предметѣ твоего объясненія въ Дворянскую Опеку. Не зная въ подробности всѣхъ обстоятельствъ, конечно, могу судить только по тѣмъ даннымъ, какія имѣю. И такъ, до наложенія запрещенія ничто, кажется, не лишало васъ права продать Хрустовую. Если это право было неоспоримо тогда, тогда я не постигаю, почему оно могло измѣниться въ послѣдствіи. Какъ прежде, такъ и теперь, имѣніе принадлежитъ одному тебѣ и не должно подлежать отвѣтственности за меня.... Твой другъ А. Юшневскій.

Деревня Жилкина. 22 Іюля 1840.

LXXXVII.

Деревня Малая Разводная. 13 Января 1841.

Здравствуй, любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Давно, очень давно, скоро пять мѣсяцевъ, какъ мы къ тебѣ не писали. Все это время протекло въ хлопотахъ и заботахъ о нашемъ перемѣщеніи, и не смотря на то, мы все еще безъ постояннаго пріюта. Будучи не въ состояніи гдѣ-либо строиться, мы только перемѣняемъ мѣсто и квартиры. Это довершаетъ наше разореніе и, что еще того хуже, имѣетъ вредное вліяніе на здоровье моей жены, которое лишь только начинало поправляться послѣ водъ.—Въ эти 5 мѣсяцевъ мы получили отъ тебя 3 письма. 1-е отъ 30 Августа по возвра-

щеніи твоемъ изъ Кіева. Въ немъ ты увѣдомилъ объ уничтоженіи остального начета по поставкѣ Свистунова. Радуюсь, что, наконецъ, я пересталъ быть невольною причиною препятствій и разстройства, какія потерпѣли твои дѣла. Изъ другого твоего письма отъ 23 Сентября вижу, что уже рѣшился заложить Хрустовую. Очень понимаю, что одна только крайность заставила тебя рѣшиться открыть себѣ, такъ сказать, эту фонтанель, которая тѣмъ только лучше настоящей, что перевязывается не болѣе двухъ разъ въ годъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, ты ни въ чемъ уже не отстаешь отъ прямого русскаго дворянина, когда и твое имѣніе заложено. Незабудь, любезный другъ, увѣдомить насъ объ успѣхѣ твоихъ дѣйствій по этому премету. Въ 3-мъ письмѣ отъ 3 Ноября изъявляешь ты, мой другъ, желаніе имѣть мой портретъ. Разумѣется, что я тотчасъ исполнилъ-бы его, если бы это было въ моей волѣ. Въ Петровскомъ заводѣ, гдѣ мы были всѣ вмѣстѣ, оно было очень легко; но послѣ разсѣянія нашего товарищъ, оказывавшій всѣмъ намъ эту услугу, остался на поселеніи по ту сторону Байкала въ г. Селенгинскѣ. Здѣсьже въ цѣломъ краѣ нѣтъ даже плохого маляра. Могу только дать тебѣ слово, что не упущу воспользоваться первою возможностью исполнить твое желаніе.... Кстати о лѣтахъ. Вотъ и тебѣ не во гнѣвъ, минетъ въ февралѣ 40 лѣтъ. Поздравляю тебя, любезный другъ. Желаю, чтобы Парки считали это число за меньшую половину твоего вѣка, и чтобы вторая искомая половина была благополучнѣе протекшей. Вскорѣ за тобой слѣдуютъ и мои 55 лѣтъ, т. е. считая съ 12 марта 1786 г. Число истинно счастливыхъ, никакимъ горемъ не помраченныхъ, дней было такъ невелико, что если принять къ зачету послѣднія 15 лѣтъ, то судьба останется у насъ въ долгу неоплатномъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ мы съ женою лишимся способности пользоваться ея дарами.—Спасибо тебѣ, любезный братъ, что ты сообщилъ намъ нѣкоторыя подробности о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Хорошо, что музыку ты не совсѣмъ покидаешь. Кромѣ удовольствія собственнаго, она входитъ въ воспитаніе дѣтей. Le nouvelliste здѣсь получается,

но вообрази, какъ содержаніе отвѣчаетъ названію: въ одномъ номерѣ напечатанъ концертъ Фильда, и то одинъ изъ худшихъ, 4 й; признаюсь, кромѣ Листа, котораго я недостоинъ понимать, большая часть, каковы Тальбергъ и самый Дрейшокъ, какъ мнѣ кажется, только фигляры. Трудности у нихъ, конечно, доселѣ небывалыя, des tours de force, но пѣнія и чувства мало. При всемъ томъ новая школа называетъ старую—perruque. Посмотримъ, кто кого переживетъ!—Очень понимаю удовольствіе, какое доставляетъ тебѣ химія, потому что я самъ имѣлъ большую къ ней склонность. Книжныя пособія по этой части у насъ всѣ есть, но почти нѣтъ ничего необходимаго для опытовъ, а безъ нихъ почти то-же, что читать физіологію безъ анатомическихъ препаратовъ. Бо́льшую часть всего, что здѣсь имѣемъ по части Химіи, читалъ, но, безъ повѣрки опытомъ, ничего почти въ памяти не сохранилось.—Такъ какъ ты читаешь газеты и журналы, то, конечно, знаешь, что послѣ Тальбота усовершенствованъ во Франціи способъ приготовленія бумаги для фотогеническихъ изображеній и сохраненія ихъ, помнится, par M-r Verignon.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

LXXXVIII.

Малая Разводная. 31 Марта 1841.

...Въ замѣнъ извѣстія твоего о кончинѣ Э. Н. Вегелина сообщу тебѣ не менѣе прискорбное для всѣхъ насъ. Не помню, писали-ли мы къ тебѣ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1839 г. Ивашевъ лишился жены, которая оставила ему троихъ дѣтей, а въ прошломъ Декабрѣ, когда онъ дѣлалъ приготовленія къ годовщинѣ, сдѣлалось ему дурно. Позванный врачъ не

замедлилъ явиться, но кровь уже не пошла, и Ивашевъ испустилъ духъ отъ апоплексическаго удара на сорокъ четвертомъ, какъ помнится, или 45 году.—Разтолстѣвъ до чрезвычайности, онъ началъ терпѣть частые припадки полнокровія, а кровопусканія не любилъ. Впрочемъ, кончина легкая. Ему собственно этотъ опытъ окончательнаго поселенія не стоилъ столькихъ хлопотъ, съ какими сопряжено наше поселеніе. Сироты остались на попеченіи престарѣлой и немощной его тещи, пріѣхавшей за нѣсколько лѣтъ до этого окончить вѣкъ при своей дочери.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

PS. Письма адресуй по прежнему.

. . . . . .

LXXXIX.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ! Рѣдко случалось мнѣ быть такъ неисправнымъ въ перепискѣ, какъ въ нынѣшнемъ году. Причиною тому безпокойная жизнь, какую ведемъ со времени отъѣзда изъ Петровскаго Завода. Недостатокъ средствъ къ постройкѣ себѣ жилища въ деревушкѣ, которая назначена была для моего поселенія, побудилъ насъ испрашивать дозволенія жить въ г. Иркутскѣ, гдѣ могли-бы занять готовое помѣщеніе. Въ ожиданіи разрѣшенія, мы не могли нигдѣ постоянно водвориться. Наконецъ, въ просьбѣ нашей отказано и повелѣно поселить меня въ Малой Разводной, бѣдной деревушкѣ въ шести верстахъ отъ Иркутска, состоящей изъ 18 избъ. Безъ способовъ и безъ пріюта не знаю, что бы съ нами было, если-бы добрый товарищъ, водворенный здѣсь за годъ до насъ, не предложилъ намъ избы на своемъ дворѣ. Если бы помѣстить въ ней весь нашъ домашній скарбъ и хламъ, который, благодаря времени года, можетъ валяться гдѣ попало, то намъ съ женою не болѣе-бы осталось порожняго мѣста, какъ сколько займемъ мы въ землѣ. Четвертый мѣсяцъ находимся мы въ этомъ положеніи. Весь этотъ промежутокъ времени проведенъ, какъ

ты можешь себѣ представить, въ хлопотахъ и горькихъ заботахъ, которымъ не вижу конца.... Не вижу иного средства выйти изъ затруднительныхъ твоихъ обстоятельствъ, какъ или займомъ въ частныхъ рукахъ подъ залогъ имѣнія, или въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Относительно послѣдняго тебя затрудняетъ требуемая точность въ платежѣ. Но при частномъ займѣ существуютъ тѣ-же опасенія. Покойный Ал. Тим. Тутолминъ лишился бы имѣнія, которое было въ залогѣ у кн. Абимелика, если бы покойный нашъ братъ не внесъ за него въ срокъ денегъ, которыя я самъ возилъ въ Гайсинъ. Заемъ былъ сдѣланъ, помнится, по 250 р. на душу, въ случаѣ-же неуплаты въ срокъ, кн. Абимеликъ имѣлъ право, доплативъ по 150 р. за душу, вступить во владѣніе имѣніемъ. Итакъ, частный заемъ тѣмъ только лучше, что условія займа добровольнѣе, за то проценты выше и срокъ окончательной уплаты короче.... Хотѣлъ-бы сказать тебѣ, мой добрый другъ, что-нибудь о образѣ моихъ занятій. По званію поселенца я долженъ бы пуститься въ агрономію, но ты знаешь, имѣлъ-ли я къ ней когда-либо склонность. При томъ-же все мое время посвящено было службѣ. Послѣднія 16 лѣтъ еще менѣе могли развить во мнѣ эту склонность. Къ умственнымъ-же занятіямъ нужно спокойствіе духа, беззаботность, по крайней мѣрѣ, о завтрешнемъ днѣ, и потому я неспособенъ ничѣмъ прилежно заняться. Чтеніе не оставляетъ ничего въ головѣ; къ музыкѣ становлюсь равнодушенъ. Послѣднимъ я даже доволенъ: хорошо не имѣть жажды, когда ее утолить нечѣмъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная. 21-го Іюля 1841.

Братъ твой высказалъ тебѣ, любезный другъ Семенъ Петровичъ, всѣ подробности нашей жизни. Грустно говорить объ этомъ. Лучше скажу тебѣ, что у насъ мѣстоположеніе чудесное. На берегу рѣки Ангары поставленъ домъ Артамона Захаровича Муравьева. У него-то во флигелѣ мы живемъ. Все, что̀ плыветъ за Байкалъ и оттуда,—мимо нашихъ оконъ. По другую сторону дома большая дорога видна. Пашни и

лѣсъ окружаютъ насъ. За рѣкой—горы, покрытыя кедрами, сосной и елками. На рѣкѣ—острова, покрытые деревьями, цвѣтами. Туда многіе ѣздятъ гулять. Народу всякаго плыветъ туда кучами, одни за рыбой, другіе собираютъ ягоды, иные косятъ, иные гулять цѣлыми семействами. Бываютъ дни, въ которые цѣлый день сижу на крылечкѣ и любуюсь на всѣхъ плывущихъ по быстрой нашей рѣкѣ. Еще одинъ мѣсяцъ, и надо будетъ запереться на всю зиму. Начнутся туманы, холодъ, сырость, и за удовольствіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ надо прожить 8 взаперти [1]). Какъ часто вспоминаемъ мы телескопъ, который остался у тебя. Когда поютъ на островахъ, гуляютъ, хотѣлось-бы на нихъ посмотрѣть, да не во что, только видишь вдали разныхъ цвѣтовъ платья, шляпки; тутъ же и мужички работаютъ, поютъ и на стружкѣ, самой маленькой лодкѣ, переплываютъ къ намъ или на другую сторону рѣки. Меня очень забавляетъ, что почти всегда бабы или дѣвицы однимъ весломъ управляютъ стружкомъ и пребыстро несутся по рѣкѣ.—Можетъ быть, когда-нибудь пришлю тебѣ рисунокъ нашего мѣстоположенія, только постараюсь и домикъ помѣстить, въ которомъ мы живемъ. Домикомъ его назвать нельзя, а клѣточка, съ крошечнымъ крылечкомъ... Ta soeur Marie Jouschniewsky.

XC.

Любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ! Обстоятельство, нетерпящее времени, побудило меня просить о доставленіи письма моего кратчайшимъ путемъ. Я не объяснялъ еще тебѣ, какимъ образомъ, находясь третій годъ на правѣ поселенца, я не имѣлъ ни постояннаго водворенія, ни пріюта. Причиною тому была невозможность найти какое-либо помѣщеніе въ деревнѣ, которая первоначально назначена была для моего поселенія. На постройку-же, какую бы

[1]) Изъ этихъ 4-хъ не насчитаешь одного истинно лѣтняго. (Примѣч. Алексѣя Петровича).

то ни было, мы не можемъ удѣлить ничего изъ получаемаго нами дохода отъ того, что содержаніе здѣсь стоитъ почти вдвое противъ Петровскаго завода, а денежные способы такъ мало увеличились, что при всѣхъ лишеніяхъ недостаточны на годовыя наши потребности. Это побудило насъ просить дозволенія жить въ самомъ Иркутскѣ, гдѣ можно нанимать готовую квартиру и, что̀ не менѣе важно, имѣть врачебное пособіе. Въ ожиданіи разрѣшенія проживали мы, благодаря дозволенію начальства, то по другимъ деревнямъ, гдѣ могли находить временное пристанище, то на предмѣстьѣ города. Такой образъ жизни, лишая насъ возможности чѣмъ-либо завестись, довершилъ наше разореніе. Не могу описывать подробно, какъ это происходило. Скажу только, что со времени поступленія моего на поселеніе, мы на шестой квартирѣ. Наконецъ, на многократныя просьбы моей жены послѣдовалъ положительный отказъ и предписано водворить меня въ Малой Разводной (деревушкѣ на правомъ берегу Ангары, въ шести верстахъ отъ Иркутска, состоящей изъ 17 хижинъ) съ отводомъ подъ постройку дома, пашню и сѣнокосъ 15 дес. земли.—Къ счастію, здѣсь водворенъ прежде насъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, мужъ Вѣры Алексѣевны, который успѣлъ здѣсь построиться. Какъ добрый товарищъ, онъ предложилъ намъ на время избу на своемъ дворѣ; въ самой-же деревушкѣ нѣтъ никакой квартиры. Тутъ, благодаря времени года, мы кое-какъ мѣстимся. Съ ужасомъ, однакожъ, помышлялъ я о приближеніи зимы и о необходимости теплаго пріюта для бѣдной моей жены, безпрестанно страждущей разными болѣзненными припадками. Среди безпомощности нашей нашелся человѣкъ, который, едва бывши знакомъ, принялъ въ насъ участіе. Не справляясь о нашемъ состояніи, онъ самъ вызвался уступить намъ за полцѣны купленный имъ въ Иркутскѣ домъ и, не получивъ еще отъ насъ ничего, заплатилъ за насъ подрядчику, который взялся перевезть его сюда и поставить. За все это мы остаемся ему должны три тысячи рублей.—Домъ безъ малаго въ семь саженей длиною, съ особою на дворѣ кух-

ней, поставленъ уже вчернѣ. Кромѣ внутренней отдѣлки, конечно, остается еще многое пристроить, но мы имѣемъ уже главное—собственный покойный пріютъ, гдѣ, вѣроятно, суждено намъ кончить свой вѣкъ. Теперь лежитъ на насъ священный долгъ—расплатиться съ добрымъ человѣкомъ, который изъ одного только удовольствія сдѣлать доброе дѣло одолжилъ насъ на всю жизнь. Надобно во всей подробности знать затрудненія, изъ какихъ онъ насъ выручилъ, чтобы представить себѣ и нашу благодарность и съ тѣмъ вмѣстѣ наше прискорбіе видѣть себя въ невозможности удѣлить изъ дохода нашего что-либо на уплату этого долга.-- Рѣшимость писать къ тебѣ объ этомъ, любезный другъ, стоила мнѣ долговременной борьбы съ тяжкой необходимостью. Если бы достаточно было одной увѣренности въ твоей дружбѣ и участіи, я не затруднился бы къ тебѣ прибѣгнуть, но зная стѣсненное положеніе твоихъ собственныхъ дѣлъ, объясняю только тебѣ мою крайность. Помоги, любезный другъ, если можешь, въ видѣ ссуды. Намъ нужно три тысячи на уплату означеннаго долга и двѣ тысячи на постройку необходимыхъ принадлежностей дома, котораго я не въ состояніи теперь даже обнести заборомъ. Съ нашей же стороны мы употребимъ всѣ усилія, чтобы мало по малу возвратить тебѣ эту сумму. Оказавъ намъ это пособіе, ты успокоишь насъ на весь остатокъ нашихъ дней. Не могу выразить, чего мнѣ стоило рѣшиться просить тебя объ этомъ, зная, что ты и самъ въ затрудненіи. Но ты знаешь, что кромѣ тебя у меня нѣтъ никого. Если же ни самъ ты, ни съ постороннимъ содѣйствіемъ, не можешь пособить намъ,—откажи безъ дальнихъ объясненій. А если можешь, то поспѣши выручить меня, и во всякомъ случаѣ не замедли отвѣтомъ на имя Его Превосходительства Андрея Васильевича Пятницкаго въ Иркутскѣ безъ означенія на конвертѣ передачи мнѣ. Подъ этимъ адресомъ дойдутъ ко мнѣ исправно и деньги, если ты найдешь возможность помочь намъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная. 7 Сентября 1841.

На оборотѣ письма слѣдующая собственноручная приписка Губернатора Пятницкаго: „Долгомъ поставляю удостовѣрить Милостиваго Государя Семена Петровича, что положеніе Алексѣя Петровича таково, что одно просимое имъ пособіе можетъ поправить его, и это то самое обязало меня отступить отъ принятаго порядка на щетъ (sic) отправленія сего письма. Имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугой Андрей Пятницкій".

XCI.

Малая Разводная. 3-го Ноября 1841.

Я замедлилъ отвѣтомъ, любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ, на письмо твое отъ 25-го Іюля, какъ по причинѣ строительныхъ хлопотъ и недосуговъ, такъ и потому, что желалъ писать тебѣ изъ своего уже дома, если можно назвать своею вещь, за которую не уплатилъ еще ни копѣйки. Какъ-бы то ни было, на дняхъ мы перешли въ домъ, не имѣющій не только никакихъ принадлежностей, но даже забора. Всѣмъ, чего къ дому недостаетъ, мы пользуемся у добраго нашего товарища, Г. Муравьева, котораго дворъ съ нашимъ смѣженъ. Средствъ не хватило, и мы должны были остановиться тамъ, гдѣ застало насъ ихъ истощеніе. Благодаря добрымъ людямъ, у насъ теперь помѣщеніе, какого при недостаткѣ нашемъ, мы имѣть не воображали. Когда будетъ возможность достроить недостающее, пришлю тебѣ чертежъ дома. До тѣхъ (поръ), конечно, принуждены будемъ терпѣть множество разорительныхъ неудобствъ. Вспомни, кѣмъ населенъ здѣшній край, и тогда представь себѣ, что значитъ жить среди улицы. Ты знаешь сестру; помнишь, какъ она боялась тѣни на стѣнѣ. Здѣсь-же есть причина бояться не призраковъ, а оборонительнаго оружія намъ имѣть не позволяется.—Благодарю тебя, мой другъ, за обѣщаніе исполнить все касательно снятія запрещенія съ 50 тыс. Получивши отъ тебя адресъ брата, я тотчасъ написалъ къ нему и

между прочимъ просилъ прислать мнѣ другой, не столь многосложный. Тутъ-же просилъ его и о запрещеніи. Съ безпокойствомъ буду ожидать отвѣта на письмо отъ 7 Сентября. Въ такомъ отдаленіи, не зная подробностей нашего быта, ты никакъ не можешь представить себѣ нашихъ нуждъ и нашихъ затрудненій. Такъ какъ до этой поры мы скитались по квартирамъ съ готовою мебелью, то теперь перешли въ пустой домъ, гдѣ, разумѣется, не на чемъ ни сѣсть, ни лечь: все должны заводить вновь.—Отъ нынѣ будемъ писать къ тебѣ чаще, а теперь передаю перо женѣ. Прошу тебя передать мой родственный привѣтъ сестрѣ Идаліи. Мы никогда не видимъ ни строчки ея руки. Мысленно обнимаю и благословляю моихъ племянниковъ. Прости, мой добрый другъ. Твой другъ А. Юшневскій.—

Я обѣщала писать тебѣ вскорѣ послѣ отправленія письма брата твоего, и не удалось мнѣ, добрый мой Семенъ Петровичъ. Хлопоты переборки въ домѣ для меня, старушки, утомительны были. Теперь мы въ собственномъ нашемъ уголкѣ. Дай Богъ пожить въ добромъ здоровьѣ, не для того (sic), чтобы хотѣлось жить, а изъ любопытства: не будетъ-ли намъ когда-нибудь лучше. Надо тебѣ чистосердечно сознаться, любезный братъ, что я никогда не бывала такъ чутка и внимательна къ каждому шороху, какой чудится моимъ ушамъ. Двора у насъ нѣтъ, а прохожихъ много. Можетъ, они и не думаютъ о насъ, а я о нихъ безпрестанно. Третьяго дня какой-то подошелъ къ дому; собаки бросились на него. У меня есть Молдованъ, дворникъ, въ услуженіи. Вышелъ ночью и присталъ къ любопытному посѣтителю, но онъ разсудилъ уйти отъ него. Оказалось, что посѣтитель желалъ только подѣлиться съ нами дровами. Это-бы еще не бѣда: охотно-бы я ему готова была удѣлить отъ доброй воли дровъ, только-бы не пугалъ меня. Ты знаешь мою храбрость. Пожалуйста, любезный братъ Семенъ, сдѣлай дружбу, собери на . . . . . [1]) три или четыре. Положи туды ко-

[1]) Слово не разобрано.

чень *папушои* [1]) и хоть на одну мамалыгуцу пришли моему молдовану; онъ такъ будетъ счастливъ. Я ему обѣщала все это отъ тебя выписать, и онъ до слезъ разнѣжился. Я ему на фортепьянахъ заиграла *жокъ молдованескъ* [2]). Онъ закричалъ, заплакалъ и не велѣлъ играть. Кричитъ: не хочу: мнѣ крѣпко жаль, *кныма доретыре* [3]). Бѣдный человѣкъ! Что-же чувствуютъ образованные люди?! Бѣдные-мы: какъ тяжело жить въ такомъ волненіи безпрерывномъ! Пожалуйста, мой другъ, найди случай передать твой ящичекъ въ Москву съ выше просимымъ для моего Степана. Оттуда безпрестанно родные съ обозомъ высылаютъ разныя вещи и провизію: передадутъ и твою посылку. Пусть только отдадутъ Муравьевой Катеринѣ Федоровнѣ или Александру Раевскому для передачи мнѣ.—Прощай, другъ мой Семенъ! Обними за меня Идалію и дѣтей. Дай Богъ вамъ всѣмъ счастье. Ваша М. Ю.

XCII.

Малая Разводная. 29 Декабря 1841.

Спѣшу отвѣчать, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, на два твои письма отъ 16 Октября и отъ 9 Ноября, которыя оба получилъ 20 текущаго мѣсяца. Я былъ тронутъ изъявленіемъ дѣятельной твоей заботливости о вспоможеніи намъ. Но къ чувству моей благодарности примѣшивается мысль, что въ то самое время, какъ ты хлопочешь объ улучшеніи твоихъ, являюсь я, чтобы усугубить твои затрудненія. Успокаиваю себя только надеждою на твою увѣренность въ томъ, что, безъ самой неумолимой крайности, я бы себѣ этого не позволилъ. Безъ малаго 12 лѣтъ терпѣли мы здѣсь съ женою жесточайшія лишенія и недостатокъ. Но все это, благодаря участію добрыхъ товарищей, могли мы кое-какъ пережить. Съ поступленіемъ на поселеніе оста-

[1]) Кукуруза.

[2]) Особенный, національный, молдованскій танецъ.

[3]) Какія то молдованскія слова.

лись мы при однихъ собственныхъ способахъ. Остальное извѣстно тебѣ изъ предыдущаго. Теперь мнѣ осталось только благодарить тебя, любезный другъ, за новый опытъ твоей дружбы и за ту искреннюю готовность, съ какою взялся ты пособить намъ. Съ терпѣніемъ буду ожидать послѣдствія твоихъ стараній.—Передавая перо женѣ, прошу тебя сказать мой родственный привѣтъ сестрѣ и обнять за меня моихъ племянниковъ. Прости! Твой другъ А. Юшневскій.

Прими и мою благодарность, любезный другъ Семенъ Петровичъ, за обѣщаніе выручить твоего брата изъ затрудненія. Безъ дому намъ невозможно было жить здѣсь, гдѣ нѣтъ даже лачужки порядочной. Теперь я еще болѣе спокойна, зная, что твой братъ не будетъ грустить и задумываться. Онъ даже похудѣлъ это время. Праздники мы встрѣтили вдвоемъ съ моимъ мужемъ, ни мало не скучая. Сосѣдъ нашъ, Артамонъ Захаровичъ, встрѣтитъ съ нами новый годъ. Также и два брата Борисовыхъ, которые въ нашей-же деревнѣ поселены. Не знаю, изъ чего ты, мой другъ, взялъ, что мы должны Артамону Захаровичу. Домъ купили мы въ городѣ и перенесли сюда. Хозяину надо было очистить мѣсто для постройки другого дома. Я воспользовалась предложеніемъ купить старый, и такимъ образомъ, устроили наше жилище и задолжали добрымъ людямъ. Странно видѣть домъ среди пустаго мѣста безъ ограды: субстанціи не было сдѣлать заборъ. Въ нашей сторонѣ это очень невыгодно: посѣщаютъ бѣглые, и самые жители дѣлятся съ нами дровами. Впрочемъ, здѣсь и запоры мало помогаютъ. Ты можешь себѣ представить, каково мнѣ трусихѣ жить здѣсь. До сихъ поръ Богъ миловалъ: не можемъ жаловаться, какъ другіе жалуются.... Другъ вашъ и сестра М. Юшневская.

XCIII.

Малая Разводная. 2 Марта 1842.

Больше мѣсяца, какъ я собираюсь писать тебѣ, любезный другъ Семенъ Петровичъ, но какъ-то не удавалось, и

все оттого, что голова полна однѣхъ заботъ и тоща мыслями. Къ тому-же вокругъ насъ такое однообразніе, всѣ дни такъ ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого, что мы забыли-бы измѣреніе времени, если бы переписка не заставляла справляться съ календаремъ. Если вѣчность что-нибудь въ этомъ родѣ, то надобно быть существомъ безплотнымъ, чтобы не соскучиться. Прежде, когда мы были всѣ вмѣстѣ, было что почитать: книжный запасъ былъ общимъ достояніемъ, а теперь рѣдко что-либо попадается. Нѣтъ даже Библіотеки для Чтенія, ни Наблюдателя, а для меня, особенно въ нынѣшнемъ положеніи, жить значитъ читать,—лишь-бы только не произведенія фантазіи, а что-нибудь дѣльное. Однокожь въ послѣднее время, за неимѣніемъ инаго чтенія, я прочиталъ на немѣцкомъ нѣсколько романовъ Шпиндлера и Тромлица: оно годится, чтобы не забыть языка. Предъ выѣздомъ на поселеніе нужда заставила меня продать фортепіанъ; но одинъ изъ добрыхъ товарищей снабдилъ мень здѣсь своимъ. Только отъ неимѣнія-ли новыхъ нотъ, или отъ неспокойствія мыслей, или, наконецъ, отъ возраста, я сталъ какъ будто раснодушенъ къ музыкѣ, которая преждѣ составляла лучшее изъ моихъ наслажденій. Однакожъ, чтобы не выдти изъ удара, я играю однѣ гаммы и пальцеломные этюды, этюды Гензельта. Рѣдко заглядываю въ Баховы фуги, потому что, какъ курить простой, крѣпкій, табакъ, такъ ихъ играть можно только наединѣ. У жены дѣлается отъ нихъ спазматическая зѣвота.

.... Ничего нѣтъ скучнѣе нашей жизни. Жду лѣта съ нетерпѣніемъ: займусь огородомъ, а мужъ мой постройкой службъ, необходимыхъ при домѣ, была бы только малѣйшая возможность. Знаешь-ли, мой другъ, что и на меня напала охота играть на фортепьянахъ . . . . . .

. . . . . .

На дняхъ, можетъ быть, сдѣлаютъ портретъ твоего брата для тебя. Онъ устарѣлъ (sic) очень. Ты бы удивился, какъ его измѣнили эти 16 лѣтъ. О себѣ и говорить не хочу: совсѣмъ другое лицо сдѣлалось; даже выраженіе лица со-

всѣмъ измѣнилось, послѣ тяжкой болѣзни, которую перенесла я въ Петровскомъ заводѣ; не смотря на то, что этому пошелъ четвертый годъ, я не могу прійти въ себя. Да, пора собираться въ вѣчность! Только бѣда, что мой добрый мужъ очень меня жалѣетъ и боится меня потерять. Маленькіе мои недуги его крѣпко пугаютъ.... Прощай, мой другъ Семенъ. М. Юшневская.

XCIV.

Послѣ письма твоего, любезный братъ Семенъ Петровичъ, отъ 23 Января, полученнаго 8-го Марта, мы не имѣемъ твоихъ писемъ. Мы также давно къ тебѣ не писали въ ожиданіи отъ тебя извѣстія изъ Кіева. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Андрей Казиміровичъ писалъ намъ, что ты и уѣхалъ. Но изъ молчанія твоего заключаемъ, что дѣла твои пошли не такъ успѣшно, какъ предполагалъ, à moins que vous ne nous ayez déjà écrit et envoyé l'argent et qu'il ne nous soit pas encore parvenue. Между тѣмъ въ надеждѣ на обѣщанную тобой ссуду мы принялись достраивать домъ, но наконецъ, не имѣя никакого средства продолжать, принуждены будемъ остановиться и отказаться отъ условій съ рабочими заключенныхъ. Къ этому горю присоединилось другое, важнѣйшее—болѣзнь жены, которая, однакожъ, благодаря близости города и искусству достойнаго врача, прекращена въ короткое время, и она, спасенная отъ горячки, уже оправилась. Словомъ, когда прохожу въ мысляхъ всѣ проведенные здѣсь 15 лѣтъ, то не нахожу такого денька, который не былъ-бы омраченъ какимъ-нибудь горемъ или тяжкою заботой. Одно, что еще даетъ силы все переносить, это мое здоровье, которое рѣдко мнѣ измѣняетъ, за исключеніемъ припадковъ, которые проходятъ, такъ сказать, хотя и безъ врачебныхъ пособій. Таковы припадки гемороидальные и нервическіе, бывающіе чаще зимою. Послѣдніе приписываю климату, избытку электричества, котораго напряженность здѣсь чрезвычайна. Во время здѣшнихъ морозовъ, доходя-

щихъ до 38° Реомюра, при необыкновенной сухости воздуха, мы бываемъ изолированы. По крайней мѣрѣ, я такъ себѣ это объясняю. Земля, превращенная въ толстый слой непроницаемаго льда, перестаетъ быть проводникомъ. Когда мы еще были въ Петровскомъ заводѣ, случился вотъ какой опытъ: взявшись за кондукторъ машины и *не изолируясь* [1]), человѣкъ издавалъ искры и пальцами зажигалъ спиртъ. Случалось, что ртуть впродолженіи двухъ недѣль бывала въ ковкомъ состояніи. При всемъ томъ это еще чуть не Италія сравнительно съ другими мѣстами, лежащими болѣе къ сѣверу-востоку Сибири. Въ особенности здѣсь ощутительна независимость климата отъ широты мѣста. Мы находимся здѣсь тремя градусами южнѣе Москвы и съ небольшимъ только полуторомъ сѣвернѣе Кіева.—Но я долженъ обратиться къ главному предмету. И такъ скажи намъ, любезный другъ, на чемъ остановились твои дѣйствія касательно займа, и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнится-ли наше ожиданіе. О послѣднемъ мнѣ не легко тебя спрашивать, ибо знаю затруднительное положеніе собственныхъ твоихъ дѣлъ, но твоя дружба мнѣ это позволила, а крайность меня къ тому побуждаетъ. Я писалъ уже тебѣ, что пріобрѣтеніемъ жилища и всѣмъ, что по нынѣ въ немъ устроено, обязаны пособію добрыхъ людей.... Твой другъ А. Юшневскій.

Давно не писала я тебѣ, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ. . . . . .

. . . . . .

Поговори мнѣ, пожалуйста, о сосѣдяхъ Каменки [2]). Здоровы-ли старички? Съ какимъ чувствомъ мы ихъ вспоминаемъ! Не женился-ли князь Ал.? Гдѣ теперь младшіе, George и Nicalas? Никогда ихъ не забуду. Я ихъ всѣхъ любила искренно. Когда будешь въ Каменкѣ, напомни княгинѣ меня. Я увѣрена, что память ея обо мнѣ не совсѣмъ изгладилась....

---

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

[2]) Князь и княгиня Витгенштейнъ.

У насъ лѣто чудесное. Я съ 12 числа начну сѣно косить: у насъ есть 13 десятинъ покоса. Косарей наняла 8 человѣкъ; въ недѣлю каждому по 13 руб. ассигнаціями. Копенъ будетъ мѣрныхъ 80, надѣюсь. Сочти, какъ все здѣсь дорого. Есть у меня огородъ, въ которомъ *яблочекъ* [1]) будетъ достаточно. Такъ здѣсь называютъ картофель. Будетъ морковки и укропу довольно, а петрушка и проч. не удались. Немного цвѣтной капусты, а портулаку множество. Огурцовъ еще нѣтъ, и будетъ жаль, что достатки не позволяютъ сдѣлать хоть маленькій парничекъ. Лѣтомъ я только и дышу воздухомъ, хлопочу цѣлый день и за себя, и за другихъ. Наши сосѣди по хозяйственной части меня уполномочили, и я рада, что чѣмъ-нибудь могу быть имъ полезной. Съ одной стороны нашего дома живетъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, а съ другой стороны дома собираются строиться два брата Борисовы. Одинъ изъ нихъ больной человѣкъ, а другой тоже очень глухъ и слабъ здоровьемъ. Артамонъ Захаровичъ цѣлые три мѣсяца тоже лежалъ,—сломалъ лѣвую руку, потомъ ревматизмъ присоединился,—и очень страдалъ бѣдный. Я сама едва двигаюсь, но за больными ухаживаю. Жизнь моя очень дѣятельная, но какъ-то проку мало. Хлопоты не вознаграждаются. Но я благодарю Бога, что мое существованіе на что-нибудь еще годится. Добрый мой Алексѣй Петровичъ много трудится, и безъ его помощи было бы еще тяжелѣе наше положеніе.... Я, было, принялась за фортепьянъ. Играла многое. Бертини каприсы есть чудесные и по моимъ силамъ. Но только не хочется иногда цѣлый мѣсяцъ подступиться къ фортепьянамъ. У насъ есть небольшой, Талонова, московскаго мастера. Данъ онъ намъ однимъ товарищемъ мужа моего. Тонъ пріятный, но слабенькій инструментъ. . . . . Прощай, другъ мой Семенъ. Сестра твоя и другъ Марія Юшневская.

6-го Іюля 1842. Малая Разводная.

---

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

XCV.

Малая Разводная. 17 Августа 1842.

Двѣ недѣли тому назадъ, какъ я получилъ письмо твое отъ 21 Іюня, любезный другъ Семенъ Петровичъ. Изъ предыдущаго моего письма отъ 6 Іюля ты уже видѣлъ, какъ справедливы были мои догадки насчетъ неуспѣшности твоихъ дѣлъ. Пособить не чѣмъ, кромѣ терпѣнія. Не скрою, что это поставило насъ въ жестокое затрудненіе. Я такъ убѣжденъ въ искренности твоего желанія помочь намъ, что мнѣ совѣстно было читать твои извиненія и въ особенности подробный отчетъ въ употребленныхъ деньгахъ. Если-бы ты говорилъ мнѣ это лично, то я не позволилъ-бы себѣ слушать. Одно только, на что я имѣю право, это—принимать искреннее участіе въ твоихъ затрудненіяхъ и непріятностяхъ. И такъ, напрасно ты думаешь, что мое мнѣніе о г-нѣ Попов(скомъ) можетъ имѣть малѣйшее вліяніе на братскую дружбу и любовь. Старый юридическій афоризмъ гласитъ: „habeatur justus, donec probetur injustus“. Слѣдовательно, съ перемѣною свойствъ субъекта, позволительно перемѣнить и наше объ немъ заключеніе. Притомъ-же тебѣ извѣстно, что я не имѣю никакого понятія ни о существѣ дѣла, ни о томъ, что произошло между вами.—Что касается до трансфертной записки, то я не имѣю возможности воспользоваться этимъ способомъ, а долженъ ожидать успѣха собственныхъ твоихъ стараній. Не стану повторять тебѣ, какъ мнѣ больно усугублять твои затрудненія; не могу и выразить, какъ это меня мучитъ. Прости, мой добрый другъ!... Твой другъ А. Юшневскій.

Добрый мой другъ, Семенъ Петровичъ.... Наши желанія весьма умѣренны: самый неприхотливый кусокъ хлѣба, да независимый теплый свой уголокъ, маленькая прислуга,—и доживали бы мы свои дни спокойно. Главное, прежде всего—расплатиться съ тѣми, которые насъ одолжили. Здоровье наше порядочно. Не знаю, какъ проведу зиму, а теперь могу ходить много, довольно хорошо себя чувствую. Если поз-

волитъ Богъ прожить, провела бы лучше прошедшей. Хозяйство мое не увеличивается безъ средствъ. Сѣна накосили возовъ до 30, можетъ, больше. Тихоступъ нашъ, старичекъ, будетъ сытъ. Огородные овощи хоть и плохи, но есть всего по немногу. Не смотря на дождливое лѣто, ягодъ было мало; грибовъ совсѣмъ нѣтъ почти, но, сказываютъ, кедровыхъ орѣховъ бездна: масло будетъ дешево. Урожай чудесный на хлѣбъ. Если удастся снять хорошо, все будетъ дешевле. До сихъ поръ еще незамѣтно этого, но когда начнуть возить новый хлѣбъ, цѣны уменьшатся. Поговори намъ больше подробностей о твоемъ семействѣ.... Не забывай старушку, твою сестру и друга, Марью Юшневскую....

XCVI.

Малая Разводная. 19 Октября 1842.

....Это письмо, вѣроятно, застанетъ уже оконченными твои дѣйствія касательно займа. Съ тѣмъ вмѣстѣ и я ожидаю обѣщанной благостыни. Мы живемъ въ такой крайности, что не постигаю, какъ дальше существовать будемъ. Постройку необходимыхъ принадлежностей дома невозможно было остановить, надобно было кончить во что-бы то ни стало; а это надобно было дѣлать посредствомъ займа, то она стоитъ намъ необыкновенно дорого. За то теперь у насъ почти все есть необходимое для удобства жизни. Недостаетъ бездѣлицы—чѣмъ жить, и это безъ преувеличенія, а въ буквальномъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, я пользуюсь постояннымъ здоровьемъ, которое даетъ силы противустоять всему; но жена рѣдко бываетъ свободна отъ какихъ-либо припадковъ, которые тѣмъ труднѣе переносить, что надобно отказывать себѣ нерѣдко въ самомъ необходимомъ. Вотъ она сама тебѣ напишетъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Здравствуй, дорогой мой другъ, Семенъ Петровичъ.... Ты нынѣ, вѣрно, захлопотался дѣлами. Ахъ, любезный другъ, и наша жизнь проходитъ въ большихъ заботахъ, а помочь

невозможно себѣ, какъ-бы не старались. Стѣсненное положеніе мужа моего не допускаетъ трудами помогать себѣ, какъ бы хотѣлось. Братъ твой трудится, и еслибы не онъ помогалъ горю, плохо-бы было. . . . . .
У насъ начались уже холода, и я, бѣдная старушка, устраиваю себѣ уголокъ на всю зиму. Каково на семь мѣсяцевъ готовиться сидѣть! За то, если доживу до будущаго лѣта, опять молодцомъ буду на воздухѣ цѣлые четыре мѣсяца. Здоровье мое поправится. Я даже лѣтомъ моложе кажусь, веселѣе, хожу скоро и легко, съ удовольствіемъ даже хлопочу по моему маленькому хозяйству.... Сестра М. Юшневская.

XCVII.

Я замедлилъ благодарить тебя, любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 5 Октября и за твою заботливость успокоить насъ. Причиною тому безпрестанная болѣзнь моей жены и неспокойствіе мыслей. . . . . .
Обѣщаніе твое отправить деньги въ концѣ Октября ободрило нѣсколько насъ среди нашего унынія, ибо должно признаться, что мы въ жестокомъ затрудненіи, и я не могу себѣ представить, что съ нами будетъ, если наше ожиданіе продолжится.—Благодарю тебя, мой добрый другъ, за все то, что ты сказалъ касательно брата, Андрея Казимировича. Зная, какъ я всѣхъ ихъ люблю, ты поймешь чувство моей благодарности. Всякій опытъ дружбы, который ты ему окажешь, будетъ утѣшать меня въ моей невозможности быть ему полезнымъ.—Съ душевнымъ прискорбіемъ узнали мы отъ тебя о новой потерѣ, постигшей почтенное семейство твоихъ сосѣдей [1]). Все, до нихъ касающееся, близко намъ, какъ-бы родное; чувства наши къ нимъ угаснутъ только съ нашею жизнью.—Я потѣснился, чтобы оставить больше мѣста для приписки жены, но не знаю, будетъ-ли она въ состояніи писать. Скоро три мѣсяца, какъ она безъ отдыха страдаетъ....

[1]) Витгенштейнъ.

Еслибы можно было дѣлиться здоровьемъ, то моего стало бы для обоихъ насъ, ибо оно никогда мнѣ не измѣняетъ, хотя скоро будетъ мнѣ 57, только такъ худъ, какимъ ты меня не видывалъ.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

4 Января 1843.

Назадъ тому съ мѣсяцъ ртуть была замерзши. Теперь ожидаю того-же.

XCVIII.

На силу собрался я, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, отправить къ тебѣ обѣщанный портретъ.... Всѣ дни наполнены тѣмъ-же однообразіемъ, горечью и заботами. Хорошо, однакожь, то, что здоровье жены съ нѣкотораго времени стало удовлетворительнѣе. О моемъ не говорю. Я кончилъ 57 лѣтъ, и еще ни одного дня не лежалъ больной, что даже не совсѣмъ прилично людямъ хорошаго тона. За то ужь, вѣрно, когда-нибудь слягу, чтобы больше не вставать.... Ты обѣщалъ показать опыты свѣтописи. Вѣроятно, ты прочиталъ уже гдѣ-нибудь извѣстія о новыхъ опытахъ надъ дѣйствіемъ свѣта профессора Мёзеръ, дѣланныхъ въ присутствіи Гумбольдта и Энке. Подлинно, дойдутъ скоро до того, что откроютъ средство удерживать изображеніе предмета, видимаго въ зеркалѣ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная. 5 Апрѣля 1843.

Ты и не воображай себѣ, мой добрый другъ Семенъ Петровичъ, чтобы твой братъ могъ быть когда-нибудь похожъ на этотъ портретъ! Я бы была въ отчаяніи. Если ты хочешь, черты лица его, но выраженіе, о Господи! Неужели есть люди съ такимъ выраженіемъ лица?! Твой братъ сохранилъ свѣжесть лица, какую всегда имѣлъ; даже днями бываетъ красенъ, когда не по себѣ ему, или немного приливъ къ головѣ. Ты помнишь, лице его выражаетъ кротость, благородство души его. Сѣдины у него въ-половину нѣтъ,

сколько здѣсь нарисовано. Одна худоба твоего брата изображена. Впрочемъ, если случалось показать мнѣ этотъ портретъ кому-нибудь,—узнаютъ, что намѣреніе было изобразить Алексѣя Петровича. Кстати разскажу тебѣ, какъ у насъ, бывало, стража солдатъ узнаютъ сходство портретовъ. Однажды Бестужевъ нарисовалъ очень похожій портретъ m-me Фонвизинъ. Сторожъ увидѣлъ и закричалъ во все горло: „ахъ ты проказникъ, Николай Александровичъ, даже живаго ты Якушкина представилъ!“ Другой разъ портретъ Швейковскаго нашли похожимъ на m-me Давыдову. Не думай, чтобы это одни простые такъ различали. Однажды порядочный человѣкъ подошелъ, когда дѣлали портретъ, удивлялся сходству и указалъ пальцемъ на носъ, у него не дорисованный. (Носъ) остался на пальцѣ. Такъ живописецъ съ отчаянія мазнулъ кистью по всему лицу, и пропала вся работа.... Ваша сестра М. Юшневская.

XCIX.

Малая Разводная. 5 Іюля. 1843.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, письма твоего долго ожидали, и какое ты намъ далъ дурное извѣстіе о почтенномъ князѣ Витгенштейнѣ! Трудно ему поправиться послѣ такой тяжкой болѣзни: съ 25 Декабря ему пошелъ, помнится, 79-й годъ. Да укрѣпитъ его Богъ! Ты ни чего мнѣ не сказалъ о добрѣйшей почтенной княгинѣ. У насъ слухи пронеслись, будто она потеряла зрѣніе, но какъ ты не писалъ мнѣ никогда объ этомъ, то я не вѣрю. Какъ то она теперь бѣдная поживаетъ? Съ Марта 12-го и ей пошелъ 64 годъ. Дай имъ, Господи, все доброе, чтобы не испытывали тяжелыхъ огорченій. Трудно ихъ переносить, какъ человѣкъ ни твердъ въ вѣрѣ и (какъ ни) готовъ повиноваться волѣ Господней! . . . . . .
Какъ бы то ни было, и что бы то не терпѣлось, а есть теперь свой уголокъ и даже лучшій, чѣмъ мы предполагали

съ мужемъ. Да укрѣпитъ Богъ здоровье моего Алексѣя Петровича! Все будетъ хорошо. Трудно старичкамъ много такъ трудиться, а что-же дѣлать! Нужда научитъ покоряться необходимости: славный учитель!... Сестра и другъ твой М. Юшневская.

Извѣстіе о добродѣтельномъ князѣ очень насъ опечалило, хотя въ его лѣта, при всей воздержной его жизни, должно ожидать чего-нибудь подобнаго. Сомнительно даже, чтобы онъ выдержалъ предпринятый путь. Память о немъ должна вѣчная сохраниться въ нашемъ семействѣ. Никто до самаго конца не оказалъ намъ столько искренняго дѣятельнаго участія, могу сказать, дружбы, какъ оба они. Не замедли, прошу тебя, увѣдомить насъ о дальнѣйшемъ его положеніи.—Портретъ мой, отправленный къ тебѣ 5-го Апрѣля, вѣроятно, ты уже получилъ, и потому въ скоромъ времени ожидаю твоего письма. При этомъ вспомнилъ я объ опискѣ Библіотеки для Чтенія въ описаніи хризолита, о которой ты....[1]).—Въ № 3 Отечественныхъ Записокъ за Мартъ текущаго года сказано, что бумага намачивается лимоннокислымъ аміакальнымъ желѣзомъ, а послѣ просушки смачивается въ растворѣ полуторной соли синеродистожелѣзистаго потассія. Изображеніе, напечатанное отрицательно на бумагѣ, будучи намочено первою изъ означенныхъ жидкостей, дѣлается тотчасъ изъ слабаго яснымъ, когда его обмоютъ нейтральнымъ растворомъ золота.... Твой другъ А. Юшневскій.

С.

26 Сентября 1843. Малая Разводная.

Добрый другъ и братъ Семенъ Петровичъ.... У насъ на дняхъ спустили пароходъ,—большое событіе въ нашей Сибири. До сихъ поръ по Байкалу плавали грязныя суда, большею частью, съ омулями (наши сибирскія сельди и глав-

[1]) Слово пропущено въ оригиналѣ.

ный рыбный промыселъ). Перевозятъ и чаи и разный товаръ на особыхъ судахъ, но все это очень некрасивыя, плоскодонныя суда, безъ всякихъ выгодъ для пассажировъ, такъ что многіе предпочитали большую лодку и скорѣе переплывали Байкалъ. Когда пріѣхала я къ твоему брату, 6 сутокъ качало меня на Байкалѣ. Другой разъ переѣхала счастливо, когда всѣ мы пріѣхали сюда на поселеніе. Въ третій разъ проѣхали по льду море [1]) въ концѣ Марта, ѣдучи на горячія воды. Въ Августѣ опять въ четвертый разъ переплыла море счастливо въ однѣ сутки. Невозможно довольно налюбоваться горами, окружающими Байкалъ. Прелестныя мѣста есть. Гольцы въ виду. Покрыты снѣгомъ верхи этихъ горъ. Чудесный видъ, особливо, когда солнцемъ освѣтитъ всю эту группу горъ. Иныя имѣютъ совершенную форму сахарной головы. Нѣсколько недѣль тому назадъ ѣздила я по хозяйственнымъ дѣламъ за 80 верстъ отъ насъ къ Байкалу по другую сторону—называемая кругоморская дорога. Ты себѣ не можешь вообразить узкой скалистой дороги, исковерканной рытвинами. Крутизны горъ, лѣсъ—тайга непроходимая, необыкновенной высоты сосны, кедри, темнота, чаща такая, что три шага сдѣлать нельзя. Все покрыто мохомъ, очень красивымъ. Какъ подушки мѣховыя лежатъ по лѣсу. И разный цвѣтъ на этихъ подушкахъ, большею частью, розовый, голубой и желтый. По дорогѣ малины множество, огромные кусты. Въ этомъ году все замерзло: не было ни ягодки. За то видѣла я первый разъ въ жизни, какъ растетъ морошка, и ягоды кушала свѣжія. Не нашла много вкуса въ ней. Черная смородина несравненно лучше. Но что за удовольствіе было для меня видѣть рыбаковъ, ловко разбрасывающихъ свои сѣти по морю, управленіе лодками съ такимъ искусствомъ. Прелесть, сколько рыбы въ одинъ разъ вытаскиваютъ. Какая вкусная рыба,—чудо что такое. Нельзя имѣть понятія, какое объяденіе жаренные свѣжіе омули.

[1]) Такъ сибиряки называютъ Байкалъ, иногда съ прибавкой эпитета „святое“. Ред.

Только могутъ наслаждаться этимъ удовольствіемъ тѣ, которые живутъ на этихъ берегахъ. Я смотрѣла нѣсколько часовъ, какъ при лунномъ свѣтѣ ловили рыбу. Трудно описать тебѣ, другой мой, какой это былъ видъ чудесный. Въ Культукѣ, гдѣ я была, узкое мѣсто моря; съ обѣихъ сторонъ горы покрыты лѣсомъ, и посрединѣ моря полоса свѣтлая отражалась отъ луны. Чудесный видъ. Тутъ я вспомнила Софіевку, и такъ сдѣлалось грустно, тяжело на сердцѣ, что я поскорѣй усѣлась въ тарандасъ (sic) и ночью же уѣхала оттуда. Хорошо, что успѣла купить себѣ соленой рыбы и все, что мнѣ было нужно.—У меня теперь садятъ кусты смородины, по скату горы къ рѣкѣ. Ты уже знаешь, что домъ нашъ стоитъ на высотѣ, на берегу Ангары. Ограда нашего дома внизу. Отъ рѣки мѣсто осталось для дороги. Посрединѣ ограды сдѣланы небольшія ворота и выходъ на Ангару. Жаль, что не умѣю снимать видовъ. Я бы тебѣ послала рисунокъ, и ты бы любовался мѣстоположеніемъ. У насъ и зимою, и лѣтомъ, народъ мимо самого дома проходитъ. Зимой по льду почтовая дорога, а лѣтомъ суда, лодки, поминутно плоты; теперь на корабляхъ цѣлыя скирды сѣна плывутъ. Право-же, это очень мило! А на рисункѣ каждая вещь лучше еще кажется. Все, что тебѣ сказала въ моемъ письмѣ, написано съ мыслію, чтобы ты видѣлъ, что и у насъ есть свои прелести Сибирскія, есть мѣста хорошія, даже нравятся самые дикія мѣста, которыхъ не найдешъ нигдѣ. Вообрази: когда я ѣхала въ Культукъ, нарочно замѣчала, не попадется ли птица какая-нибудь. Такая тишина, что ничего живого не найдешь, ни даже жучка, ни червячка, ну ничего—однимъ словомъ—кромѣ множества мошки и большихъ комаровъ. Никто, даже проѣзжающій, не попадался. Сказывали жители Культука, что медвѣдей много бываетъ и то далѣе въ лѣсахъ. Жаль, что не по силамъ было на Хамаръ-Дабанъ взобраться—можно только верхомъ и то очень страшно. Есть узенькая дорога, и та засыпана каменьями.

Много-бы тебѣ еще могла говорить о нашихъ горахъ и дикихъ мѣстахъ, да всего не перескажешь и надоѣсть можно.... Твой другъ М. Юшневская.

Отдѣлъ V.

Замѣтки и извѣстія.

Изъ исторіи подложныхъ документовъ.

1) Грамота Галичскаго князя Льва.

Дошедшія до насъ грамоты съ именемъ этого князя признаются согласно почти всѣми историками подложными; мы не будемъ перечислять этихъ грамотъ и излагать литературу по вопросу объ ихъ подложности, такъ какъ это сдѣлано уже проф. И. А. Линниченкомъ въ своихъ работахъ [1]), но имѣемъ въ виду обратить вниманіе на его мнѣніе, что нѣкоторыя изъ грамотъ могутъ быть признаны подлинными и что основанія, по которымъ другія грамоты считаются подложными, слабы, недостаточно обоснованы, а иногда и мотивы подлоговъ совершенно гадательны; между тѣмъ многіе изслѣдователи спѣшатъ рѣшительно высказываться противъ ихъ подлинности. Разсматривая спорныя грамоты и задаваясь вопросомъ о степени ихъ достовѣрности, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ грамоты князя Льва, во 1-хъ, предъявляются несомнѣнно древними родами и учрежденіями и, во 2-хъ, что они представляются

[1]) Изъ такихъ работъ назовемъ: „Грамоты Галичскаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историчныхъ источниковъ". Спб. 1904 (оттискъ изъ „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Император. Академіи Наукъ", 1904 г., т. IX, кн. I, стр. 80—102).

въ такую пору и при такихъ условіяхъ, когда эти роды, если бы они были даже и безправными владѣльцами, могли легко обойтись и безъ всякихъ грамотъ; поэтому, на основаніи существующихъ редакцій ихъ, нѣсколько преждевременно совершенно отрицать ихъ подлинность; если же принять во вниманіе, что до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи и развитіи частнаго землевладѣнія въ Галичской и Юго-западной Руси, вызвавшемъ появленіе на свѣтъ опорочиваемыхъ грамотъ, остается неизслѣдованнымъ должнымъ образомъ, не считая сочиненій, лишь отчасти затрогивающихъ этотъ вопросъ, то признаніе подложности грамотъ кн. Льва покажется еще болѣе спѣшнымъ; быть можетъ, со временемъ, во многихъ, если не во всѣхъ, случаяхъ, окажется, что въ основѣ лежитъ дѣйствительный фактъ выдачи грамоты, что, съ утратой подлинныхъ грамотъ, вслѣдствіе разнаго рода несчастныхъ обстоятельствъ (пожаровъ, татарскихъ разореній и проч.), владѣльцы ихъ прибѣгали къ возстановленію по памяти утраченнаго подлинника, что на этой почвѣ возстановленія и происходило искаженіе грамотъ, доходившее до введенія или уничтоженія въ нихъ такихъ частей, которыя въ то или другое время были излишни или недоставали (напр. грамота князя Романа Галичскаго Кіево-Печерской лаврѣ, князя Любарта Гедиминовича Луцкой епископской каѳедрѣ и друг.). Примѣромъ искаженія грамотъ князя Льва, въ основѣ своей быть можетъ дѣйствительныхъ, служитъ, между прочими, грамота его старому дворянскому роду Кульчицкихъ, приведенная въ работахъ проф. Линниченка [1]) и Грушевскаго [2]). У послѣдняго она приводится не только въ своей основной первоначальной формѣ, но и съ позднѣйшими приращеніями, съ какими была внесена въ Перемышльскія актовыя книги конца XVII в. Проф. Грушевскій относитъ внесеніе грамоты въ Пере-

[1]) Черты изъ истор. сословій въ Юго-Запад. Руси, стр. 57.

[2]) „Чи маемо автентичні грамоты кн. Льва?“ въ Зап. Наук. Товар. імени Шевченка, т. XLV.

мышльскія книги къ 1696 г. на основаніи частной копіи, сдѣланной г. Т. Реваковичемъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, но самыми актовыми книгами г. Грушевскій не пользовался, по всей вѣроятности, не найдя въ нихъ грамоты подъ указаннымъ годомъ вслѣдствіе ошибочности даты ея въ копіи г. Реваковича. Случайно эту грамоту мы встрѣтили въ Кіевскихъ замковыхъ актовыхъ книгахъ 1790 года, куда была внесена выпись грамоты князя Льва изъ Перемышльскихъ актовыхъ книгъ, но не 1696 г., а 1660 г., и притомъ съ припиской 1366 г. о какой-то провѣркѣ грамоты королевскимъ судомъ, но о припискѣ этой проф. Грушевскій не упоминаетъ. Предполагая, что такая приписка въ болѣе исправномъ видѣ быть можетъ сохранилась въ Перемышльскихъ книгахъ 1660 года и что указываемая нами точность даты внесенія туда грамоты князя Льва даетъ возможность провѣрить приписку 1366 г., мы и приводимъ ниже запись грамоты въ Перемышльскія книги со всею точностью, съ какой она имѣется въ Кіевской замковой книгѣ 1790 г., хранящейся въ Центральномъ Архивѣ Университета св. Владиміра, приводимъ ее въ надеждѣ, что будущему изслѣдователю исторіи частнаго землевладѣнія и въ особенности грамотъ князя Льва эта приписка можетъ пригодиться и дать не лишенный значенія фактъ для рѣшительнаго признанія грамоты подлинной или подложной.

Roku tysiąc siedemset dziewięćdziesiątego, miesiąca nowembris dziewiętego dnia.

Na urzędzie grodz., w miescie J. K. M. Żyt., przede mną, Kaietanem Trzeciakem, regentem przysiąg. grod., genell. w-twa Kijow., y xięgami ninieyszemi grod. Kijow., osobiscie stawaiący ur. Jan Kulczycki te kopię z extraktu originalnego z upisaniem w nim przywileju od j. o. x. Leona, ziemi Ruskiey dziedzica, ur. Kulczyckim na dobra wies Kulczyc łaskawie danego, na papierze Jego Cezarskiey Mosci napisaną, z przyszytem arkuszem papieru srebrnogroszowego, polskiego, do akt grod. Kijow. w oblatą podał w ten sposob:

Kopia przywileju panow Kulczyckich z extractu originalnego.

Actum Praemisliense, in judicio terrestre Praemislien. et districtu Praemisliensi, vigore confederationis in conventu..... nensi palatinatus Russiae proximi expedite, ordinatio, feria quinta pridie festi Exaltationis sanctae Crucis, anno Domini millesimo sexcentesimo sexagasimo.

Ad judicium praesens castr. terrae Praemislien. actaque judicii ejusdem, veniens personaliter, nobilis Michal Kulczycki-Zankowicz obtulit eidem judicio et ad acticandum porrexit literas pergamineas, ruthaenico stillo scriptas vetustatis et sigillo appensas, seu donationem villa Kulczyce, per seraenissimo olim ducem Leonem benignite datas, servientes, cujus affectationi et juri communi Regni judicium praesens annuendo, has literas a se offerenti suscepit et actis connotavit, ... quarum literarum rutenicarum tenoris talis:

Ja, u Boze, Lew, kniaz y pan Ruskoy zemli, dalem seło Kulczycy słuzi swoiemu Melentomu Turkiewiczowy w Samborskoy oblasty, iakosmy samy derzaly, z chłopami, sytnikamy y zo wsima pozytkami, polamy, sinozatiami, pastwiskamy. lisamy, dubrowamy, bortamy y sitiu (sic!) y z uroczyskamy, do Kulczyc nalezaczemy: Kobyla y Boleniz, horod, sad y rudel miezy mezamy ohraniczonymy Babinskoho, Komelskoho, Ozminskoho, Stupnickoho, Ubornickoho y Samborskoy; kto by naszy łysty mal zlamaty budu maty z nym sud pred Bohom; a na herb daju Sasa. Pysalosia w lito od Rozdestwa Chrystowa perszoy tysiaczy dwochsot osmdesiatoho czetwertoho.

Post cujus privilegii ruthenice ingrossationem, originale eidem offerenti per judicium praesens extraditum est.

U tey kopii privilegii z extractu originalnego korrecta, pieczęc y zaswiadczenie takowe: Correxi Nowosinski (L. S.).

Productum coram judicio sacrae magestatis circa visitationem laure(?) inter officiales communitatis Samboriensis et com-

munitatos inter villaram(que) eo nomine atque camerarium Kulczyce nec non alios incomparatis ne expressas.

Feria quarta, in crastino festi sanctae Agnetis virginis et martyris, anno Domini millesimo trecentesimo sexagesimo sexto. Adamus Brzezowski.

Ktora to kopia, slowo w slowo, iak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych grod. Kijow. iest zapîsana.

Книга Кіев. Централ. Архива № 122, л. 188 об., актъ 192-й.

2) Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

Земскій подсудокъ Лубенскаго повѣта Ѳедоръ Булюбащъ 20 августа 1780 года подалъ въ Малороссійскую коллегію „доношеніе“ о томъ, что въ эту коллегію представленъ „Коммиссіей генеральной описи“, бывшей въ Лубенскомъ полку, одинъ подложный универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, вмѣстѣ съ другими документами и крѣпостными актами, которыми Кіевскій Пустынно-Никольскій монастырь доказывалъ въ упомянутой коммиссіи свои права на земли; въ этомъ универсалѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „трактуется о Чигринѣ“, приписано „Дуброва“. Чигринъ же и Чигринъ-Дуброва—двѣ различныя мѣстности; одинъ изъ нихъ лежитъ на правомъ, а другой—на лѣвомъ берегу Днѣпра; первый принадлежитъ Польшѣ, а второй—Россіи. Теперь же (въ 1780 г.), въ силу указа Правительствующаго Сената, Малороссійской коллегіей назначены особые „коммиссіонеры“ для передачи Пустынно-Никольскому монастырю всѣхъ земель, значащихся въ его документахъ и простирающихся на 70 верстъ въ длину; эти земли, извѣстныя подъ именемъ Климятицкихъ, заселены на всемъ указанномъ пространствѣ, и въ ихъ предѣлы входятъ также земли, принадлежавшія отцу „доносителя“ Демьяну Булюбашу, полковому Лубенскому судьѣ; „фалшивый“ универсалъ служитъ доказательствомъ незаконности владѣнія, „искательства“, монастыря, по мнѣнію „доносителя“, а по-

тому онъ проситъ коллегію выдать ему, конечно, для предъявленія иска къ монастырю, копію „фалшиваго“ универсала, съ означеніемъ всѣхъ поправокъ. Коллегія постановила выдать Ѳедору Булюбашу такую копію.

Приводимъ этотъ оспариваемый универсалъ, съ замѣчаніями коллегіи на поляхъ.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ, зъ войскомъ его кор. мл. Запорожскимъ.

Ознаймуемъ тымъ писаннемъ нашымъ кому ведаты надлежитъ, меновыте, сотникови и атаманови и всѣмъ обывателямъ *Чигринъ-Дубровскимъ* мѣста *Чигринъ-Дуброви* и селъ до него належачихъ: поневажъ маетности до монастыра с-того Николи-Пустиннаго Кіевского зъ давнихъ лѣтъ отъ побожныхъ ктиторовъ, пановъ и христіанъ благочестивыхъ наданые и мѣстцу с-тому офѣрованые, а от королев ствержены привилѣями и потомъ черезъ пановъ отнятые и отъ мѣстца с-того отдаленые, о чемъ декреты судовые, въ книгахъ земскихъ и гродскихъ и трибуналскихъ переведеніе и до экзекуцыи и интромѣсіи приведеные сведчатъ; для чого мѣстце святое през часъ немалый много шкодъ поносило; а теперь, видячи мы, же тые маетности, декретами присуженые, помененому монастыреви належатъ ведлугъ привилеовъ давныхъ; теды, яко иншои шляхты добра свое волно обыматы, такъ и монастыра вышей-речоного игуменъ и капѣтула отнятые и присуженые мѣстцу с-тому добра обымаютъ и свои урядники посилаютъ; протожъ росказуемъ, абы въ мѣсте *Чигринъ-Дуброви* и селахъ тамъ належачихъ вси тые, которые колвекъ въ реестръ войска Запорожского написаны послу-

Въ подленномъ увиверсалѣ дикціи: Чигриндубровскимъ и Чигринъ Дуброви— переправлены.

Такожъ дикція: Чигириндуброви въ подлѣномъ переправлена.

шенство звыклое отдавали и яко поданные повынности своеи досытъ чинили и ни в чемъ спречними и противными не были урядникамъ и старшимъ, отъ игумена и капитулы монастыра Никольского посланнымъ; а если бы якіе иншіе урядники хотѣли наеждчать до *Чигринъ-Дуброви* и до селъ, до него належачихъ, съ тѣми не задирать и ничего не починать безъ вѣдомости и позволеня игумена и капитулы монастырской, кгдыж кождый маетъ волное право въ судахъ ведлугъ правъ и привилеевъ распиратся, въ чемъ всемъ козаки не мають быти перешкодою, а овшемъ радою и помочу, въ млины, аренды, шинки и въ иншие монастирские пожытки не втручаючися, бо предъ тымъ козаки моремъ и землею праци своеи шаблею пожиненье мѣли и церкви божіе надаряли; и повторе напоминаемъ, абысте иначей не чинили подъ караньемъ суровымъ. Въ Чигиринѣ, 1-го ноября 1651 года. Въ подлинномъ подписано тако: Богданъ Хмельницкій, рука власна. М. П.

Въ дикціи: до Чигринъ - Дуброви, лѣтери: чиги, написаны на подчисткѣ; ринъ— переправлены; дуброви—сверху приписано.

Сия копѣя списана съ подлѣннаго унѣверсала, въ Малороссійской коллегіи имѣющагося, и, по опредѣленію оной коллегіи, съ означеніемъ, какіе въ подлѣнномъ имѣются переправки, подчистки и приписки, подсудку земскому повѣта Лубенскаго Федору Булюбашу дана 1780 году августа...

Но это свидѣтельство Малороссійской коллегіи грѣшитъ недомолвкой. Она умышленно не говоритъ о томъ, что въ коммиссію Генеральной описи Малороссіи представлялись не подлинники крѣпостныхъ актовъ, а копіи, и при томъ копіи часто неисправныя, съ помарками; неудивительно, что въ дѣлахъ коллегіи и универсалъ Богдана Хмельницкаго

оказался съ помарками и приписками. Такія копіи можно тамъ наблюдать и теперь [1]).

Этотъ же самый универсалъ имѣется и въ книгѣ копій крѣпостныхъ актовъ Кіево-Пустыннаго Никольскаго монастыря на л. 87 об.[2]). Здѣсь универсалъ Хмельницкаго написанъ безъ всякихъ подчистокъ и поправокъ. Эта книга копій крѣпостныхъ актовъ монастыря была изготовлена въ царствованіе Елисаветы Петровны и представлена въ Сенатъ для сличенія съ подлинными актами и для засвидѣтельствованія ихъ взаимной вѣрности, во избѣжаніе всякихъ случайностей и подлоговъ, такъ какъ монастырь велъ тяжбы съ полковниками Лубенскимъ, Миргородскимъ и Прилуцкимъ, которые захватили монастырскіе земли и основали на нихъ многіе села и города. Сенатъ, свѣряя и скрѣпляя вѣрность копій, не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній о поправкахъ и припискахъ. Универсалъ Хмельницкаго не возбуждалъ тамъ ничьихъ сомнѣній. Наконецъ, трудно думать, чтобы гетманъ выдалъ универсалъ съ поправками и приписками, безъ оговорокъ; чтобы онъ не различавъ Чигирина отъ Чигринъ-Дубровы. Поэтому, на попытку Булюбаша объявить этотъ универсалъ подложнымъ и на именованіе коллегіей завѣдомой копіи подлинникомъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одно изъ средствъ борьбы частныхъ владѣльцевъ съ монастыремъ изъ-за богатыхъ и населенныхъ земель, средствъ, которыя давали возможность продолжить на нѣкоторое время судебную волокиту, если нельзя было совсѣмъ отнять эти земли.

Что касается до терминовъ: подложный, подлинный, то мы считаемъ не лишнимъ сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ. Въ строго юридическомъ смыслѣ, всякій неподлинный документъ, выдаваемый за подлинный, есть

---

[1]) См. „Чтенія въ Историч. Общ. Нест.-лѣт.," кн. II, стр. 165, рефератъ И. В. Лучицкаго.

[2]) Книга Кіев. Центр. Архива № 5974.

уже безусловно подложный („фалшивый“); по большей части опредѣляемыя такими документами права одного лица служатъ въ ущербъ другому; конечно, какъ судебное доказательство въ тяжбѣ двухъ сторонъ, они не могутъ быть принимаемы за основаніе права ни одной, ни другой стороны и должны быть судомъ отринуты. Но въ прошлые вѣка, когда документы въ большемъ количествѣ гибли отъ разныхъ причинъ (войнъ, крестьянскихъ возстаній, татарскихъ разореній и т. п.), наиболѣе цѣнные изъ нихъ, и наиболѣе древніе особенно, владѣльцами ихъ возобновлялись, возстановлялись по памяти, съ цѣлью не столько укрѣпленія правъ, сколько ради приданія имъ важности ссылкой на глубокую древность, къ которой они относились и въ дѣйствительности. Такіе возстановленные по памяти, при томъ возстановленные болѣе или менѣе точно по имѣвшимся быть можетъ у владѣльцевъ частнымъ копіямъ ихъ, имѣютъ историческое значеніе и, если не противорѣчатъ юридическимъ условіямъ жизни того времени, къ которому бываютъ пріурочиваемы, то въ такомъ случаѣ они могутъ быть признаваемы за подлинные, какъ доказательство дѣйствительно совершившагося факта. Въ такомъ смыслѣ мы признаемъ подлинными, напр., и грамоты, о которыхъ недавно говорилось на страницахъ нашихъ „Чтеній“, грамоты кн. Любарта Гедиминовича, кн. Романа Галичскаго и друг.

И. Каманинъ.

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна IV-й и V-й книгъ „Чтеній“ по 2 р. 50 к.				
„ VI-й	„	„	„ 3 „ 50 „	
„ II, VII, IX, XIII	„	„	„ 3 „	
„ VIII, X, XI	„	„	„ 2 „	
„ XII	„	„	„ 4 „	
„ XIV, вып. 1	„	„	„ 1 „ 25 „	каждая
„ — „ 2 и 3	„	„	„ 1 „ 40 „	съ пер
„ XV, „ 1, 2, 3 и 4		„	„ 1 „ 50 „	
„ XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)		„	„ 4 „ 50 „	сылкой
„ „ „ 4	„	„	„ 1 „ 50 „	
„ XVII „ 1		„	„ 1 „ 50 „	
„ „ „ 2, 3 и 4		„	„ 1 „ 25 „	
„ XVIII „ 1 и 2		„	„ 1 „ 25 „	
„ „ „ 3 и 4		„	„ 2 „	
„ XIX „ 1—3		„	„ 1 „ 25 „	

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда“, 2 тома in 4°, с атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (с рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт.“ (Рѣчь и исто рич. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., с пересылкой.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому К. 1904. Ц. 2 р. съ пересылкой.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. К. 1906. Ц. 2 р. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт. съ 1907 г. выходятъ томами въ 3 выпускахъ, которы составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ н всѣ 3 выпуска,—**3 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относи тельно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Обще ство Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владимира** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманин** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца. Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

Stanford University Libraries
3 6105 013 554 436

Stanford University Lib
Stanford, California

Return this book on or before dat